

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

№ 4 (20)

SOCIETIES, LAW, STATEHOOD: RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published, in scientific specialty 5.1.4. Criminal Law Sciences (Juridical Sciences) should be published.

12+

© Уфимский юридический институт МВД России
ISSN 2949-0979

Уфа – 2024

Об издании – [2](#), [5](#)

Главный редактор:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Заместитель главного редактора:

Исаев Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, Заслуженный работник образования Республики Башкортостан, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Безлепкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России.

Бельский Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Бондаренко Юлия Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Бурханова Флюра Булатовна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Гусманов Искандер Узбекович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Финансы и кредит» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Уфимский филиал).

Гусманов Расул Узбекович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Башкирского государственного аграрного университета.

Даллакян Карлен Ашотович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Денисова Любовь Владиленовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Десятов Михаил Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Омской академии МВД России (по учебной работе).

Дивасва Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (по научной работе).

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права Кубанского государственного университета.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Колесников Валерий Александрович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Колин Константин Константинович – доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Института проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук.

Кубякин Евгений Олегович – доктор социологических наук, доцент, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Кудряшев Александр Федорович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий.

Латыпов Вадим Сагитьянович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, проректор по образовательной деятельности Уфимского университета науки и технологий.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мухаметов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России.

Низамов Садык Сабирович – кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-гума-

нитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Плотников Владимир Валерьевич – доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Редько Александр Александрович – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России.

Сальников Евгений Вячеславович – доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Степанова Айгуль Ахметзямилевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Стовба Евгений Владимирович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информатики и экономики Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий.

Субхангулов Рустем Раисович – кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Сухоплюев Павел Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

Хабибуллина Зилия Наилевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник выс-

шей школы Российской Федерации начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Хусаинов Рамиль Равилович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника

Сибирского юридического института МВД России (по научной работе).

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Янбухтин Раиль Маратович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Эл. № ФС77-84275 от 8 декабря 2022 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 79094.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор: А. В. Селиверстова, техническая верстка: А. В. Селиверстова.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru

(с пометкой: «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива»).

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 28.11.2024. Дата выхода в свет: 29.11.2024

Электрон. текстовые дан. 702 МВ (1,6 МВ). 1 электрон. опт. диск (CD-R). Систем. требования: IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система

Windows XP и выше; AdobeReader 8.0 и выше.

Загл. с экрана. Тираж 10 экз. Заказ № 74. Цена свободная.

**SOCIETIES, LAW, STATEHOOD:
№ 4 (20) 2024 RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE**

Electronic Scientific journal

Published since 2020 4 times a year

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (in reasearch work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Deputy editor-in-chief:

Isaev Andrey Anatolyevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Bezlepkin Olga Vyacheslavovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Professional Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Belskiy Vitaly Yurievich – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Bondarenko Yulia Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Burkhanova Flyura Bulatovna – Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Gusmanov Iskander Uzbekovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Finance and Credit of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Ufa branch).

Gusmanov Rasul Uzbekovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Management of the Bashkir State Agrarian University.

Dallakyan Karlen Ashotovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Denisova Lyubov Vladilenovna – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Desyatov Mikhail Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for academic affairs).

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin (for scientific work).

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Candidate of History, Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation.

Endoltseva Alla Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Ivanov Dmitry Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Ivanov Petr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Law of Kuban State University.

Karimova Gulnaz Yurisoovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kolesnikov Valeriy Aleksandrovich – Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kolin Konstantin Konstantinovich – Doctor of Engineering, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Informatics Problems of Informatics and Management Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

Kubyakin Evgeniy Olegovich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Honorary Worker of the Education Sector of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kudryashov Aleksandr Fedorovich – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of Ufa University of Science and Technology.

Latypov Vadim Sagityanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Iлона Anatolievna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Vice-Rector for Educational Activities of Ufa University of Science and Technology.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mukhametov Pavel Alekseevich – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nizamov Sadyk Sabirovich – Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty of Training of Scientific-

Pedagogical and Research Personnel of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Plotnikov Vladimir Valerievich – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Pobedkin Alexandr Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Red'ko Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Salnikov Evgeniy Vyacheslavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Socio-Philosophical Disciplines of Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Stepanova Aigul Akhmetzyamilevna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Stovba Evgeniy Vladimirovich – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Informatics and Economics of Birk Branch of Ufa University of Science and Technology.

Subkhangulov Rustem Raisovich – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Management in Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Sukhoplyuev Pavel Alexandrovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexandr Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Khabibullina Zilya Nailovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of Ufa University of Science and Technology.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Khusainov Ramil Ravilovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work).

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yanbukhtin Rail Maratovich – Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

El. No FS77-84275 dated December 8, 2022.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 79094.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

Literary editors: A. V. Seliverstova, technical layout by A. V. Seliverstova.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru

(marked: «Society, law, statehood: retrospective and perspective»).

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 28.11.2024. Release date: 29.11.2024.

Electronic text data 702 MB (1,6 MB). 1 electronic optical disk (CD-R). System requirements: IBM PC, 1 GHz; 512 mb RAM; 3 mb RAM; CD/DVD-ROM drive; operating system

Windows XP and above; Adobe Reader 8.0 and above.

Title from the screen. Circulation 10 copies. Order no. 74. The price is free.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Акманов А. И., Кутушев Г. З.</i> Историко-правовой анализ формирования органов судебной власти на территории Башкирской АССР в 1919–1920 гг.	10
<i>Кутушева В. Н.</i> Народный комиссариат здравоохранения Башкирской АССР в 1919–1925 гг.: исторические и правовые аспекты деятельности	21

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Беженцев А. А.</i> Понятие и принципы административного процесса: вопросы теории	34
---	----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Абазов А. Б., Файрушин Т. А.</i> Теоретико-правовое осмысление современных механизмов борьбы с цифровым терроризмом в Российской Федерации.....	43
<i>Вецкая С. А.</i> Актуальные проблемы обжалования отказа в возбуждении уголовного дела	51
<i>Дятлов Г. А.</i> Проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования.....	61
<i>Исмаилов Д. А.</i> К вопросу об определении места участковых уполномоченных полиции в системе органов дознания.....	67
<i>Поезжалов В. Б., Шондилов Р. Х.</i> Критический анализ изменений уголовного законодательства Российской Федерации в 2024 году	76
<i>Хайбуллина А. А.</i> Сравнительно-правовой анализ обвинительного заключения по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации и Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР.....	84

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Даутова Т. А., Шабрина А. Р.</i> Социально-экономическое развитие Республики Башкортостан в условиях современных вызовов и угроз: мониторинг показателей.....	93
--	----

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

<i>Кашапов У. А., Сулейманов Т. Ф.</i> Становление института вождизма в эволюционном процессе развития человеческих общностей (часть I)	102
<i>Файрушина М. З.</i> Имидж сотрудника органов внутренних дел как важнейший аспект формирования положительного общественного мнения.....	111

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Сухоплюев П. А.</i> Социокультурные и духовные детерминанты российского общества и вызовы современной России	117
---	-----

Памятка	125
----------------------	-----

CONTENT

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Akmanov A. I., Kutyshev G. Z.</i> Historical and legal analysis of the formation of judicial bodies on the territory of the Bashkir ASSR in 1919–1920	10
<i>Kutusheva V. N.</i> People’s Commissariat of Health of the Bashkir ASSR in 1919–1925: historical and legal aspects of its activities.....	21

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Bezhentsev A. A.</i> Concept and principles of the administrative process: theoretical issues	34
--	----

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Abazov A. B., Fayrushin T. A.</i> Theoretical and legal understanding of modern mechanisms for combating digital terrorism in the Russian Federation.....	43
<i>Vetskaya S. A.</i> Current problems of appealing a refusal to initiate a criminal case.....	51
<i>Dyatlov G. A.</i> Problems of qualification of fraud in the sphere of lending.....	61
<i>Ismailov D. A.</i> On the issue of determining the place of district police officers in the system of bodies of inquiry	67
<i>Poezzhalov V. B., Shondiurov R. Kh.</i> Critical analysis of changes in the criminal legislation of the Russian Federation in 2024	76
<i>Khajbullina A. A.</i> Comparative legal analysis of the indictment document according to the criminal procedure code of the Russian Federation and the criminal procedure code of the Russian Socialist Federative Soviet Republic.....	84

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

<i>Dautova T. A., Shabrina A. R.</i> Socio-economic development of the Republic of Bashkortostan in the context of modern challenges and threats: monitoring of indicators	93
--	----

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Kashapov U. A., Suleymanov T. F.</i> Formation of the institution of leaderism in the evolutionary process of development of human communities (part I)	102
<i>Fayrushina M. Z.</i> Image of an employee of the internal affairs bodies as the most important aspect of the formation of positive public opinion.....	111

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

<i>Sukhoplyuev P. A.</i> Socio-cultural and spiritual determinants of Russian society and challenges of modern Russia.....	117
--	-----

Instruction	125
--------------------------	-----

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 347.97/99(470.57)"1919/1920"

Айтуган Ирекович Акманов¹, Газиз Загирович Кутушев²

¹ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, gkutushev2@mvd.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ НА ТЕРРИТОРИИ БАШКИРСКОЙ АССР В 1919–1920 ГГ.

Аннотация. В статье исследуются исторические и правовые аспекты создания системы судебно-правовых учреждений советского типа на территории Башкирской АССР в 1919–1920 гг. Анализируется процесс формирования военно-революционных трибуналов, Башкирской Чрезвычайной комиссии, единого народного суда, а также особенности организационно-правовой деятельности народного комиссариата юстиции Башкирской АССР на начальном этапе советского строительства. Обращается внимание на противоречия между высшими судебными инстанциями автономии, возникавшие вследствие недостаточной нормативной правовой регламентации в вопросе разграничения компетенций и подсудности рассматриваемых дел. Авторы приходят к выводу о том, что деятельность по учреждению системы народных судов и судебной законодательной практики проходила в условиях противостояния между местными партийными и государственными органами, нехватки грамотных специалистов и нестабильной общественно-политической ситуации внутри республики.

Ключевые слова: советский суд, судебная система, народные суды, революционные трибуналы, Башкирская чрезвычайная комиссия, Башкирская АССР, гражданская война, народный комиссариат юстиции

Для цитирования: Акманов А. И., Кутушев Г. З. Историко-правовой анализ формирования органов судебной власти на территории Башкирской АССР в 1919–1920 гг. // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 4 (20). С. 10–20.

Original article

Aitugan I. Akmanov¹, Gaziz Z. Kutushev²

¹ Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, gkutushev2@mvd.ru

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE FORMATION OF JUDICIAL BODIES ON THE TERRITORY OF THE BASHKIR ASSR IN 1919–1920

Abstract. The article examines the historical and legal aspects of the creation of a system of judicial and legal institutions of the Soviet type in the territory of the Bashkir ASSR in 1919–1920. The process of formation of military revolutionary tribunals, the Bashkir Extraordinary Commission, a single people's court, as well as the features of the organizational and legal activities of the People's Commissariat of Justice of the Bashkir ASSR at the initial stage of Soviet construction are analyzed. Attention is drawn to the contradictions between the highest judicial authorities of the autonomy, which arose as a result of insufficient normative legal regulation in the issue of delimitation of competencies and jurisdiction of cases under consideration. The au-

© Акманов А. И., Кутушев Г. З., 2024

thors come to the conclusion that the activities to establish a system of people's courts and judicial legislative practice took place in the context of confrontation between local party and government bodies, a shortage of competent specialists and an unstable socio-political situation within the republic.

Keywords: Soviet court, judicial system, people's courts, revolutionary tribunals, Bashkir Extraordinary Commission, Bashkir ASSR, civil war, People's Commissariat of Justice

For citation: Akmanov A. I., Kutyshev G. Z. Historical and legal analysis of the formation of judicial bodies on the territory of the Bashkir ASSR in 1919–1920 // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 4 (20). P. 10–20. (In Russ.)

Введение

Установление советской власти после Октябрьской революции 1917 г. требовало от большевиков формирования новых судебных органов, которые должны были не только противостоять преступности, но и выступать инструментом идеологического и законодательного закрепления советского политического строя. Знаменитые декреты о суде № 1 (декабрь 1917 г.), № 2 (февраль 1918 г.) и № 3 (июль 1918 г.) предопределили отказ от дореволюционной судебной системы учреждений, ликвидировали адвокатуру, прокурорский надзор, судебное следствие, учредили в стране новые институты выборных народных судей и народных заседателей. К лету 1918 г. на территории Советской России была создана система народных судов, состоявшая из двух уровней: «мировой юстиции» в лице местных народных судов и уездных съездов местных народных судей и «общей» юстиции, представленной окружными судами и кассационным судом в Москве. Логически завершил процесс становления советских судебно-правовых органов власти на данном этапе декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее – ВЦИК) РСФСР «О народном суде» от 30 ноября 1918 г., согласно которому главным звеном судебных учреждений становился единый народный суд, действовавший в пределах уездных и городских районов. Кроме того, в условиях ожесточенного военного противостояния Гражданской войны большевики создавали военно-революционные трибуналы и чрезвычайные комиссии для борьбы с политическими противниками и классовыми врагами.

Процесс генезиса советской судебной системы на территории молодой Башкирской Республики, появившейся в марте 1919 г.,

имел свои особенности. Речь шла не просто о реорганизации судебно-правовых учреждений с учетом коммунистических идеологических маркеров. Проводилась масштабная советская и партийная работа по созданию основ национально-государственной автономии в рамках РСФСР.

Актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью объективного анализа исторического опыта формирования органов советской судебной власти на территории Башкирской АССР в контексте современных преобразований судебной системы в Российской Федерации. Кроме того, разработка рассматриваемой темы позволит решить проблему недостаточной исследованности данного вопроса в отечественной историографии. Имеющиеся на сегодняшний день научные работы В. В. Жукова, А. А. Шороховой, Р. Р. Мардамшина посвящены проблемам создания и развития народных судов, военных трибуналов и Башкирской Чрезвычайной комиссии (далее – ЧК) в первые годы существования республики. Тем не менее значительное количество дискуссионных аспектов рассматриваемой темы требует конкретизации и анализа на основе имеющихся источников.

Предметом исследования является становление советской структуры органов судебной власти в 1919–1920 гг. на территории Башкирской АССР. Хронологические рамки изучаемой темы ограничиваются периодом с февраля 1919 г., когда вскоре после перехода на сторону Советской власти в селе Темясово был образован Башкирский военно-революционный комитет, до июля 1920 г., ознаменовавшегося проведением первого Всебашкирского съезда Советов, на котором окончательно сложилась советская система управления республикой,

регулируемая Башкирским областным комитетом Российской коммунистической партии (большевиков) (далее – РКП(б)).

Методы

В ходе научной разработки заявленной темы авторами были использованы принцип историзма, общенаучный диалектический метод познания, а также историко-правовой, проблемно-хронологический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования.

Принцип историзма способствовал пониманию тенденций исторического процесса, взаимосвязи между фактами и содержанием исторической эпохи.

Историко-правовой метод позволил провести комплексный анализ нормативно-правовых документов изучаемого исторического периода в контексте общероссийских внутривластных процессов и событий.

Проблемно-хронологический метод послужил инструментом выявления причинно-следственных связей при анализе предмета исследования в рамках хронологии таких исторических явлений, как Гражданская война, создание Башкирской автономии, национальная политика большевиков.

Формально-юридический метод выразился в изучении правовых категорий и законодательной техники посредством анализа внутренних и внешних форм проявления юридической мысли рассматриваемого исторического этапа.

Сравнительно-правовой метод предоставил возможность обозначить сходства и различия в юридических понятиях и правовых явлениях, законодательной практике РСФСР и Башкирской АССР в 1919–1920 гг.

Результаты

Создание советской судебной структуры органов власти в Башкирской республике было запланировано еще в проекте Положения об автономии советского Башкортостана, разработанном в марте 1918 г. Согласно документу правительство

республики должно было состоять из семи отделов, один из которых – юстиции. Однако водоворот событий Гражданской войны отодвинул сроки реализации советских преобразований примерно на год, в то время как в соседних уездах Оренбургской, Пермской губерний, Уральской области первые советские суды стали появляться еще в 1917–1918 гг. [1, с. 46].

Организацией органов советской судебной власти на территории Башкирской АССР руководил Народный комиссариат юстиции республики, образованный в конце февраля 1919 г. в составе Башкирского военно-революционного комитета (Башвоенревком) [2, с. 150]. В период 1919–1920 гг. данный комиссариат последовательно возглавляли Ю. Ю. Бикбов, А. С. Кричинский и Т. Ф. Дмитриев [3, с. 328].

На одном из первых заседаний Башкирского военно-революционного комитета 18 марта 1919 г. было принято решение об издании всех распоряжений правительства за 1919 г. после проверки со стороны юридической комиссии, а также о дальнейшей их публикации в количестве 500 экземпляров на русском и башкирском языках¹. Однако наладить организованную работу в этом направлении весной-летом 1919 г. не удалось из-за продолжавшихся военных действий на Южном Урале и вынужденного переезда Башкирского правительства сперва в Самару, а позже в Саранск. Сам нарком юстиции Ю. Ю. Бикбов с апреля 1919 г. находился в отрыве от остальных членов Башвоенревкома и непосредственно руководить деятельностью своего комиссариата не мог. Лишь осенью того же года он вернулся на работу в состав правительства, но был принят в Наркомат юстиции республики лишь как член коллегии, а на место наркома был утвержден А. С. Кричинский [4, с. 18–19].

26 августа 1919 г. Башкирское правительство вернулось из пятимесячной эвакуации, разместившись в г. Стерлитамаке. Башвоенревком издал приказ № 1, объявляв-

¹ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: в 4-х томах / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Т. 3. Ч. I. Уфа : Китап, 2004. С. 590.

ший о своем вступлении в непосредственное управление республикой, начал работу по приему под свой контроль территорий и государственных учреждений Оренбургской и Уфимской губерний, отходивших по соглашению от 20 марта 1919 г. в состав Башкирской автономии [5, с. 287].

Вскоре перед руководством республики встал вопрос о систематизации законодательства и приведении местных нормативных правовых актов в соответствие с законодательством РСФСР. Так, на заседании Башкирского правительства от 4 сентября 1919 г. Ильяс Алкин заявил о необходимости собирания и систематизации всех декретов, постановлений и распоряжений Башвоенревкома. Участниками заседания данная работа была поручена наркому юстиции Башкирской АССР. Последним 26 сентября 1919 г. был составлен доклад, в котором поднимался вопрос о степени обязательности соблюдения декретов РСФСР, а также предлагалось упорядочить процедуру издания декретов республиканского характера¹.

21 ноября 1919 г. Башвоенревком издал приказ № 172, в соответствии с которым существующие декреты и распоряжения РСФСР признавались обязательными на территории Башкирской республики, но при этом Башвоенревком по представлению отдельных наркоматов мог вносить определенные изменения в декреты и распоряжения РСФСР «в зависимости от местных бытовых и прочих условий БСР». Башвоенревком со своей стороны мог издавать декреты, не противоречащие Конституции РСФСР 1918 г. и соглашению между Башкирским правительством и центральным правительством РСФСР от 20 марта 1919 г. Дополнения, изменения к нормативным правовым актам и декреты должны были регистрироваться в Народном комиссариате юстиции Башкирской АССР².

18 декабря 1919 г. исполняющий обязанности наркома юстиции А. С. Кричинский отмечал в докладной записке, что «...наркомату юстиции предстоит работа чисто юридического характера, а именно: разработка проектов новых декретов для Башреспублики, выработка тех изменений, дополнений и изъятий к декретам РСФСР, кои кажутся необходимыми на территории Башреспублики, регистрация каждого изменения действующих декретов РСФСР, а также опубликование [декретов] и распоряжений правительства Башреспублики»³.

Одной из актуальных задач, стоявших на повестке дня, являлась необходимость организации на территории Башкирской АССР военно-революционных трибуналов. Последние представляли собой чрезвычайные органы правосудия, призванные защитить советский строй и завоевания революции от любых контрреволюционных угроз извне. В своей повседневной практике они опирались на советские судебные декреты о суде 1917–1918 гг., «Руководство для устройства ревтрибуналов» от 2 декабря 1917 г., инструкцию наркомата юстиции РСФСР от 19 декабря 1917 г., положения Конституции РСФСР 1918 г. [6, с. 54–56].

Вопрос о создании военно-революционных трибуналов был поднят Наркоматом юстиции республики в начале сентября 1919 г. Уже 16 сентября 1919 г. на должность председателя Башкирского военно-революционного трибунала при Башвоенкомате был назначен Исмагилов, а одним из членов – М. Г. Дулат-Али. Оба были выдвиженцами Центрального бюро РКП(б). Сам военно-революционный трибунал приступил к непосредственной работе с ноября 1919 г.⁴

17 октября 1919 г. учреждается отдельный Башкирский революционный трибунал, который возглавил Т. Г. Имаков [7, с. 40–41]. Исмагилов и Дулат-Али были утверждены в

¹ Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. III том. 1919–1920 гг. Уфа : Секретариат Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан, 2005. С. 436–437.

² Там же. С. 438–439.

³ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: в 4-х томах / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Т. 3. Ч. I. Уфа : Китап, 2004. С. 590.

⁴ Там же. С. 603–604.

качестве членов трибунала, а Кулаков стал секретарем¹.

При этом еще с марта 1919 г. при Башвоенревкоме действовало третье высшее судебное учреждение – Всебашкирская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (БашЧК). С лета 1919 г. данную организацию возглавлял С. Ш. Мурзабулатов [8, с. 28–30].

26 сентября 1919 г. было утверждено Положение, регламентирующее основные направления деятельности БашЧК. Народные комиссариаты юстиции и внутренних дел делегировали своих представителей в состав БашЧК, которая в свою очередь объединяла работу всех кантонных чрезвычайных комиссий. Была образована коллегия БашЧК в составе 5 человек, состоявшая исключительно из коммунистов. В соответствии с общей военно-политической обстановкой рассматриваемого периода БашЧК и ее кантонные подразделения имели право организовывать собственные вооруженные отряды на средства кантонных исполнительных комитетов².

19 ноября 1919 г. под руководством исполняющего обязанности наркома юстиции А. С. Кричинского состоялось совещание по вопросу организации трибуналов в Башреспублике, на котором было принято решение «...преобразовать существующие в Башреспублике военно-революционные трибуналы по общероссийскому типу, а именно: Башвоентрибунал – в революционный трибунал, <...> и воентрибунал при Башвоенкомате – в военно-революционный трибунал армии...». Участники совещания отметили и тот факт, что «вследствие полного отсутствия необходимого для обоих трибуналов кадра подготовленных сотрудников

и настоятельной нужды в таковых просить Башревком о производстве в срочном порядке мобилизации на территории Башкирии всех юристов-специалистов, а также лиц, практически знакомых с судебной деятельностью во всех ее областях»³.

По решению Башвоенревкома председателем главного революционного трибунала республики был оставлен Т. Г. Имаков. Его заместителем вскоре стал Мустафин. Председателем же кассационного трибунала Башвоенревком с 1 декабря 1919 г. утверждает А. Н. Ягафарова⁴. Интересен тот факт, что в ходе обсуждения вопроса о формировании кассационного трибунала в Башвоенревкоме было решено использовать декрет ВЦИК о кассационном трибунале ВЦИК от 12 апреля 1919 г.⁵, но вместо наименования «ВЦИК» использовали название «Башвоенревком» [9, с. 16]. Полномочия Кассационного трибунала сводились к рассмотрению кассационных жалоб и протестов по делам, разбираемым в революционных трибуналах, на что отводилось 48 часов с момента вручения копии приговора осужденному. Хотя советское законодательство изучаемого периода считало приговоры трибуналов окончательными и не подлежащими апелляционному пересмотру, но было сохранено право осужденных на кассационное обжалование [8, с. 87–88].

Председатель Башревтрибунала И. Г. Имаков в своем докладе в адрес правительства отмечал: «Октябрьская революция протекала под лозунгом «Долой специальные суды» и выдвинула идею о Едином народном суде. Правда, в переходное время, когда завоевания революции еще не окрепли, против ее врагов были организованы революционные трибуналы <...> Военно-революционные трибуналы рассматривают преступные

¹ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: в 4-х томах / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Т. 3. Ч. I. Уфа : Китап, 2004. С. 605.

² Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. III том. 1919–1920 гг. Уфа : Секретариат Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан, 2005. С. 442.

³ Там же. 452–453.

⁴ Там же. 454–456.

⁵ О революционных трибуналах (Положение) : Декрет ВЦИК от 12 апреля 1919 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 13. Ст. 132.

деяния, совершенные военнослужащими в районе действия Красной армии. Военно-революционный трибунал в Башкирии организован не в районе военных действий Красной армии»¹.

В продолжение своего мнения Т. Г. Имаков 6 мая 1920 г. ходатайствовал ликвидировать на территории республики военно-революционный трибунал, «передав весь штат служащих, живой и мертвый инвентарь Башревтрибуналу». Вдобавок он предложил Наркомюсту Башкирской АССР пересмотреть судебные положения о подсудности, перераспределив часть функций военно-революционного трибунала в компетенцию Башревтрибунала².

Несогласованность действий, имевшая место в силу неопределенного характера подсудности и пределов компетенций судебных учреждений республики, порождала противоречия в высших органах власти. Одним из ярких примеров подобного рода противоречий стал январский конфликт 1920 г. между Башкирским военно-революционным комитетом и БашЧК. Следует отметить, что само политическое противостояние было вызвано расколом между Башкирским военно-революционным комитетом, на стороне которого выступал Башревтрибунал с одной стороны и Башкирским обкомом РКП(б), чьи интересы выражали БашЧК и военно-революционный трибунал республики, – с другой [11, с. 239–243].

Народный комиссар юстиции Башкирской АССР А. С. Кричинский указывал на то, что «...неоднократно возникал вопрос о целесообразности параллельного существования двух трибуналов – революционного и военно-революционного <...> не могла наладиться их деятельность вследствие недостаточно определенного разграничения их подсудности. Равным образом крайне ненормально было то обстоятельство, что, несмотря на существование революцион-

ных судебных учреждений, БашЧК самостоятельно выносила судебные приговоры не только по делам, подсудным революционному трибуналу (контрреволюция, преступления по должности), но даже и по делам, подсудным народному суду (пьянство, драки, варка самогонки)».

Весной 1920 г. по инициативе народного комиссара юстиции и председателя Башревтрибунала было созвано междоветовое совещание из представителей всех заинтересованных сторон для обсуждения пределов компетенций судебных учреждений. В результате совещание пришло к выводу оставить самостоятельное существование всех трех судебных инстанций: ревтрибунала, военно-революционного трибунала и БашЧК. Однако для исключения разногласий было предложено разработать четкие критерии и положения по подсудности указанных ведомств. Так, участники совещания признали, что Башревтрибуналу подсудны все граждане республики за исключением военнослужащих и высших представителей рабоче-крестьянской власти. Военно-революционный трибунал имел право рассматривать дела военнослужащих, совершивших преступления на территории республики или в пределах ведения войсковых начальников и начальников военных учреждений региона. В отношении порядка разрешения дел в БашЧК было определено, что по делам, поступающим из чрезвычайных комиссий революционному и военно-революционному трибуналам, последним предоставляется право проверки отдельных следственных действий ЧК и дополнение следствия через свои следственные органы. При наличии же вооруженных выступлений контрреволюционного и бандитского характера БашЧК получала право «непосредственной расправы для пресечения преступлений» в местностях, объявленных на военном положении³.

¹ Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. III том. 1919–1920 гг. Уфа : Секретариат Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан, 2005. С. 456–457.

² Там же. С. 458.

³ Там же. С. 459–460.

Следующим направлением деятельности Башкирского народного комиссариата юстиции становятся мероприятия по учреждению структуры единого народного суда. Необходимо отметить, что в период с конца 1918 г. и до судебной реформы 1922 г. основным звеном системы судов общей юрисдикции в РСФСР стали народные суды, действовавшие на уровне городов и уездов. Нормативно-правовым основанием для их создания стало «Положение о народном суде РСФСР» от 30 ноября 1918 г. Оно предусматривало учреждение трех видов судебных составов народного суда: 1) одного постоянного народного судьи; 2) постоянного народного судьи и двух очередных народных заседателей; 3) постоянного народного судьи и шести народных заседателей. Народному суду были подсудны все уголовные и гражданские дела, за исключением тех, которые находились в компетенции революционных трибуналов. Кассационной инстанцией по отношению к народным судам стали советы народных судей, формируемые на уровне губерний [12, с. 90].

Здесь следует подчеркнуть, что постановлением Башкирского правительства от 3 августа 1919 г. в башкирских кантонах были учреждены кантональные военные суды, что не соответствовало декретам ВЦИК РСФСР о создании единого народного суда. Это объяснялось тем, что единственными реально действующими тогда государственными учреждениями являлись отделы кантонных военных комиссаров. Кантональные военные суды имели право рассматривать гражданские дела и нетяжкие категории преступлений, совершенных гражданами, которые не относились по должности к категории лиц, подсудных революционным трибуналам [3, с. 328].

Однако в ноябре 1919 г. коллегия Народного комиссариата юстиции Башкирской АССР выразила мнение, что потребность в

чрезвычайных судах уже отпала и следует задуматься о введении в республике системы народных гражданских судов. При этом предлагалось «...не ликвидировать кантональные военные суды, а преобразовать их в участки народного суда».

17 ноября 1919 г. Башвоенревком вынес постановление, в котором объявлялось о начале работы по замене кантональных военных судов гражданскими согласно декрету о едином народном суде. Предполагалось, что кантонные суды общегражданского характера начнут функционировать с 1 января 1920 г. Руководство Наркомата юстиции с осторожностью указывало, что «...на первых порах при выборах в местные народные суды, революционный трибунал и следственные комиссии <...> придется соприкасаться с башкирским народом, которому необходимо будет изложить цели и задачи новых судебных учреждений»¹.

В декабре 1919 г. Народный комиссариат юстиции Башкирской АССР докладывал правительству о том, что «...фундаментом судебного устройства республики является местный народный суд, поэтому замещение всех 35 участков народного суда (из коих в настоящее время действует уже 12 участков) является первой и неотложной задачей. <...> Наркомюст будет производить замещение участков путем назначения народных судей в тех кантонах, где нет исполкомов, и путем избрания исполкомами в тех кантонах, где таковые уже существуют». При этом в каждом кантоне планировалось образовать по одной следственной комиссии, а также «...стремиться замещать должности по единому народному суду из местных уроженцев и по возможности организовывать судоговорение на башкирском языке»².

В 1920 г. в Стерлитамаке был учрежден Совет народных судей Башкирской АССР. Столь позднее введение в действие института народных судов на территории региона исследователи связывают, как правило, с

¹ Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. III том. 1919–1920 гг. Уфа : Секретариат Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан, 2005. С. 455, 461–463.

² Там же. С. 464.

тем фактом, что «...территория Башкирии была ареной Гражданской войны» [9, с. 18].

В целом в первой половине 1920 г. советская судебная система Башкирской республики не представляла из себя единого целого, отсутствовала четкая структурная организация и нормативно-правовая регламентация деятельности судебных органов. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что местные партийные и продовольственные органы (продкомы), имевшие чрезвычайные полномочия, зачастую игнорировали требования народных судов и других республиканских судебных учреждений [3, с. 330].

К примеру, в феврале 1920 г. народный судья 1-го участка Бурзян-Тангауровского кантона информировал Башкирский наркомат юстиции о том, что «...комитет партии коммунистов игнорирует распоряжение комиссара внутренних дел республики тов. Тухватуллина о невмешательстве в дела кантона...». Причина конфликта состояла в том, что на собрании местной ячейки РКП(б) было вынесено решение «...предложить народному судье подыскать в недельный срок квартиру для его канцелярии, а бывшую его квартиру занять под комитет партии»¹.

В этом же кантоне имел место еще один громкий конфликт в апреле 1920 г. Тогда народный судья того же 1-го участка Бурзян-Тангауровского кантона Г. В. Тартышев на заседании суда с участием народных заседателей Байгильдина, Кузнецова, Адигамова, Казакбаева, Ахметова и Андреева выступил с обвинением гражданина с. Баймака Евгения Иванова в дискредитировании и неподчинении советской власти. При попытке арестовать и доставить подсудимого из Баймака в с. Темясово для проведения следственных действий, члены Баймакской ячейки РКП(б) попытались оказать вооруженное сопротивление милиции и не дали

привести в исполнение постановление народного судьи².

В ответ на указанные действия народных судов Башобком РКП (б) в мае–июне 1920 г. издал ряд циркуляров, в которых подчеркивалось, что «...ни один член РКП(б), если дело имеет политический характер, не может быть судим ни одним гражданским судебным органом, кроме партийного суда при партийном комитете». Представители республиканских партийных структур были уверены, что факты преследования коммунистов судебными органами, во главе которых стоят непартийные работники, носят характер личной мести и сведения счетов. В одном из циркуляров от 23 мая 1920 г., разосланных по кантонным комитетам РКП(б) дополнительно указывалось, что «ни один член РКП(б) не может быть судим за свою политическую деятельность ни одним судебным, административным учреждением, чрезвычайными комиссиями даже в том случае, если судом руководят члены РКП (б)»³.

Тем самым структура единого народного суда в Башкирской республике по сравнению с рядом других регионов Советской России сформировалась достаточно поздно, что объясняется рядом объективных причин. Исследователь М. К. Маликов в своей работе отмечал, что «...нельзя было сразу ликвидировать некоторые существующие местные национальные суды, куда население по привычке продолжало обращаться. При этом надо было разоблачить реакционную сущность старых судов и показать населению на деле преимущество новых советских судебных учреждений» [13, с. 47].

Система народных судов имела ряд недостатков организационно-правового характера. Так, советские декреты о суде № 1, 2 и 3 от 1917–1918 гг. позволяли принимать на судебские должности работников дореволюционной судебной системы. Новое же «Поло-

¹ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: в 4-х томах / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Т. 3. Ч. I. Уфа : Китап, 2006. С. 475–476.

² Там же. С. 596.

³ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: в 4-х томах / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Т. 3. Ч. I. Уфа : Китап, 2008. С. 19–22.

жение о народном суде» от 30 ноября 1918 г. выдвинуло на первый план соответствие членов суда социально-политическим критериям благонадежности, что отрицательно повлияло на общий квалификационный и образовательный уровень кадрового состава народных судей [12, с. 91]. И народные судьи, и народные заседатели избирались местными советами, обладая равными правами во время судебного процесса. Помимо обладания политическими избирательными правами (право избирать и быть избранными в советы депутатов), к народному судье предъявлялось требование или иметь политический опыт работы в партии, профсоюзе, фабрично-заводском комитете, советских учреждениях, или же владеть определенной «теоретической подготовкой для должности Советского Судьи» [14, с. 35].

Дальнейшее реформирование судебной системы Башкирской АССР продолжилось после самороспуска Башкирского военно-революционного комитета (июнь 1920 г.) и проведения I Всебашкирского съезда Советов (июль 1920 г.). По мнению, З. И. Еникеева указанные события ознаменовали «переход власти от избранных населением представителей к назначаемым из центра партийным функционерам». В то же время следует согласиться с тем, что опыт государственного строительства в Башкирской АССР, в том числе и в судебной сфере, был в дальнейшем распространен и на другие советские республики [15, с. 168–169].

Заключение

Таким образом, в 1919–1920 гг. происходил процесс становления новой структуры и механизмов работы советской судебной системы в Башкирской АССР. Башкирскому военно-революционному комитету и в особенности Народному комиссариату юстиции республики приходилось сталкиваться при этом с множеством проблем организационно-правового и общественно-политического характера.

Во-первых, одним из главных направлений работы Наркомата юстиции Башкир-

ской АССР с 1919 г. была систематизация республиканских нормативных правовых актов, их перевод на башкирский язык, а также приведение в соответствие с общероссийским законодательством, но с учетом местных региональных особенностей.

Во-вторых, деятельность органов власти осложнялась нестабильной военно-политической и экономической обстановкой в регионе, который лишь к середине 1919 г. был освобожден от белогвардейских войск, а значительная часть населения относилась к большевикам с недоверием. Фактически до середины 1920 г. в республике существовало «двоевластие», при котором Башкирский военно-революционный комитет и Башкирский областной комитет РКП(б) находились в состоянии постоянного конфликта, обвиняя друг друга в искривлении партийной линии по экономическим, национальным, политическим и иным вопросам.

В-третьих, отголоски Гражданской войны проявлялись в резком усилении карательных тенденций нарождавшейся судебной системы. На территории республики одновременно действовали кантональные военные суды, Башкирская ЧК, Башкирский революционный трибунал и военно-революционный трибунал при Башвоенкомате. Лишь к весне 1920 г. после череды взаимных разбирательств удалось добиться относительного успеха в вопросе разграничения компетенций и подсудности рассматриваемых дел между данными судебными инстанциями.

В-четвертых, несмотря на создание к началу 1920 г. системы общегражданских народных судов, пока еще отсутствовала четкая нормативно-правовая регламентация их деятельности. Кроме того, попытки народных судов взять под контроль ситуацию на подведомственных участках и бороться против злоупотреблений ответственных работников немедленно пресекались местными партийными органами, которые настаивали на своей неподсудности гражданским судебным учреждениям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамовский А. А. Первые комиссариаты юстиции на Урале // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. № 1 (17). С. 43–56.
2. Зайтунов Р. Б. Структура и организационная деятельность Башкирского военно-революционного комитета (1919 г.) // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12. № 1. С. 150–153.
3. Жуков В. В. Становление и функционирование советской судебной-правовой системы в Башкирской АССР (1919–1929 годы) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 85. С. 327–332.
4. Ярмуллин А. Ш. У истоков Башкирской Республики. Биографии деятелей Башкирского национального движения (1917–1921 гг.). Уфа : Китап, 2017. 232 с.
5. Раимов Р. М. Образование Башкирской автономной советской социалистической республики. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. 523 с.
6. Мухамедов Р. А., Чигрин М. В., Пашкин А. Г. Формирование системы революционных трибуналов на территории Среднего Поволжья в 1917–1923 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2023. Т. 5. № 1 (17). С. 54–66.
7. Кульшарипов М. М. Тагир Имаков – главный комиссар по башкирским делам // Ватандаш. 2010. № 4. С. 38–43.
8. Мардамшин Р. Р. Башкирская чрезвычайная комиссия: страницы истории. Уфа : Китап, 1999. 189 с.
9. Шорохова А. А. Становление и развитие Советского суда в Башкирии (1917–1927 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2007. 26 с.
10. Захаров В. В. Организация и деятельность кассационного трибунала в РСФСР в 1919 году // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 4. С. 82–96.
11. Кульшарипов М. М. Башкирское национальное движение (1917–1921 гг.). Уфа : Китап, 2000. 368 с.
12. Семенов А. В. Становление системы народных судов РСФСР в 1917–1922 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4-1. С. 87–91.
13. Маликов М. К. История становления государственно-правовых учреждений Башкирии (1917–1924 гг.). Уфа : Башкирский государственный университет, 1989. 84 с.
14. Большакова В. М. Тенденции развития судебной системы России в первой половине XX века // Российский правовой журнал. 2021. № 1(6). С. 30–42.
15. Еникеев З. И. Историко-правовые предпосылки образования Республики Башкортостан // Государство и право. 2019. № 3. С. 159–172.

REFERENCES

1. Abramovsky A. A. The first commissariats of justice in the Urals // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2005. No. 1 (17). P. 43–56. (In Russ.)
2. Zaitunov R. B. Structure and organizational activities of the Bashkir Military Revolutionary Committee (1919) // Bulletin of the Bashkir University. 2007. Vol. 12. No. 1. P. 150–153. (In Russ.)
3. Zhukov V. V. Formation and functioning of the Soviet judicial and legal system in the Bashkir ASSR (1919–1929) // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. 2008. No. 85. P. 327–332. (In Russ.)
4. Yarmullin A. Sh. At the origins of the Bashkir Republic. Biographies of the figures of the Bashkir national movement (1917–1921). Ufa : Kitap, 2017. 232 p. (In Russ.)
5. Raimov R. M. Formation of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic. M. : Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1952. 523 p. (In Russ.)
6. Mukhamedov R. A., Chigrin M. V., Pashkin A. G. Formation of the system of revolutionary tribunals in the territory of the Middle Volga region in 1917–1923 // Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical sciences. 2023. Vol. 5. No. 1 (17). P. 54–66. (In Russ.)
7. Kulsharipov M. M. Tagir Imakov – Chief Commissar for Bashkir Affairs // Vatandash. 2010. No. 4. P. 38–43. (In Russ.)

8. Mardamshin R. R. Bashkir Extraordinary Commission: pages of history. Ufa : Kitap, 1999. 189 p. (In Russ.)
9. Shorokhova A. A. Formation and development of the Soviet court in Bashkortostan (1917–1927) : abstract. dis. ... Cand. of Law. Saratov : Saratov State Law Academy, 2007. 26 p. (In Russ.)
10. Zakharov V. V. Organization and activities of the cassation tribunal in the RSFSR in 1919 // Historical and legal problems: a new perspective. 2017. No. 4. P. 82–96. (In Russ.)
11. Kulsharipov M. M. Bashkir national movement (1917–1921). Ufa : Kitap, 2000. 368 p. (In Russ.)
12. Semenov A. V. Formation of the system of people's courts of the RSFSR in 1917–1922 // Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. 2012. No. 4-1. P. 87–91. (In Russ.)
13. Malikov M. K. History of the formation of state and legal institutions of Bashkiria (1917–1924). Ufa : Bashkir State University, 1989. 84 p. (In Russ.)
14. Bolshakova V. M. Trends in the development of the judicial system of Russia in the first half of the twentieth century // Russian legal journal. 2021. No. 1 (6). P. 30–42. (In Russ.)
15. Enikeev Z. I. Historical and legal background for the formation of the Republic of Bashkortostan // State and Law. 2019. No. 3. P. 159–172. (In Russ.)

Информация об авторах:

Акманов А. И. – доктор исторических наук, профессор;
Кутушев Г. З. – кандидат исторических наук.

Information about the authors:

Akmanov A. I. – Doctor of History, Professor;
Kutushev G. Z. – Candidate of History.

Статья поступила в редакцию 21.10.2024; одобрена после рецензирования 11.11.2024; принята к публикации 28.11.2024.

The article was submitted 21.10.2024; approved after reviewing 11.11.2024; accepted for publication 28.11.2024.

Научная статья
УДК 354:614.2(470.57)"1919/1920"

Валия Нажиповна Кутушева
Башкирский государственный медицинский университет, Уфа, Россия, valiya.gilmanova.88@mail.ru

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ БАШКИРСКОЙ АССР В 1919–1925 ГГ.: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Данная статья посвящена изучению истории формирования нормативной правовой базы, структуры, кадров и основных направлений деятельности народного комиссариата здравоохранения Башкирской АССР в 1919–1925 гг. На основе опубликованных сборников документов и имеющихся по указанной теме научных публикаций раскрывается процесс зарождения и эволюции центрального аппарата здравоохранения республики в тяжелейший период становления советской власти в условиях острого дефицита медикаментов, финансов, лечебных учреждений и медицинских работников. Рассматривается деятельность народного комиссара здравоохранения Г. М. Куватова по организации медицинской советской системы на территории Башкирской АССР, руководству работой по борьбе с эпидемиями тифа, холеры и иных инфекционных заболеваний в 1919–1922 гг. Исследованы ключевые правовые документы, предопределившие функции и управленческую модель народного комиссариата здравоохранения республики до середины 20-х гг. XX века.

Ключевые слова: народный комиссариат здравоохранения, Башкирская АССР, нарком Куватов, эпидемия тифа, эпидемия холеры, история медицины, советская медицина

Для цитирования: Кутушева В. Н. Народный комиссариат здравоохранения Башкирской АССР в 1919–1925 гг.: исторические и правовые аспекты деятельности // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 4 (20). С. 21–33.

Original article

Valia N. Kutusheva
Bashkir State Medical University, Ufa, Russia, valiya.gilmanova.88@mail.ru

PEOPLE'S COMMISSARIAT OF HEALTH OF THE BASHKIR ASSR IN 1919-1925: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF ITS ACTIVITIES

Abstract. The article is devoted to the study of the history of the formation of the regulatory framework, structure, personnel and main activities of the People's Commissariat of Health of the Bashkir ASSR in 1919–1925. Based on published collections of documents and scientific publications available on this topic, the process of the emergence and evolution of the central healthcare apparatus of the republic in the most difficult period of the formation of Soviet power in the conditions of acute shortage of medicines, finances, medical institutions and medical workers is revealed. The paper considers the activities of Gumer Mukhametgalimovich Kuvatov, the People's Commissar of Health, who organized the medical Soviet system in the Bashkir ASSR, led the work to combat epidemics of typhus, cholera and other infectious diseases in 1919–1922. The key legal documents that predetermined the functions and management model of the People's Commissariat of Health of the republic until the mid-20s of the 20th century are studied.

Keywords: People's Commissariat of Health, Bashkir ASSR, People's Commissar Kuvatov, typhus epidemic, cholera epidemic, history of medicine, Soviet medicine

For citation: Kutusheva V. N. People's Commissariat of Health of the Bashkir ASSR in 1919–1925: historical and legal aspects of its activities // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 4 (20). P. 21–33. (In Russ.)

© Кутушева В. Н., 2024

Введение

11 июля 1918 г. в Советской России возник высший медицинский орган управления страны – Народный комиссариат здравоохранения РСФСР во главе с Н. А. Семашко. Данное событие ознаменовало начало процесса создания уникальной на тот момент в мировой практике системы государственного медицинского обеспечения, характеризующейся бесплатностью и общедоступностью медицинской помощи, масштабной профилактикой заболеваний и всеобщим санитарным надзором за населением, массовой пропагандой здорового образа жизни. Усилия большевиков в сфере здравоохранения не пропали даром. В короткий срок благодаря концентрации научных и государственных усилий в Советском Союзе были побеждены многие опасные эпидемии, проведена вакцинация населения и существенно снижена детская смертность, что положительно сказалось на демографических показателях.

В рамках отдельных регионов РСФСР пути формирования советской системы здравоохранения имели свои особенности. На территории Башкирской АССР создание новой структуры медицинских учреждений в 1919–1925 гг. совпало с процессами национально-автономного строительства, борьбы с последствиями массового голода и масштабных эпидемий тифа и холеры, послевоенного восстановления экономики.

Недавняя мировая эпидемия коронавирусной инфекции показала значимость государственного регулирования системы здравоохранения в условиях борьбы с масштабными эпидемиями инфекционного характера. В этой связи представляется актуальным обращение к рассматриваемой тематике с целью изучения исторических и правовых особенностей работы народного комиссариата здравоохранения Башкирской АССР по организации новой системы медицинского обслуживания населения и борьбе с эпидемиологическими заболеваниями в 1919–1925 гг. Имеющиеся на сегодня научные исследования, где нашла отражение интересующая нас проблема, посвящены

главным образом общей истории развития медицины в Республике Башкортостан и отдельных ее направлений в первые годы советской власти [1; 2; 3; 4; 5], а также биографии первого наркома просвещения Г. М. Куватова [6; 7; 8; 9]. История же становления народного комиссариата здравоохранения Башкирской АССР, его структурной и кадровой составляющей в этих работах изучена в недостаточной степени, в силу чего анализ указанных направлений позволит восполнить пробел в историографии вопроса.

Методы

В основе методологического инструментария, использованного при написании статьи, лежат принцип научного историзма, историко-правовой, историко-системный и историко-типологический методы исследования.

В рамках научного принципа историзма предмет исследования раскрывался с учетом объективных и субъективных факторов исторического развития, оказывавших влияние на процессы и события при анализе их ретроспективного развития.

Историко-правовой метод позволил соотнести историческое содержание нормативных правовых документов с идеологией и внутренней политикой советского государства в рассматриваемый период.

Историко-системный метод предоставил возможность изучить имеющиеся исторические источники в рамках единой целой системы.

Историко-типологический метод предусматривал анализ исследуемого явления, при котором выявлялись определенные закономерности типов исторических событий и процессов.

Результаты

23 февраля 1919 г. была учреждена структура Башкирского военно-революционного комитета, в составе которого создавался комиссариат здравоохранения и финансов. Первым руководителем данного комиссариата был избран Усман Мухаметгалиевич Куватов (1897–1956), бывший студент медицинского факультета Казанского император-

ского университета [6, с. 12–14]. Правда, в водовороте политических событий Гражданской войны весной-летом 1919 г. военно-революционное правительство республики не имело возможности реализовать свои полномочия на территории, охваченной боевыми действиями, тем более в условиях катастрофической нехватки средств и кадров. В этот период комиссариат здравоохранения был временно преобразован в один из отделов народного комиссариата внутренних дел Башкирского правительства¹.

В начале апреля 1919 г. У. М. Куватов командирован с поручением в расположение штаба 1-й армии в город Оренбург, где вскоре попадает под арест [7, с. 87]. В его отсутствие отделом здравоохранения временно руководит Бикбова². По всей видимости, речь идет о Афифе Хайдаровне Бикбовой (Арслановой) – жене первого наркомюстиции Башреспублики Юнуса Бикбова [10, с. 72].

К лету 1919 г. при наркомздраве Башреспублики создается военно-санитарный отдел, что было, безусловно, продиктовано нуждами башкирского войска, участвующего в боевых действиях против белогвардейцев³.

18 июня 1919 г. новым постоянным наркомом здравоохранения республики назначается Гумер (Омар) Мухаметгалимович Куватов (1893–1946), родной брат У. М. Куватова⁴. Как и его младший брат, Гумер Мухаметгалимович в свое время обучался в Оренбургской гимназии, а позже получил диплом хирурга на медицинском факультете Казанского университета. В начале 1918 г. он участвовал в работе Учредительного собрания, а после начала Гражданской войны руководил военным госпиталем при

Башкирском правительстве [6, с. 11]. Следует отметить, что Г. М. Куватов возглавлял Наркомздрав Башкирской АССР с 1919 по 1928 г., сыграв огромную роль в процессе создания советской медицинской системы на территории республики [8, с. 54–55].

Согласно книгам приказов и журналам заседаний Башкирского военно-революционного комитета, Г. М. Куватов уже 22 июня 1919 г. уезжает в долгосрочную служебную командировку в Москву. В середине июля 1919 г. комиссия Башкирского НКВД провела проверку состояния дел в отделе здравоохранения и пришла к следующим выводам: «...17 мая сего года по приказу Башревкома за № 40 был открыт отдел здравоохранения, комиссаром был назначен доктор Куватов, который находится в командировке в Москве для подыскания служащих и приобретения медикаментов. Ввиду отсутствия комиссара и нужного количества служащих организационная работа отдела до сих пор не имеет начала. В настоящее время числятся на службе в отделе здравоохранения: врач Куватов, фельдшерница Алмазова и сестра милосердия Праздникова»⁵.

Лишь 10 сентября 1919 г. Г. М. Куватов возвращается из Москвы в Стерлитамак и приступает к своим обязанностям. Его подведомственному комиссариату выделили здание в городе по адресу: Базарная, 36⁶. С первых дней сотрудники ведомства развернули активную санитарно-просветительскую работу среди населения, читая лекции, распространяя листовки и брошюры на русском и башкирском языках, где основной акцент был сделан на вопросах соблюдения гигиены, борьбе с эпидемиями и организации физкультурного движения [1, с. 39].

¹ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: в 4 т. / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Т. 2. Ч. II. Уфа : Китап, 2003. С. 428–429, 519.

² Там же. С. 439.

³ Там же. С. 417.

⁴ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: в 4 т. / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Т. 3. Ч. I. Уфа : Китап, 2004. С. 492.

⁵ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: в 4 т. / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Т. 2. Ч. II. Уфа : Китап, 2003. С. 479, 496, 548.

⁶ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: в 4 т. / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Т. 3. Ч. I. Уфа : Китап, 2004. С. 477, 496, 548.

12 августа 1919 г. в штат отдела здравоохранения при наркомате внутренних дел Башреспублики была зачислена врач Анильхят Мамина-Алкина. Она являлась женой члена Башкирского правительства И. С. Алкина [11, с. 40, 57] и, судя по имеющимся документам, до этого уже привлекалась к работе в государственных структурах Башвоенревкома¹. 26 августа 1919 г. ее назначают членом коллегии комиссариата здравоохранения и временным заместителем наркома с окладом в 3000 рублей в месяц. Однако уже в конце сентября А. Мамина-Алкина по собственному желанию складывает с себя полномочия члена коллегии Наркомздрава Башкирской АССР. Тем не менее службу в комиссариате она продолжила на должности заведующей Башкирской амбулаторией. Известно, что в начале октября 1919 г. А. Мамина-Алкина была направлена в Уфу для переговоров с местным губернским революционным комитетом о передаче больниц и врачей под управление Башвоенревкома². Вскоре новым заместителем наркома вместо нее назначается Коган³.

В начале октября 1919 г. Башвоенревком издал инструкцию представителям Башреспублики, которые были командированы для приемки дел государственных учреждений с личным составом и имуществом на территории Оренбургской, Уфимской, Екатеринбургской, Челябинской и Самарской губерний, чьи уезды и волости переходили в состав Башреспублики. Наркомздраву Башкирской АССР предписывалось взять под контроль больницы со всем оборудованием, амбулаториями и личным составом, зубо-врачебные кабинеты, аптеки со всем оборудованием и медикаментами, а также фельшер-

ские, акушерские, ветеринарные пункты со всеми сотрудниками и имуществом. В числе прочих осенью 1919 г. под управление башкирских властей перешла известная кумысолечебница Брагина⁴.

20 октября 1919 г. Башвоенревком во избежание путаницы еще раз письменно подтвердил список государственных учреждений республики, официально носивших название народных комиссариатов. Наркомздрав был восстановлен в правах народного комиссариата и тем самым окончательно отделился из состава Башкирского НКВД⁵.

8 декабря 1919 г. было утверждено Положение о народном комиссариате здравоохранения Башкирской АССР, согласно которому наркомат состоял из следующих отделов:

- а) военно-санитарного, выполнявшего задания народного комиссариата по военным делам Башкирской советской республики в области медико-санитарного дела;
- б) гражданской медицины;
- в) школьно-санитарного (учебно-медицинского учреждения, находящегося в ведении народного комиссариата просвещения);
- г) ветеринарного;
- д) фармацевтического.

Кроме того, для разработки научно-практических вопросов при Наркомздраве учреждался ученый медицинский совет⁶.

За основу разработанного положения было взято аналогичное положение о Народном комиссариате здравоохранения РСФСР, опубликованное в № 153 «Известий Всероссийского исполнительного комитета советов» от 21 июля 1918 г., которое, в свою очередь, было разработано на основе декрета об образовании Наркомздрава РСФСР от 11 июля 1918 г.⁷

¹ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: в 4 т. / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Т. 2. Ч. II. Уфа : Китап, 2003. С. 531, 669.

² Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: в 4 т. / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Т. 3. Ч. I. Уфа : Китап, 2004. С. 163, 490, 492, 501, 504, 522.

³ Там же. С. 246.

⁴ Там же. С. 142, 382.

⁵ Там же. С. 549.

⁶ Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. III том. 1919–1920 гг. Уфа : Секретариат Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан, 2005. С. 423–424.

⁷ Декреты советской власти. Том III. М. : Изд-во политической литературы, 1964. С. 3–4.

По мере расширения функций и решения повседневных практических задач в структуре Наркомздрава Башкирской республики появляются новые отделы, включая отдел охраны здоровья детей с подотделами охраны раннего детства, наблюдения за санитарией школ и здоровья учащихся, дефективных детей и физической культуры. Тем не менее в первый год работы возможности ведомства были максимально ограничены нехваткой нужных специалистов. К примеру, по данным самого Башнаркомздрава, на территории республики тогда имелось лишь 7 врачей, 2 зубных врача, 84 фельдшера, 7 акушеров, 15 сестер милосердия. Нехитрый подсчет показывает, что на одного врача в среднем приходилось 113 тысяч обслуживаемого населения, на одного фельдшера – около 12 тысяч [2, с. 15].

К числу неотложных мероприятий народного комиссариата здравоохранения Башреспублики относилась борьба с эпидемиями тифа и холеры, которые свирепствовали на Южном Урале в условиях послевоенной разрухи и голода 1919–1921 гг. Деятельность в указанном направлении долгое время являлась малоэффективной в силу острого дефицита медицинских кадров, оборудования и медикаментов. К примеру, Г. М. Куватов 26 октября 1919 г. оправил отчаянное письмо на имя наркома здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко, где отмечал следующее: «Свирепствующая в Башкирии эпидемия сыпного и брюшного тифа усиливается с каждым днем. <...> Наркомздрав Башкирии бессилён ввиду полнейшего отсутствия персонала и медикаментов. Особенно отчаянно положение в разоренных войной районах <...> население лишено не только белья, но и верхней одежды, вынуждено ютиться в шалашах, пещерах и подземельях, где один заболевший заражает тифом всех остальных. Необходимы срочные меры. Просим откомандировать в распоряжение наркомздрава

Башкирии двадцать врачей и сорок лекарственных помощников. Кроме того, три эпидемиологических отряда с полным оборудованием. <...> Одна надежда на отзывчивую помощь центра»¹.

Тем не менее экстренной поддержки в борьбе с эпидемией тифа из центра получить не удалось. На это указывал председатель Башкирского военно-революционного комитета Х. Юмагулов в своей телеграмме от 31 декабря 1919 г. на имя председателя Совета народных комиссаров РСФСР В. И. Ленина: «Как Стерлитамак, так и вся территория Башреспублики ввиду сильно свирепствующей эпидемии тифа находится в тяжелом положении. Весь немногочисленный медицинский персонал заболел, люди вымирают сотнями. Борьба с эпидемией бессильна. В кантонах люди умирают целыми селениями, дома заколочены. Положение катастрофическое. Наркомздрав БССР посылал телеграммы т. Семашко, на которые получил отрицательный ответ. Военно-революционный комитет Башреспублики просит срочно прислать двадцать врачей, 30 лекарственных помощников и 120 сестер милосердия и медикаментов»².

Масштабы эпидемии на территории Башкирской советской республики в рассматриваемый период хорошо иллюстрирует также выдержка из обращения Башкирского представительства в Москве от 11 августа 1921 г.: «...медицинский персонал, отсутствие которого заставило Башкирию пережить большие испытания во время свирепствовавшей в конце 1919 г. и начале 1920 года эпидемии тифа, как равно заставила переживать в текущем году еще большие бедствия эпидемия холеры. <...> Отдаленность Башкирской республики от центра и совершенно плохое состояние связи не дают возможности своевременно перебрасывать врачей в места бедствий. <...> В 1919–1920 гг. тифом выкошено 10 000 красноармейцев и свыше этого числа кре-

¹ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: В 4 т. / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Т. 3. Ч. II. Уфа : Китап, 2006. С. 41.

² Там же. С. 73.

стьян, а в этом году холера уносит в одном только Стерлитамаке до 200 жертв в день»¹.

Осенью 1919 г. в Стерлитамак прибыл уполномоченный Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее – ВЦИК) РСФСР Т. И. Сидельников, который вошел в организованную при Башкирском правительстве комиссию по вопросу спасения пострадавшего от гражданской войны населения – «Башкирпомощь». Одной из задач означенной комиссии являлось оказание медицинской помощи. В декабре 1919 г. Т. И. Сидельников телеграфировал в центр о том, что «Дело Башкирпомощи начинает налаживаться. <...> Наиболее острая нужда в медицинской помощи будет удовлетворена посылкой в наиболее разоренный район дезотряда, который уже снабжен всем необходимым и выедет восьмого [декабря]».

Однако целый ряд организационных, кадровых и общественно-политических разногласий не позволил «Башкирпомощи» добиться полноценного решения поставленных задач в сфере медицинского обслуживания населения. Это признавали и сами сотрудники центрального управления организации, отмечавшие что «...семимесячная работа «Башкирпомощи» с ноября 1919 г. по май 1920 г. почти не дала никаких результатов, несмотря на значительное расходование средств»². В то же время стоит отметить, что работа «Башкирпомощи» позволила частично решить проблему спасения голодающих детей республики, оказав в этом отношении поддержку сотрудникам Наркомздрава и Наркомпроса. Благодаря выделенным комиссии средствам было открыто 52 детских дома и приюта с горячим питанием, где удалось разместить свыше 5 тысяч детей, оставшихся без попечения родителей [3, с. 41–42].

Для организации борьбы с тифом на Южном Урале в конце 1919 г. в Уфу прибывает заместитель председателя ВЧК М. С. Кедров, возглавлявший тогда Всероссийскую

комиссию по борьбе с тифом. Благодаря принятым экстренным мерам удалось увеличить количество инфекционных барачков и госпиталей. Башнаркомздрав привлекает для работы с зараженным населением партийно-советские кадры с целью проведения подворных обходов и контроля ситуации на местах. Необходимая медицинская помощь из центра начинает приходить в первой половине 1920 г. К примеру, наркомат здравоохранения РСФСР по инициативе наркома Н. А. Семашко выделил для республики 2 госпиталя и 5 зубокабинетов. В целом предпринятые меры и оказание лечебной помощи заболевшим позволили в основном ликвидировать эпидемию тифа к концу весны 1920 г. [2, с. 15–16]

В условиях временной стабилизации обстановки народный комиссариат здравоохранения Башкирской АССР начал кампанию по вакцинации детей от оспы, в Стерлитамаке заработала детская амбулатория и дома для детей-сифилитиков, были открыты две детские больницы с терапевтическим уклоном и для больных кожными заболеваниями.

Однако уже в 1921 г. на фоне массового голода в республике начинается новая эпидемия, на этот раз холерная. Медицинским учреждениям катастрофически не хватало кадров, сывороток и дезинфицирующих средств для борьбы с болезнью. На территории республики регистрируется 11,5 тысяч случаев азиатской холеры и 2 тысячи случаев холероподобных заболеваний. Общая смертность достигает 41 % [2, с. 17].

28 мая 1921 г. на заседании народного комиссариата национальностей РСФСР было принято решение «...вследствие особенной нужды БССР в медперсонале, медикаментах и медицинских оборудованьях в неплавном порядке отпустить Башнаркомздраву медицинское оборудование, медицинские инструменты и медикаменты, выделив в распоряжение Башнаркомздрава необходимое

¹ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: В 4 т. / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Т. 3. Ч. II. Уфа: Китап, 2006. С. 17.

² Там же. С. 60–61, 64, 70–71, 97–99, 104.

количество медицинского персонала из числа демобилизуемых»¹.

К тому времени благодаря общим усилиям и поддержке из центра Наркомздрав Башкирской АССР располагал более широкими возможностями для противодействия эпидемии. К 1921 г. на территории республики действовали уже 32 фельдшерских пункта, 67 врачебных амбулаторий, 57 больниц, 55 врачей и 416 медицинских работников. В Стерлитамаке функционировала санитарно-эпидемическая комиссия, начали работу национализированные советские санатории для туберкулезных больных, включая знаменитую кумысолечебницу в Шафраново [4, с. 28].

В результате энергичных медико-санитарных мероприятий и помощи из центра холерную эпидемию удалось остановить – с осени 1921 г. она постепенно отступает. Отголоски эпидемий давали о себе знать в виде периодических вспышек возвратного и сыпного тифа среди различных возрастных групп населения.

Однако уже в конце 1921 – начале 1922 г. главной проблемой органов здравоохранения становится борьба с последствиями голода и сопутствующих ему инфекционных болезней: цинги, хронического энтероколита, голодных отеков. В рассматриваемый период, по наблюдениям специалистов, смертность среди больных голодающих детей достигала 75–80 %. Общие показатели рождаемости в 1922 г. (13 родившихся на 1000 человек) снизились втрое по сравнению с 1921 г. (40,4 родившихся на 1000 человек) [2, с. 17–18]. Последствия голода вкупе с многочисленными очагами инфекционных заболеваний привели к массовой смертности, были зафиксированы случаи людоедства, население было вынуждено употреблять для выживания пищевые суррогаты [12, с. 80–82].

Немаловажное значение в этой ситуации сыграла материальная помощь, которую

оказывали органы здравоохранения не только Москвы, но и других городов и республик СССР, отправлявших на территорию Советской Башкирии специалистов и медикаменты. Кроме того, в 1922 г. в республике было открыта организация Российского общества Красного креста (далее – РОКК). Ее создателем выступил нарком здравоохранения Г. М. Куватов. К 1923 г. в рядах башкирского подразделения РОКК насчитывалось 254 человека, а уже в 1925 г. – 2284 человека. Благодаря активной деятельности общества была развернута целая сеть амбулаторий, больниц, туберкулезных диспансеров, пунктов оказания помощи больным малярией, трахомой и венерологическими заболеваниями [4, с. 34].

В июле 1922 г. в процессе расширения границ Башкирской АССР состоялось объединенное заседание пленумов Башкирского обкома и Уфимского губкома РКП (б), на котором Г. М. Куватов был единогласно избран народным комиссаром здравоохранения «Большой Башкирии»². Башнаркомздрав вместе с центральным правительством республики перемещается в Уфу, а в каждом из восьми новообразованных кантонов республики создаются кантонные отделы здравоохранения [5, с. 9].

В последующие несколько месяцев государственные учреждения республики проходили организационно-кадровую перестройку и оптимизацию кадрового состава. В результате слияния с Уфимским губернским отделом здравоохранения сформировался новый центральный аппарат Башнаркомздрава в составе 58 сотрудников. К этому времени структура медицинских учреждений «Большой Башкирии» включала в себя 58 больниц, 23 врачебно-амбулаторных участка, 57 фельдшерских пунктов с общим фондом в 3350 больничных коек, которых обслуживали 86 врачей и 382 средних медработника. В том же 1922 г. Башкирское правительство учреждает стипендии для об-

¹ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: в 4 т. / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Т. 4. Ч. I. Уфа : Китап, 2008. С. 383–384.

² Там же. С. 395.

учения молодежи на медицинских факультетах и в медицинских школах [4, с. 30–31].

В декабре 1922 г. издается постановление Совнаркома Башкирской АССР, определившее количество ответственных работников для наркоматов и учреждений Башреспублики. В Наркомздраве в число ответственных служащих были включены нарком, заместитель и один член коллегии¹.

В августе 1922 г. в составе Башнаркомздрава учреждаются новые отделы: санитарно-эпидемический, охраны материнства, младенчества и детей. В 1924 г. возникает отдел охраны здоровья детей и подростков (Оздравдет). Последний занимался проверкой санитарного состояния школ и детских домов. Сотрудниками отдела в Уфе открывается первый пункт охраны здоровья детей, который позже был реорганизован в детскую профилактическую амбулаторию. Медицинские учреждения в эти годы ведут активную деятельность по лечению малярии, чесотки, стригущего лишая, трахомы, особенно в сельской местности. Стала проводиться вакцинация детей от заболеваний дифтерией и холерой [2, с. 18–19].

Вскоре после переезда в Уфу по личной инициативе наркома Г. М. Куватова начинает издаваться ежемесячный общественно-научный журнал «Вестник Башнаркомздрава». Первый выпуск увидел свет в 1923 г. Периодическое издание выполняло просветительские функции, в него входили статьи по профилактике инфекционных заболеваний и эпидемий, личной гигиене, пропаганде здорового образа жизни и физической культуре. Авторами выступали многие известные практикующие врачи, а также сотрудники наркомата здравоохранения Башкирской АССР. Сам Г. М. Куватов выполнял обязанности главного редактора журнала [1, с. 39–40].

¹ Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. VII том. 1923–1926 гг. Уфа : Секретариат Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан, 2006. С. 319.

² О лечебных местностях общегосударственного значения : Декрет Совета Народных Комиссаров от 20 марта 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1919. № 19. Ст. 231.

³ Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. VII том. 1923–1926 гг. Уфа : Секретариат Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан, 2006. С. 370–373.

Под контролем народного комиссариата здравоохранения РСФСР и его региональных подразделений развивалась сфера санаторно-курортного лечения. В 20-е годы XX века граждане страны постепенно приходили в себя после потрясений революции и Гражданской войны. Санаторный отдых в государственных здравницах становится весьма популярным среди населения. В первую очередь подобного рода благами обеспечивались красноармейцы и рабочие, сотрудники партийных и советских учреждений.

Еще в марте 1919 г. вышел декрет Совета народных комиссаров (далее – СНК) РСФСР «О лечебных местностях общегосударственного значения», где указывалось, что к лечебным местностям и курортам относятся места с источниками лечебных вод и лечебных грязей, которые «...по заключению Народного комиссариата здравоохранения имеют важное значение по составу и целебным свойствам своих минеральных источников, минеральных грязей и устроенным при них приспособлениям для пользования больных». При этом высшее управление лечебными местностями и курортами возлагалось на Наркомздрав РСФСР и его территориальные органы².

В марте 1923 г. было издано новое постановление СНК РСФСР «Об организации курортного дела», где поручалось предоставить народному комиссариату здравоохранения право эксплуатации естественных богатств в пределах общегосударственных курортов, вместе с основным капиталом последних. Для управления курортным делом в составе Наркомздрава РСФСР учреждалось главное курортное управление³.

Данные нормативные правовые акты имели большое значение для развития санаторного отдыха в Башкирской АССР с

ее многочисленными природными богатствами. Именно в 20-е годы XX века под руководством Башнаркомздрава началась работа по организации Уфимского дома отдыха профсоюзной организации уфимских железнодорожных мастерских (будущий санаторий «Зеленая роща») и дома отдыха на Красноусольских источниках (будущий санаторий «Красноусольск»), которые затем сыграют важную роль в лечении и реабилитации раненых бойцов Красной армии в годы Великой Отечественной войны [13, с. 170–171].

В 20-е годы XX века под руководством Башнаркомздрава формируется система санитарного контроля за населением для профилактики развития эпидемиологических ситуаций. Нарком здравоохранения Г. М. Куватов с 1922 г. являлся председателем центральной санитарно-эпидемиологической чрезвычайной комиссии при БашЦИК. Советская медицина совершенствовалась, а кроме того необходимо было систематизировать тяжелый опыт 1919–1921 гг. по борьбе с тифом и холерой во избежание подобных ситуаций в будущем [9, с. 124].

В марте 1923 г. было издано постановление Совета народных комиссаров Башкирской АССР «О санитарных органах Башрееспублики». Данный нормативный правовой акт установил обязательную норму количества работников санитарного дела: в самом наркомате здравоохранения Башкирской АССР учреждались три должности санитарных врачей для ведения санитарной статистики и «...обслуживания общей санитарии эпидемического дела»; в кантонах числом жителей до 200 тысяч человек создавалась одна должность санитарного врача и одна должность санитарного помощника; в кантонах с числом жителей свыше 200 тысяч – две должности санитарных врачей; в городах предусматривалась одна должность санитарного врача на 50 тысяч жителей, а

мелкие города обслуживались кантонным санитарным надзором. Кроме того, в крупных городах были предусмотрены должности жилищно-санитарных инспекторов из расчета 1 на 25 тысяч жителей, а в Уфе дополнительно появился санитарно-пищевой врач.

Санитарные врачи и их помощники снабжались специальными удостоверениями от наркомздрава, где прописывались их права и должность, имели право предъявлять в письменной форме требования лицам по устранению санитарных нарушений в определенные сроки, а также в необходимых случаях возбуждать дела в местном народном суде с привлечением виновных к ответственности.

К функциям санитарных органов в составе Башнаркомздрава относились:

- а) санитарная охрана воды, воздуха и почвы;
- б) санитарная охрана жилищ;
- в) санитарная охрана пищевых продуктов;
- г) организация противоэпидемиологических мероприятий;
- д) организация борьбы с социальными болезнями;
- е) охрана здоровья детей;
- ж) санитарная статистика;
- з) санитарное просвещение;
- и) участие в вопросах санитарной охраны труда и общей организации лечебно-санитарного дела¹.

Башнаркомздрав и его структурные подразделения в 20-е годы XX века привлекались органами юстиции для борьбы с нелегальным самогоноварением. В июне 1923 г. вышел циркуляр Народного комиссариата юстиции РСФСР, который предполагал организацию на местах ряда показательных процессов против «любителей первача». На подобные процессы по делам о незаконном изготовлении самогона предлагалось приглашать представителей

¹ Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. VII том. 1923–1926 гг. Уфа : Секретариат Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан, 2006. С. 375–377.

местного отдела здравоохранения в качестве экспертов¹.

В целом перечисленные меры санитарно-эпидемиологического и профилактического характера позволили стабилизировать и взять под контроль ситуацию с заболеваемостью, существенно улучшить демографические показатели рождаемости и снизить уровень смертности. За период с 1923 по 1926 г. прирост населения составил 13,5 %, что позволило несколько восполнить потери Гражданской войны. В 1924 г. коэффициент рождаемости достиг 49 родившихся на 1000 человек населения, а в 1925 г. – 50,5 на 1000. Постепенно снижались показатели младенческой смертности: в 1925 г. на каждых родившихся живыми 100 детей смертность составляла 22,3, в 1926 г. – 19,2 % [2, с. 20].

В 1925 г. после утверждения на XII Всероссийском съезде советов новой Конституции РСФСР был конкретизирован правовой статус и порядок формирования органов управления автономных республик в составе Советской России. В частности, было закреплено положение, в соответствии с которым народные комиссариаты здравоохранения относились к группе высших органов власти республиканского подчинения в составе местных СНК и образовывались по решению центральных исполнительных комитетов автономных республик. Вскоре на V Всебашкирском съезде Советов в марте 1925 г. был рассмотрен проект первой Конституции Башкирской АССР. Хотя данный конституционный проект в итоге так и не был утвержден со стороны ВЦИК РСФСР, но тем не менее он отразил общие тенденции государственно-правового развития республики за 1919–1925 гг. [14, с. 56–58, 68] В черновых набросках подкомиссии ВЦИК, изучавшей текст проекта, предлагалось обозначить народный комиссариат здравоохранения Башкирской АССР в числе шести

наркоматов, которые «...автономные в своих действиях, подчинены БашЦИК, его президиуму и СНК БАССР и непосредственно перед ними ответственны»².

Заключение

Таким образом, анализ становления и развития народного комиссариата здравоохранения Башкирской АССР в период с 1919 по 1925 г. предоставляет нам возможность проследить процесс историко-правового генезиса советской медицинской системы в отдельно взятой национальной автономной республике РСФСР.

Структура и кадровый состав Башнаркомздрава в изучаемый период постоянно совершенствовались. Начав работу весной 1919 г. как обычный отдел комиссариата внутренних дел в составе всего трех человек, наркомат здравоохранения вскоре превратился в один из важнейших звеньев управления республиканского правительства в условиях борьбы с эпидемиями 1919–1922 гг. Несомненная заслуга в создании разветвленного аппарата ведомства в центре и на местах принадлежит первому наркому здравоохранения Башкирской АССР Г. М. Куватову. Под его руководством в короткий срок была сформирована новая сеть медицинских учреждений, сотрудники Башнаркомздрава отчаянно противостояли эпидемиям тифа, холеры, цинги, трахомы и других инфекционных заболеваний, вызванных последствиями Гражданской войны и голода. Огромную поддержку в эти годы оказала финансово-материальная помощь со стороны центра, в частности, Наркомздрава РСФСР, Российского общества Красного Креста, медицинских учреждений других регионов страны. Завершился первый этап организационно-правового становления комиссариата здравоохранения республики после образования в 1922 г. Большой Башкирии и переезда Башнаркомздрава в Уфу.

¹ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: В 4 т. / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Т. 4. Ч. II. Уфа : Китап, 2009. С. 229.

² Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. VII том. 1923–1926 гг. Уфа : Секретариат Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан, 2006. С. 435, 466, 468.

Важнейшими направлениями работы Башнаркомздора в 1922–1925 г. становятся создание органов санитарно-эпидемиологического контроля, отделов по охране детского здоровья, вакцинация населения, ведение профилактической и просветительской работы среди граждан, подготовка собственных медицинских кадров,

а также учреждение новых санаториев и больниц на территории региона. Фактически именно в эти годы была заложена материальная, научная, кадровая база для формирования устойчивой, отличавшейся преемственностью республиканской системы здравоохранения на десятилетия вперед.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Киньябулатов А. У., Аксенов С. Г., Чистонов В. Д., Илиева А. А., Миннегалиев М. М., Закиров И. М., Гайнуллин Р. А., Усманов Э. Г., Рахматова Ф. Б. «Вестник Башнаркомздора» – первый журнал в Башкирской АССР по здравоохранению и физической культуре // Казанская наука. 2021. № 12. С. 39–41.
2. Сулейманова Р. Н. Охрана здоровья детей в Башкирии в 1920-е годы: поиск путей решения проблемы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2022. Т. 4. № 3 (15). С. 13–23.
3. Абдрахманов Р. Р. Детские дома и приюты на территории Башкирии в 1917–1928 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 41 (179). С. 41–44.
4. История медицины Республики Башкортостан : учебное пособие для самостоятельной внеаудиторной работы студентов / Н. Х. Шарафутдинова, А. У. Киньябулатов, М. Ю. Павлова. Уфа : Изд-во ГБОУ ВПО БГМУ Минздрава России, 2014. 137 с.
5. Вехи здравоохранения Республики Башкортостан. Часть 1 / М. В. Забелин, А. У. Киньябулатов, Р. Т. Зайнуллин. Уфа : БГМУ, 2019. 178 с.
6. Акманов А. И. Образы врачей: братья Куватовы – участники общественно-политического движения 1917–1919 гг. // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 1 (33). С. 9–17.
7. Ярмуллин А. Ш. У истоков Башкирской республики. Биографии деятелей Башкирского национального движения (1917–1920 гг.). Уфа : Китап, 2017. 232 с.
8. Киньябулатов А. У., Забелин М. В., Евсюков А. А., Зайнуллин Р. Т. Народные комиссары и министры здравоохранения Республики Башкортостан. Уфа : Башкирский государственный медицинский университет, 2019. 84 с.
9. Нагаев Р. Я., Рахимкулов А. С. Деятельность Гумера Галимовича Куватова – первого народного комиссара здравоохранения Башкирской АССР // Медицинский вестник Башкортостана. 2014. Т. 9. № 1. С. 124–125.
10. Кутушева В. Н. Мстислав Кулаев и Юнус Бикбов: страницы биографии студентов Казанского императорского университета // Историко-правовое и духовное наследие семьи Аксаковых в социально-культурном пространстве России, к 200-летию со дня рождения первого Уфимского губернатора Г. С. Аксакова : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 68–73.
11. Султанбеков Б. Ф. История Татарстана: Сталин и «татарский след»: (научно-популярные очерки). Казань : Татарское книжное издательство, 1995. 250 с.
12. Мигранова Э. В. К проблеме голода 1921–1922 гг. среди башкир // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республика Мордовия. 2022. № 1 (61). С. 80–94.
13. Ишмурзина Р. К. Роль санатория «Красноусольск» в реабилитации солдат и офицеров в годы Великой Отечественной войны // Вклад Башкортостана в Великую Победу : материалы Международного научно-практического форума, посвященного 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Уфа, 2020. С. 170–176.

14. Зубairoв М. Г. Проект Конституции Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики 1925 года // Верховенство права и национальные интересы России : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию Всеобщей декларации прав человека и 25-летию Конституции Российской Федерации. В 2-х частях / ответственный редактор Г. М. Азнагулова. Уфа, 2018. С. 50–69.

REFERENCES

1. Kinyabulatov A. U., Aksenov S. G., Chistonov V. D., Ilieva A. A., Minnegaliev M. M., Zakirov I. M., Gainullin R. A., Usmanov E. G., Rakhmatova F. B. “Bulletin of Bashnarkomzdrav” – the first magazine in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic on health care and physical culture // Kazan Science. 2021. No. 12. P. 39–41. (In Russ.)

2. Suleymanova R. N. Children’s health in Bashkiria in the 1920s: searching for ways to solve the problem // News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical sciences. 2022. Vol. 4. No. 3 (15). P. 13–23. (In Russ.)

3. Abdrakhmanov R. R. Orphanages and shelters in Bashkiria in 1917–1928 // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2009. No. 41 (179). P. 41–44. (In Russ.)

4. History of medicine in the Republic of Bashkortostan: a textbook for independent extracurricular work of students / N. Kh. Sharafutdinova, A. U. Kinyabulatov, M. Yu. Pavlova. Ufa : Publishing House of the State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Bashkir State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, 2014. 137 p. (In Russ.)

5. Milestones in Healthcare of the Republic of Bashkortostan. Part 1 / M. V. Zabelin, A. U. Kinyabulatov, R. T. Zainullin. Ufa : BSMU, 2019. 178 p.

6. Akmanov A. I. Images of doctors: the Kuvatov brothers – participants in the socio-political movement of 1917–1919. // Bulletin of the Mari State University. Series: Historical Sciences. Legal sciences. 2023. T. 9. No. 1 (33). P. 9–17. (In Russ.)

7. Yarmullin A. Sh. At the origins of the Bashkir Republic. Biographies of figures of the Bashkir national movement (1917–1920). Ufa : Kitap, 2017. 232 p. (In Russ.)

8. Kinyabulatov A. U., Zabelin M. V., Evsyukov A. A., Zainullin R. T. People’s Commissars and Ministers of Health of the Republic of Bashkortostan. Ufa : Bashkir State Medical University, 2019. 84 p. (In Russ.)

9. Nagaev R. Ya., Rakhimkulov A. S. Activities of Gumer Galimovich Kuvatov – the first People’s Commissar of Health of the Bashkir ASSR // Medical Bulletin of Bashkortostan. 2014. Vol. 9. No. 1. P. 124–125. (In Russ.)

10. Kutysheva V. N. Mstislav Kulaev and Yunus Bikbov: pages of the biographies of students of the Kazan Imperial University // Historical, legal and spiritual heritage of the Aksakov family in the socio-cultural space of Russia, to the 200th anniversary of the birth of the first Ufa governor G. S. Aksakov : a collection of materials from the All-Russian scientific and practical conference. Ufa, 2020. P. 68–73. (In Russ.)

11. Sultanbekov B. F. History of Tatarstan: Stalin and the “Tatar trace”: (popular science essays). Kazan : Tatar Book Publishing House, 1995. 250 p. (In Russ.)

12. Migranova E. V. On the Problem of the Famine of 1921-1922 Among the Bashkirs // Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 2022. No. 1 (61). P. 80–94. (In Russ.)

13. Ishmurzina R. K. The role of the Krasnousolsk sanatorium in the rehabilitation of soldiers and officers during the Great Patriotic War // The contribution of Bashkortostan to the Great Victory : materials of the International scientific and practical forum dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War. Ufa, 2020. P. 170–176. (In Russ.)

14. Zubairov M. G. Draft Constitution of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic of 1925 // The Rule of Law and National Interests of Russia : collection of materials from the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 70th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights and the 25th anniversary of the Constitution of the Russian Federation. 2 parts / editor-in-chief G. M. Aznagulova. Ufa, 2018. P. 50–69. (In Russ.)

Информация об авторе:

Кутушева В. Н. – кандидат исторических наук.

Information about the author:

Kutusheva V. N. – Candidate of History.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024; одобрена после рецензирования 11.11.2024; принята к публикации 28.11.2024.

The article was submitted 22.10.2024; approved after reviewing 11.11.2024; accepted for publication 28.11.2024.

Научная статья
УДК 342.924.037(470)

Александр Анатольевич Беженцев
*Северо-Западный институт управления Рос-
сийской академии народного хозяйства и госу-
дарственной службы при Президенте Россий-
ской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
adovd@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9909-9869*

ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Аннотация. На базисе проведения исследования современных взглядов на применение правовых норм, в особенности материальных норм, регламентирующих сегмент государственного управления, утверждается единственно правоприменительная природа административного процесса. Ввиду многоотраслевого характера правового урегулирования данной сферы положительно разрешается вопрос о единой административной процессуальной форме, обслуживающей все секторы государственного управления. В научной статье аргументируется необходимость расширительного разумения содержания административного разбирательства. В исследовании доказывается идея о наличии административного процесса только в тех процедурах, которые позволяют объектам управления, физическим и юридическим лицам принимать активное участие в: а) подготовке административного дела к разрешению; б) оценке обстоятельств, имеющих значение при разрешении дела; в) решении вопросов, возникающих в ходе исполнения правоприменительного акта, оформившего результаты рассмотрения дела.

Ключевые слова: административный процесс, административно-процессуальное право, процессуальная форма административного расследования, обеспечение административного процесса, административное судопроизводство, принципы административного процесса

Для цитирования: Беженцев А. А. Понятие и принципы административного процесса: вопросы теории // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 4 (20). С. 34–42.

Original article

Alexander A. Bezhentsev
*Northwestern Institute of Management of the
Russian Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, adovd@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9909-9869*

CONCEPT AND PRINCIPLES OF THE ADMINISTRATIVE PROCESS: THEORY ISSUES

Abstract. On the basis of a study of modern views on the application of legal norms, especially material norms regulating the segment of public administration, the only law enforcement nature of the administrative process is affirmed. In view of the multi-sectoral nature of the legal regulation of this area, the issue of a unified administrative procedural form serving all sectors of public administration is positively resolved. The scientific article argues for the need for a broad understanding of the content of administrative proceedings. The study proves the idea that the administrative process exists only in those procedures that allow objects of management, individuals and legal entities to take an active part in: a) preparing an administrative case for

resolution; b) assessment of circum-stances relevant to the resolution of the case; c) resolving issues arising during the execution of the law enforcement act that formalized the results of the con-sideration of the case.

Keywords: administrative process, administrative procedural law, procedural form of ad-ministrative investigation, provision of administrative process, administrative proceedings, principles of administrative process

For citation: Bezhentsev A. A. Concept and principles of the administrative process: theoretical issues // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 4 (20). P. 34–42. (In Russ.)

Введение

Основной формой организующего влияния государства на общество является взаимодействие с его членами и их объединениями с целью содействия максимальному раскрытию жизненных сил общества. Без такого управленческого влияния существование государства невозможно. Взаимодействия разного рода публичных и непубличных субъектов права в сфере управления с объектами этого управления обусловили создание теории административного процесса. Во главу угла данной теории ставится изучение признаков тех общественных явлений, которые охватываются понятием административного процесса [1; 2; 3; 4, с. 59–71; 5, с. 55–56]. К сожалению, большинство из этих признаков не получили всеобщего признания среди ученых, занимающихся теорией административного процесса и общетеоретической моделью процесса. Это объясняется индивидуальной конкретностью дел, возникающих в ходе управленческого воздействия. Именно поэтому, по нашему мнению, не выработан единый подход к соотношению юрисдикционных, позитивных дел в сфере управления, а также к проблемам управленческого нормотворчества. Не вносит полной ясности в научную полемику по этому соотношению раскрытие такого признака административного правоотношения, как его цель, то есть оптимальная реализация прав и обязанностей участников управленческого процесса.

Разнообразие содержания таких прав и обязанностей и отраслевой принадлежности вообще создает впечатление отсутствия охватывающего все управленческие отношения административного процесса. Следующий признак – наличие административного правового спора тоже не может быть критери-

ем определения сферы административного процесса. Юридическая природа таких споров в науке административного права еще полностью не выяснена. Отсутствует также выработанная позиция ученых и о роли сферы управления как объединяющего начала в функционировании различных ветвей власти, обслуживающих этот сегмент. Остается не до конца решенным вопрос о современной нормативной базе судебного разбирательства административных дел. А взгляд на административный процесс с точки зрения его признака как правоприменительный характер административных дел не может устранить линию разграничения между положительными и юрисдикционными производствами как составляющими административный процесс. Природа последнего может быть наилучшим образом изучена с учетом принципов рассмотрения административных дел субъектами управления. Анализ научных источников убеждает, что в советской и постсоветской юридической литературе принципы административного рассмотрения не оставались без внимания.

Однако в большинстве случаев таким работам не хватало определенности позиций относительно самого понятия принципа, подходов к их систематизации, соотношения с началами административного процессуального правового института.

Методы

В статье использовались всеобщий диалектический метод познания, общенаучные подходы, такие как анализ, синтез, обобщение, а также частнонаучные методы: логический, системный, сравнительно-правовой, формально-юридический.

Результаты

На основании исследования понятия административного процесса обосновывается

утверждение о преимущественно внешней направленности административного процесса в сфере государственного управления. Изучая суть административного процесса и исследуя связь мысленных операций участников административного процесса с внешней объективизацией таких операций в процессуальной деятельности, автор доказывает присутствие интеллектуальной деятельности по применению материальной нормы чисто на стадиях решения административного дела и исполнения решения по нему. Остальные стадии административного разбирательства охватываются понятием обеспечения правоприменения. В связи с этим сделан вывод о сложности административного разбирательства, состоящего из двух отличных по своему значению видов деятельности: 1) обеспечения и осуществления правоприменения; 2) материально-правового технического обслуживания первой составляющей административного разбирательства; при этом тождество содержания состоит из: а) правоприменения; б) контрольной деятельности; в) деятельности по установлению юридических фактов, что дало основания автору статьи объединить их единым понятием административного разбирательства.

Развитие в науке административно-права категории управленческих услуг обусловило поиск автором ее взаимосвязи с административным разбирательством. Анализ преимущественно властного характера деятельности органов публичной власти по оказанию управленческих услуг позволил сделать вывод об административно-процессуальной оформленности принятия решения о предоставлении таких услуг. В то же время административный процесс не ограничивается обслуживанием только указанной материально-правовой сферы. Административно-процессуальные нормы предшествуют реализации некоторых мер административного принуждения, определяют форму решения индивидуальных административных дел государственными служащими.

Черты административно-процессуальной формы характеризуют собственно процессуальную составляющую администра-

тивного разбирательства – обеспечение и осуществление правоприменения. К таким характеристикам относятся: а) методы административного разбирательства; б) порядок его ведения; в) пределы его проявления. Содержание каждой из них указывает на способ: 1) совершения тех или иных процессуальных действий участниками; 2) административного разбирательства.

Автором теоретически обосновываются два необходимых условия существования административной процессуальной формы. Во-первых, рассмотрение административного дела получает административно-процессуальную форму, смоделированную в правовых нормах тогда, когда она не сводится сугубо к стадии разрешения дела (осуществление правоприменения), а кроме того, охватывает действия разбирательства правоприменителя по контролю за сбором доказательного материала по делу, формированию юридических позиций сторон (обеспечение правоприменения). Во-вторых, обязательным условием является участие заинтересованных лиц – субъектов управления в рассмотрении административного дела.

Изучены два видоизменения административно-процессуальной формы, выделяемые на основе анализа места оценки материалов дела в структуре стадий разбирательства. Если в одном случае такая оценка доказательств с участием сторон имеет место только традиционно в стадии разрешения дела, то в противном случае она переносится на стадию расследования дела (подготовки дела к решению).

Обосновывается утверждение о том, что в нормативной базе существования административного процесса есть три группы правовых норм. Первую группу правовых норм составляют нормы материальной компетенции организационно-правовых форм осуществления административного производства органами государственного управления, вторую – процессуальные нормы, заполняющие «нормативный вакуум», созданный компетенционной нормой, третью – материальные нормы, которые следу-

ет применять. Первая группа правовых норм обеспечивает предпосылки эффективного воплощения возможностей органом управления. Вторая группа определяет потребность в самой процессуальной деятельности органов государства. Третья же группа правовых норм определяет предмет деятельности государственных органов.

К административному процессу в сфере государственного управления следует отнести дела, возникающие в: 1) государственном управлении, суженном к регулированию; 2) государственном управлении организационно-распорядительного характера; 3) работе с кадрами в государственном управлении как самоорганизации аппарата государства.

Анализируя различия между управленческими материальными и процессуальными процедурами, отметим, что: а) последние могут существовать только при условии закрепления их моделей в правовых нормах; б) им присуща комплексность, часто параллельность процессуальных действий и отношений в ходе производства; в) их содержание обуславливает особенности в стадийной структуре таких процедур (материальные процедуры состоят из двух стадий: 1) обращение, с которого начинается движение дела; 2) вынесение решения по нему).

Определив сферу существования административного процесса и черты управленческих процессуальных процедур как его составляющих, автор выделяет категории дел, проводимых в административно-процессуальной форме. При этом им обосновывается вывод об обслуживании административно-процессуальной формы как юрисдикционных, так и положительных дел в управлении, возникающих в различных отраслях государственного управления. Как для юрисдикционного, так и для положительного управленческого правоприменения необходимы две части правового предписания: первая, которая указывает на то, что имеет юридическое значение (гипотеза); вторая – на поведение организационно-правовых форм осуществления административного производства органа-

ми государственного управления при подтверждении юридичности всех имеющихся фактов. В связи с этим диспозиция имеет аналогичную с санкцией функцию. В результате само рассмотрение дела (положительного или юрисдикционного) справедливо будет отнести к отношениям властного регулирования, а принудительное исполнение решения – к отношениям принуждения. Анализ законодательства показывает, что содержательная неоднородность административной юрисдикции заставляет отказаться от нее как критерия выделения границ административного процесса, то есть и бесспорные и спорные отношения обеспечиваются избирательно процессуальными формами. Кроме того, законодательство дает пример сочетания юрисдикционных и положительных процессуальных форм: введен единый порядок рассмотрения заявлений, ходатайств и жалоб.

В свою очередь, несмотря на свой внешний управленческий характер, порядок управленческого нормотворчества не может быть отнесен к административному процессу. Правотворчество из-за своеобразия своего содержания будет существенно различаться процедурными формами осуществления от правоприменения в административном процессе. Эта разница проявляется в: а) особой форме индивидуальных дел, разрешаемых в административных производствах; б) особенностях предмета доказывания; в) особой роли организационно-правовых форм осуществления административного производства органами государственного управления; г) особенностях операций с применяемой нормой. Кроме того, правотворческий процесс характеризуется совпадением материальной стороны нормотворческих материальных и процедурных отношений. Это обуславливает: 1) особенности субъектного состава исполнителей нормотворческих процедур в сфере управления; 2) особенности в стадиях нормотворческого процесса (отсутствие стадии выполнения); 3) особенности субъектного состава обуславливают и возможность существования неурегулированных правом процедур нормотворчества.

Понятие принципов административного процесса анализируют многие исследователи [6, с. 173–179; 7, с. 95–101; 8, с. 11–18; 9, с. 204–206; 10; 11, с. 175–191; 12, с. 25–30; 13, с. 329–333; 14, с. 153–159; 15, с. 139–141], но рассматривая данное понятие, автор обосновывает методологический подход к его исследованию, с помощью которого определяет принципы административного процесса как правовые. Такое государственно-правовое явление, как рассмотрение административных дел возникает и имеет свое развитие на основе существующей в административном праве подотрасли административного процесса. Принципы административного процесса, развивающиеся в соответствии с общественными закономерностями, существенно обогащают свое содержание. При этом они модифицируют его только на основе общественных закономерностей, которые непосредственно связаны с административным рассмотрением. При закреплении таких закономерностей в правовых нормах эти они, становясь правовыми принципами, формируют сердцевину принципов административно-процессуальной подотрасли административного права.

При отсутствии непосредственного указания на них в правовых нормах содержание таких правовых принципов в свете задач административного производства проявляется через идейные связи между совершаемыми процессуальными действиями участников административного процесса и его организационно-правовыми формами осуществления административного производства органами государственного управления. На основе этого автор определяет принцип административного процесса как идейную связь между процессуальными действиями участников административного рассмотрения и задачами производства, содержание которого (связи) с учетом особенностей правового воздействия отражено в административно-процессуальных нормах.

Разбирая систему принципов в административном процессе, автор выделяет следующие уровни принципов, которыми следует

руководствоваться при рассмотрении административных дел.

Среди общесоциальных принципов, проявляющихся в административном процессе, называются принципы: а) гуманизма; б) взаимной ответственности государства и общества (человека); в) законности (верховенства права); г) целесообразности; д) справедливости; е) равноправия (действительной самостоятельности участников процесса); ж) демократизма.

К общепроцессуальным принципам, которые по содержанию основываются на административно-процессуальных нормах, следует относить принципы: а) объективной истины; б) публичности (процессуальной властности); в) самостоятельности и независимости организационно-правовых форм осуществления административного производства органами государственного управления в принятии решения; г) состязательности; д) инстанционности (контроля); е) устности и непосредственности рассмотрения дела; ж) охраны интересов государства и экономичности процессуальной деятельности; з) сочетания коллегиальности и единоличности.

Постигая административно-процессуальные нормы, отражающие данные принципы, автор пришел к следующим выводам. Меры ответственности в данном процессе применяются только к его управляемым участникам. Среди основных признаков процессуальной ответственности следует назвать специальные составы правонарушений, санкции, реализацию последних в ходе текущего производства. Принцип целесообразности указывает, что не следует предоставлять управленцу право на административное усмотрение при отсутствии норм-задач, норм-принципов, иначе усложняется выбор критериев законности целесообразного решения, которое должно быть мотивировано с учетом абсолютно конкретных обстоятельств.

Из-за того что справедливость заключается как в равенстве, так и в правильном неравенстве, автор предполагает, что они означают соразмерную оценку обстоятельств

(логических оснований), которые принимаются во внимание при установлении справедливости содержания юридического правила по отношению к соответствующему субъекту права. Поэтому и возможна такая ситуация, когда разные рассуждения о справедливости приводят к предоставлению двум субъектам равных процессуальных прав. Научную же дискуссию о соотношении принципов законности, справедливости и целесообразности можно решить следующим образом: закон (законность) указывает на цель или цели (меру справедливости), которую следует достичь на основе административного усмотрения (целесообразность).

Анализ принципа равноправия участников административно-процессуальных отношений привел автора к выводу, что на сегодняшний день уже не идет речь о фактическом равенстве субъектов в их правах (количественном равенстве результатов реализации этих прав). Однако не следует исключать необходимость равной фактичности в возможностях реализации субъектами своих прав, необходимость их самостоятельности. В рамках данного принципа требование государственного языка процесса следует отграничивать от языковой гарантии лицам, не владеющим государственным языком. Такая гарантия имеет место только в правоотношении между организационно-правовыми формами осуществления административного производства органами государственного управления и адресатом такой гарантии. Правоотношения таких организационно-правовых форм с остальными участниками обслуживаются на русском языке.

Говоря о принципе открытости, подчеркнем следующее. Гласность следует отличать от принципа реальных возможностей. В последнем случае речь идет о требовании доступности всех материалов дела для заинтересованных лиц, об обязанности организационно-правовых форм осуществления административного производства органами государственного управления, информированности их по времени и месту совершения

процессуальных действий, что создает предпосылки для активности участников. Гласность же, в свою очередь, содержит гарантии неучастников процесса, деятельность которых никоим образом не влияет на материально-правовой результат рассмотрения дела. Имеются примеры участия в производстве дел непубличных субъектов права (общественные организации, негосударственные предприятия, учреждения, организации). В данном случае публичность переместилась из материально-правовой плоскости в процессуальную, из институциональной – в нормативную. Под нормативной публичностью подразумевается руководство со стороны субъекта административных правоотношений ходом разбирательства от собственного имени, в собственных, согласованных с общественными (согласно Конституции Российской Федерации и федеральных законов) интересах. В целом же публичность можно определить как обязанность в организационно-правовых формах осуществления административного производства органами государственного управления на всех стадиях производства обеспечить беспрепятственное наступление предусмотренных законом юридических последствий в случае подтверждения наличия необходимых процессуальных и материальных юридических фактов.

Анализ принципа самостоятельности форм осуществления административного производства органами государственного управления приводит к выводу о его нераспространении на орган (должностное лицо), участвующий в возбуждении, расследовании дела. Только их взаимосвязи с управляемыми участниками производства под контролем организационно-правовых форм осуществления административного производства органами государственного управления могут являться предметом процессуального регулирования.

По принципу состязательности следует отметить следующее. Он присущ только спорным производствам, а бесспорные и положительные характеризуются активностью участия управляемого. Поскольку такое

действенное участие составляет суть состязательности, то родовым понятием можно предложить именно такую действенность невластного участника материально-правовых отношений.

Ограниченность проявления принципов устности и непосредственности рассмотрения дела требует их общепроцессуального определения, что отражалось бы в соответствующей степени в административном процессе. Так, под принципом устности автор предлагает понимать личное озвучивание всеми участниками процесса своих соображений по процедурным вопросам и по сути дела. Под принципом непосредственности понимается самостоятельность восприятия и оценки правоприменителем – органом государственного управления первоначальных доказательств по делу. В связи с этим все доказательства, предусматривающие словесную форму, могут восприниматься органом государственного управления письменно. Из этого следует и еще одно важное соображение: необходимо различать форму рассмотрения и форму доказательного материала, задействованного в деле.

Проявление принципа охраны интересов государства и личности в административном процессе может быть охарактеризовано как балансировка организационно-правовой формы осуществления административного производства органами государственного управления между интересами государства и лицами при совершении процессуальных действий в случае подтверждения наличия необходимых процессуальных и материальных юридических фактов.

Анализ административно-процессуального законодательства позволил автору сформулировать и четыре специальных принципа административного процесса. Их можно определить следующим образом:

1) принцип обязательного привлечения аппарата органов государственного управления к рассмотрению дела, который проявляется в том, что должностные лица функциональных подразделений и делопроизводители в зависимости от задач органа в административном процессе при рассмотре-

нии бесспорного или спорного дела готовят его к рассмотрению, участвуют в производстве дела или же сами решают его от имени органа государственного управления;

2) принцип действенности заинтересованных лиц заключается в том, что участие таких лиц в сборе и оценке доказательств по делу как в письменной, так и в устной формах, даже в случае опосредованного восприятия органами государственного управления таких соображений и доказательств при их подаче лицами, заинтересованными в исходе административного процесса, при учете этих доказательств и непосредственном принятии решения по делу, означает совершение именно активных действий участниками производства. Действенность заинтересованных лиц предполагает инициативное эффективное воздействие для достижения поставленных целей, своевременного выявления недостатков, просчетов и упущений при рассмотрении дела с целью принятия наиболее правильного и быстрого решения в административном процессе;

3) принцип действительных возможностей обеспечивает объектам управления и заинтересованным в административном процессе лицам иметь возможность в полном объеме использовать основные процессуальные права всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации способами с целью отстаивания собственной позиции по делу для защиты прав, свобод и законных интересов, при этом не испытывая ухудшения своего материального и юридического положения до полного завершения производства по делу;

4) принцип ограниченности доступа к сведениям (секретности) проявляется в обеспечении условий, при которых не вся информация, составляющая дело, свободно доступна для заинтересованных лиц и широкой общественности из-за возможности нанесения неоправданных убытков таким лицам ее открытостью, хотя бы потому, что судебный контроль за действиями органов управления может привести к перекалфикации обстоятельств по делу, неподтверждению части из них или может иметь место

недобросовестное использование этой информации посторонними лицами.

Заключение

Итак, определяя понятие административного процесса на основе характеристики его сущности и анализа характера исполнительно-распорядительных дел, составляющих его структуру, дадим определение понятия административного процесса, которым является рассмотрение в организационно-правовых формах осуществления

административного производства органами государственного управления в административно-процессуальной материи (обеспечение рассмотрения дела, разрешение его и контроль за исполнением решения по делу) индивидуально-определенных дел, по результатам которых могут инициироваться, трансформироваться или прекращаться правоотношения в сфере управления с участием физических и юридических лиц, объектов управления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Административно-процессуальное право : учебник для курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, сотрудников внутренних дел Российской Федерации / А. И. Каплунов, Ю. В. Бажукова, Я. Л. Ванюшин [и др.]. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. 380 с.
2. Кононов П. И., Смирнова Е. Н. Актуальные проблемы административного процесса. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2024. 280 с.
3. Волков А. М., Лютягина Е. А. Административно-процессуальное право : учебник. 2-е изд., пер. и доп. Москва : Издательство «Юрайт», 2024. 299 с.
4. Стахов А. И. Понятие и общая характеристика системы судебного административного процесса в Российской Федерации // Российское правосудие. 2023. № 3. С. 59–71.
5. Панферов Р. Г., Легоцкий В. Н. Понятие и сущность административного процесса // Закон и право. 2022. № 7. С. 55–56.
6. Кайнов В. И. Принципы административного процесса // Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы теории и практики: сборник научных статей / сост. и ред. Л. В. Войтович. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. С. 173–179.
7. Ильин А. В. К вопросу о принципе справедливости административного судопроизводства // Закон. 2019. № 1. С. 95–101.
8. Нобель А. Р. Понятие и содержание принципа непосредственности и гарантии его реализации в производстве по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 4 (161). С. 11–18.
9. Носенко Л. И. Рассуждения о реализации принципа гласности судопроизводства при рассмотрении административных дел // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9 (225). С. 204–206.
10. Илюхина В. А. Принципы процессуальных отраслей российского права. Москва : Постер-М, 2023. 55 с.
11. Кириллов Д. А. Притворные правовые явления в системе принципов административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18. № 2. С. 175–191.
12. Белякович Е. В. Проявление темпоральности в принципах административного процесса // Административное право и процесс. 2021. № 10. С. 25–30.
13. Агафуров А. Р., Гуц К. С., Буквецкий И. А., Торопов А. Е. Административный процесс: понятие, принципы, перспективы // Научный альманах Центрального Черноземья. 2022. № 3-10. С. 329–333.
14. Нобель А. Р. Система процессуальных принципов производства по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11 (120). С. 153–159.
15. Веретенников Н. Н., Ехохина Е. С. Принципы равноправия и состязательности сторон при рассмотрении постановлений (решений) по делам об административных правонарушениях // Евразийский юридический журнал. 2018. № 1 (116). С. 139–141.

REFERENCES

1. Administrative procedural law : a textbook for cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, internal affairs officers of the Russian Federation / A. I. Kaplunov, Yu. V. Bazhukova, Ya. L. Vanyushin [and others]. St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. 380 p. (In Russ.)
2. Kononov P. I., Smirnova E. N. Current problems of the administrative process. Moscow : Limited Liability Company «Ruseins», 2024. 280 p. (In Russ.)
3. Volkov A. M., Lyutyagina E. A. Administrative procedural law : textbook. 2nd ed., trans. and additional Moscow : Yurayt Publishing House, 2024. 299 p. (In Russ.)
4. Stakhov A. I. Concept and general characteristics of the system of judicial administrative process in the Russian Federation // Russian justice. 2023. No. 3. P. 59–71. (In Russ.)
5. Panferov R. G., Legotsky V. N. The concept and essence of the administrative process // Law and justice. 2022. No. 7. P. 55–56. (In Russ.)
6. Kaynov V. I. Principles of administrative procedure // Principles of civil, arbitration and administrative proceedings: problems of theory and practice: collection of scientific articles / comp. and editor L. V. Voitovich. St. Petersburg : Center for Scientific and Information Technologies "Asterion", 2021. P. 173–179. (In Russ.)
7. Ilyin A. V. On the issue of the principle of fairness of administrative proceedings // Law. 2019. No. 1. P. 95–101. (In Russ.)
8. Nobel A. R. Concept and content of the principle of immediacy and guarantees of its implementation in proceedings on cases of administrative offenses // Actual problems of Russian law. 2024. Vol. 19. No. 4 (161). P. 11–18. (In Russ.)
9. Nosenko L. I. Reasoning on the implementation of the principle of publicity of legal proceedings in the consideration of administrative cases // Law and state: theory and practice. 2023. No. 9 (225). P. 204–206. (In Russ.)
10. Ilyukhina V. A. Principles of procedural branches of Russian law. Moscow: Poster-M, 2023. 55 p. (In Russ.)
11. Kirillov D. A. Feigned legal phenomena in the system of principles of administrative process // Siberian Legal Review. 2021. Vol. 18. No. 2. P. 175–191. (In Russ.)
12. Belyakovich E. V. Manifestation of temporality in the principles of administrative process // Administrative law and process. 2021. No. 10. P. 25–30. (In Russ.)
13. Agafurov A. R., Guts K. S., Bukvetskiy I. A., Toropov A. E. Administrative process: concept, principles, prospects // Scientific almanac of the Central Black Earth region. 2022. No. 3-10. P. 329–333. (In Russ.)
14. Nobel A. R. The system of procedural principles of proceedings in cases of administrative offenses // Actual problems of Russian law. 2020. Vol. 15. No. 11 (120). P. 153–159. (In Russ.)
15. Veretennikov N. N., Ekhokhina E. S. Principles of equality and adversarial nature of the parties in the consideration of decisions (decisions) in cases of administrative offenses // Eurasian Law Journal. 2018. No. 1 (116). P. 139–141. (In Russ.)

Информация об авторе

Беженцев А. А. – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

Bezhentsev A. A. – Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.08.2024; одобрена после рецензирования 07.11.2024; принята к публикации 28.11.2024.

The article was submitted 17.08.2024; approved after reviewing 07.11.2024; accepted for publication 28.11.2024.

Научная статья

УДК 343.85:[343.34:004](470)

**Андемиркан Борисович Абазов¹, Файрушин
Тимур Аликович²**

¹ *Северо-Кавказский институт повышения
квалификации (филиал) Краснодарского уни-
верситета МВД России, Нальчик, Россия, and-
abazov@mail.ru*

² *Уфимский юридический институт МВД Рос-
сии, Уфа, Россия, fta200483@mail.ru*

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕХАНИЗМОВ БОРЬБЫ С ЦИФРОВЫМ ТЕРРОРИЗМОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В представленной статье проведен анализ эффективности действующих механизмов контртеррористической деятельности в контексте распространения цифрового терроризма в Российской Федерации. Акцентируется внимание на необходимости теоретико-правового осмысления цифрового терроризма как относительно самостоятельной разновидности террористического функционирования. Отмечается наличие определенных сложностей выявления и расследования цифровых деяний террористической направленности. Автор приходит к выводу о необходимости повышения эффективности профилактико-предупредительной деятельности, в том числе ее переориентации на цифровую специфику современных террористических проявлений.

Ключевые слова: терроризм, террористическая идеология, цифровой терроризм, контртеррористическая деятельность, направления борьбы с терроризмом

Для цитирования: Абазов А. Б., Файрушин Т. А. Теоретико-правовое осмысление современных механизмов борьбы с цифровым терроризмом в Российской Федерации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 4 (20). С. 43–50.

Original article

**Andemirkan Borisovich Abazov¹, Fayrushin
Timur Alikovich²**

¹ *North Caucasian Institute for Advanced Studies
(branch) of the Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik,
Russia, and-abazov@mail.ru*

² *Ufa Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Ufa, Russia, fta200483@mail.ru*

THEORETICAL AND LEGAL UNDERSTANDING OF MODERN MECHANISMS OF FIGHTING DIGITAL TERRORISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The presented article analyzes the effectiveness of the existing mechanisms of counter-terrorism activities in the context of the spread of digital terrorism in the Russian Federation. Attention is focused on the need for a theoretical and legal understanding of digital terrorism as a relatively independent type of terrorist functioning. The presence of certain difficulties in identifying and investigating digital acts of a terrorist nature is noted. The author comes to the conclusion about the need to increase the effectiveness of preventive and preventive activities, including its reorientation to the digital specifics of modern terrorist manifestations.

© Абазов А. Б., Файрушин Т. А., 2024

Keywords: terrorism, terrorist ideology, digital terrorism, counter-terrorism activities, areas of the fight against terrorism

For citation: Abazov A. B., Fayrushin T. A. Theoretical and legal understanding of modern mechanisms for combating digital terrorism in the Russian Federation // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 4 (20). P. 43–50. (In Russ.)

Введение

Терроризм является глобальной проблемой современности, и российское государство в данном случае – не исключение в части столкновения с масштабным распространением данного противоправного явления. В современных условиях, когда российское общество переживает множество проблем, связанных с обострением геополитических конфликтов, а также динамичностью совершенствования внутригосударственной политики в различных сферах, серьезную угрозу национальной безопасности и стабильному развитию российского государства представляет распространение террористических проявлений.

По данным МВД России, в 2023 году было зарегистрировано 2382 преступления террористической направленности (+6,7 % к 2022 году). За первое полугодие 2024 года было зарегистрировано 1651 преступления террористического характера (+38,4 %). Представленные данные наглядно демонстрируют растущую угрозу распространения террористических проявлений в России, в связи с чем принципиальное значение приобретает оценка эффективности современных механизмов контртеррористической деятельности в целях их дальнейшего совершенствования.

Важно отметить, что в настоящее время особое внимание уделяется отдельным разновидностям террористической деятельности, что представляется весьма справедливым. В данном контексте актуальным видится теоретико-правовое осмысление цифрового терроризма, поскольку эта разновидность активно формируется и распространяется в современных реалиях, связанных с повсеместными информатизацией и цифровизацией. Информационные и цифровые технологии становятся неотъемлемой частью жизни современного человека,

и если раньше данные нововведения использовались лишь в отдельных профессиональных сферах, то сейчас эти технологии сопровождают решение многих бытовых и повседневных задач. Подобная ситуация, с одной стороны, является закономерным процессом развития цивилизации в условиях внедрения соответствующих технологий, с другой – существенно влияет на динамику совершенствования противоправной практики, и террористическая деятельность в этом случае не является исключением [1, с. 42]. Кроме того, специфика природы и распространения цифрового терроризма в российском обществе объективно обуславливает необходимость совершенствования существующих контртеррористических механизмов в целях повышения их эффективности в условиях развития указанной разновидности террористического функционирования.

Методы

Выбор методов обусловлен целями проводимого исследования. В ходе написания статьи использовались общенаучные (анализ, синтез) и специальные научные методы (сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический и др.) для комплексного рассмотрения современных механизмов борьбы с терроризмом в Российской Федерации и конкретизации отдельных из них применительно к цифровой разновидности указанного преступного явления. Указанные методы с опорой на практику контртеррористической деятельности позволили оценить эффективность применяемых механизмов.

Результаты

Прежде чем перейти к анализу современных контртеррористических механизмов, видится целесообразным конкретизировать отдельные теоретические понятия по заявленной проблематике. В первую оче-

редь отметим, что понятие «цифровой терроризм» не регламентировано российским законодательством, что в целом отражает единую закономерность – правовую конкретизацию понятия «терроризм» на законодательном уровне и отсутствие регулирования специфических черт его разновидностей. В связи с вышеизложенным теоретико-правовое осмысление разновидностей терроризма активно проводится в научной и практической среде. Однако в контексте цифрового терроризма существует иная проблема – наличие множества смежных понятий и отсутствие единого подхода к содержательной характеристике данной разновидности. В рамках заявленной проблематики в качестве синонимов используется множество категорий, например, таких как кибертерроризм, компьютерный терроризм, информационный терроризм и т. д. Несмотря на их определенную схожесть, в том числе в части использования информационных и цифровых технологий, указанные понятия не являются тождественными. Кроме того, они неодинаковы по содержательным характеристикам с цифровым терроризмом.

Из вышеназванных терминов наиболее разработанным представляется «кибертерроризм», который активно используется в зарубежных правовых системах, а также в деятельности современных международных организаций. В настоящее время под кибертерроризмом принято понимать «идеологию насилия, которая воздействует на население путем устрашения, вмешивается в решения и действия органов государственной власти, применяет разнообразные формы насилия в киберпространстве» [2, с. 160]. Кибертерроризм отличается спецификой пространства, в котором совершаются террористические акты, а также объектами посягательства.

С вышеназванным понятием несколько схожа категория компьютерного терроризма, однако она имеет более узкое содержание в части ориентации на компьютерные технологии, программы и др., что далеко не всегда применяется в современном мире. Безусловно, компьютерная инфраструктура и обеспечение ее безопасности на террито-

рии конкретного государства имеет важное значение в настоящее время, однако постепенно информационные технологии уходят именно от привязки к компьютерам и используют потенциалы любых устройств, имеющих доступ в сеть Интернет.

В данном контексте актуализируется понятие «информационный терроризм», который в современной правовой науке определяется как «идеологически обоснованная практика воздействия, устрашающего население, на принятие решения или совершение действия (бездействия) органом власти, органом местного самоуправления, международной организацией, социальной группой, юридическим лицом или физическим лицом в пределах информационного пространства, связанного с использованием информации, информационных технологий и (или) информационных ресурсов» [3, с. 109]. Следовательно, данная разновидность ориентирована непосредственно на информацию и различные ресурсы ее распространения, в рамках которых могут реализовываться террористические цели.

Все вышеназванные понятия тесно взаимосвязаны между собой, поскольку ориентированы на информационные технологии и интернет-пространство, однако от них предлагается отличать такую разновидность, как цифровой терроризм, который также весьма многоаспектно характеризуется в настоящее время. Так, отдельные авторы определяют цифровой терроризм как «кибератаку, использующую или эксплуатирующую компьютерные или коммуникационные сети, чтобы вызвать достаточное разрушение, вызвать страх или запугать общество в соответствии с поставленной идеологической целью» [4, с. 9]. По нашему мнению, данное определение не отражает цифровой специфики анализируемого явления. Цифровой терроризм во многом ориентирован на современные цифровые технологии, которые активно развиваются в современном мире и предоставляют гораздо большие масштабы преступной практики нежели компьютерные технологии.

Специфика цифрового терроризма связана не только с его ориентацией на циф-

ровые технологии и информационное пространство, но и с тем, что высока степень анонимности совершаемых деяний, а также неограничен круг объектов. В данном случае речь идет об объектах материального мира – компьютерная техника, личные гаджеты и др., однако объект посягательства может выступать мировоззрение населения в целом, т. е. распространение террористических идей и взглядов и их укоренение в сознании людей [5, с. 27]. Цифровой терроризм, безусловно, имеет трансграничный характер противоправного формирования и развития, а также ему присуща высокая скорость и существенный масштаб распространения в современном мире.

Цифровой терроризм за счёт специфики природы его развития является наиболее сложной разновидностью анализируемой преступной деятельности, поскольку технологическая составляющая и динамика её совершенствования позволяет преступным сообществам постоянно использовать новые схемы противоправного воздействия. Кроме того, в следственной практике регистрируются подобные деяния крайне редко, что свидетельствует не об их отсутствии, а о высокой степени латентности.

В современных геополитических условиях цифровой терроризм рассматривается также в контексте государственной и международной безопасности. Так, например, цифровой терроризм определяют как «разновидность информационного оружия в гибридно-информационной войне, представляющую собой информационно-психологическое воздействие на человека методами социальной инженерии с целью формирования у него террористического мировоззрения для дальнейшего использования его в совершении террористических актов» [6, с. 209]. Данное определение особенно актуально в контексте обострения геополитического конфликта на постсоветском пространстве и проведения активной антироссийской пропаганды со стороны многих зарубежных государств, что носит в том числе и ярко выраженную террористическую направленность в целях дестабили-

зации российского общества и государства. В указанном контексте рождаются выводы о наличии феномена «ментального терроризма», который формируется на фоне цифровизации общества [7, с. 51].

Говоря о противодействии цифровому терроризму, отметим, что в данном контексте контртеррористическая деятельность традиционно ориентирована на два основных направления:

выявление и расследование преступных деяний, а также назначение соразмерных и справедливых наказаний для виновных лиц;

профилактико-предупредительное воздействие в целях минимизации негативного воздействия террористической идеологии на российское население.

Оба вышеназванных направления имеют важнейшее практическое значение, однако в рамках каждого из них в настоящее время имеются существенные проблемы.

Анализируя современное состояние практики выявления и расследования преступных деяний террористической направленности следует отметить, что данное функционирование является высоко эффективным. В настоящее время многие факты террористических проявлений успешно выявляются еще на этапе подготовки, что позволяет существенно минимизировать масштабы их негативных последствий. Однако в случае с цифровым терроризмом проблемы его выявления и расследования по-прежнему связаны с технической оснащенностью и доступом различных специализированных программ для компетентных подразделений. Учитывая трансграничный характер цифровых террористических деяний, а также отсутствие возможности получения доступа к различным информационным ресурсам, находящимся в юрисдикциях других государств [8, с. 200], сложности расследования подобных преступлений будут сохраняться, однако в данном контексте значительно повышается роль профилактико-предупредительного воздействия, за счет которого можно эффективно нивелировать потенциальное преступное влияние. В рамках данного направления контртеррористи-

ческой деятельности также актуально рассматривать необходимость формирования оперативной реакции со стороны населения на факты цифрового терроризма, что имеет существенное информационное значение для компетентных органов.

Опережающее воздействие эффективно в большей степени в ситуациях, когда профилактико-предупредительная работа направлена на борьбу с распространением идеологии терроризма, поскольку внутренние установки индивидов, изменяемые в контексте противоправных взглядов, становятся не только основой преступного поведения террористической направленности, но и предполагает в целом одобрение и принятие идей насильственных способов решения различных конфликтов, что в целом способствует развитию преступности на территории российского государства. В то время как терроризм в настоящее время активно используется в целях дестабилизации конкретных территорий, наращивания степени социальной напряженности и обеспечения конкретных политических решений, люди, которые непосредственно вовлекаются в данное противоправное функционирование преследуют свои собственные цели, которые организаторы вышеназванной деятельности умело маскируют под общественные интересы [9, с. 71]. Путём беспрецедентной информационной антироссийской кампании, развернутой при участии западного разведсообщества, предпринимаются попытки создания очагов социальной напряжённости, формирования конфликтных ситуаций в российском обществе. Увеличилась вербовочная активность иностранных спецслужб по вовлечению российских граждан, в первую очередь молодёжи, в террористическую деятельность [10, с. 440].

Утопичным представляется организация такого общественного взаимодействия, при котором в социуме и у индивидов не возникает никаких существенных проблем, поскольку подобное состояние совершенно неестественно. Кроме того, несмотря на эффективную борьбу со стороны государства с выявлением и пресечением деятельности

террористических организаций, следует предположить, что данные преступные сообщества будут сохранять свое функционирование в различных формах. В связи с этим особое практическое значение приобретает развитие правосознания и мировосприятия российского населения в целях формирования устойчивой неприязни к идеям и взглядам террористической направленности [11, с. 119].

В рамках представленного исследования видится необходимым подчеркнуть, что с момента начала специальной военной операции в Донбассе наблюдаются существенные изменения в формах и способах распространения террористической идеологии. В настоящее время данная деятельность организовывается уже не только непосредственно преступными сообществами, но и поддерживается отдельными государствами и их спецслужбами, что значительно расширяет ресурсный потенциал противоправного воздействия. На практике встречаются попытки массовой вербовки представителей российского населения, склонения их к совершению террористических актов, диверсий, саботажа и т. п. [12, с. 97].

Несмотря на то, что специальная военная операция носит конкретные цели обеспечения государственной безопасности России и защиты прав и законных интересов российских граждан и выступает результатом множественных нарушений ранее заключенных международных соглашений, в российском обществе за счет социальной напряженности создается благодатная почва для формирования и развития террористических взглядов. В условиях возникновения социально-экономических сложностей индивидам свойственно обосновывать свои проблемы через призму неэффективности государственной деятельности, что в совокупности с успешной и масштабной антироссийской пропагандой позволяет вовлекать в террористическую деятельность достаточно большое количество людей [13, с. 210]. Особую актуальность в данном контексте приобретает именно ресурсное содействие террористическим группам, что

может осуществляться в том числе на основе поддержания их идей и взглядов.

Говоря о ресурсном поддержании террористов, акцентируем внимание на вопросах борьбы с их финансированием. В настоящее время широко распространены ситуации, когда в интернет-пространстве отдельные индивиды, а также целые организации осуществляют сбор денежных средств на различные нужды, под которыми на самом деле скрывается террористическое функционирование [14, с. 321]. Другие люди сами того не осознавая направляют средства на развитие террористических формирований. В данном контексте значительно повышается актуальность развития не только правосознания населения, но и уровня цифровой грамотности, что напрямую связано с умением работать с различными информационными ресурсами и распознавать подозрительные. Несмотря на то, что в настоящее время в России постепенно формируются определенные стандарты применения цифровых технологий, в том числе хозяйствующими субъектами и органами власти, частные лица, как правило, не обладают даже минимальными компетенциями в данной сфере [15, с. 48].

В контексте борьбы с терроризмом достаточно часто упоминается правовое просвещение и правовое воспитание, которые, безусловно, актуальны, но в отношении цифрового терроризма должны иметь технологическую отсылку. В данном случае принципиальное значение приобретает информирование населения о современных средствах и способах совершения террористических деяний в цифровых форматах,

схемах вовлечения населения в подобную противоправную деятельность. Особенно актуальна данная информация для представителей молодежи, поскольку, с одной стороны, они в большей степени используют различные цифровые технологии, с другой – данная категория населения наиболее интересна представителям преступных сообществ в части возможности управления их сознанием и поведением.

Заключение

Таким образом, в настоящее время существует острая необходимость теоретико-правового осмысления цифрового терроризма как относительно самостоятельной разновидности террористического функционирования. Специфика данного явления порождает не только особенности его формирования и развития, но и отдельные традиционные средства и методы контртеррористической деятельности будут далеко не всегда эффективны по отношению к цифровому терроризму.

На основе проведенного исследования следует сделать вывод о том, что сейчас наиболее эффективным направлением контртеррористической деятельности представляется выявление и расследование преступлений, однако в случае с цифровым терроризмом функционирование компетентных органов также сталкивается с рядом сложностей, в том числе технического и юрисдикционного характера. В связи с этим значительно повышается актуальность профилактико-предупредительного воздействия, которое должно быть ориентировано не только на идеологическую составляющую терроризма, но и на специфику цифровых его проявлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Боков Д. К. Цифровая инфраструктура терроризма: стратегия уголовно-правового противодействия // *Lex Russica (Русский закон)*. 2024. Т. 77. № 7 (212). С. 39–48.
2. Тамбиев С. А., Кочесокова З. Х. Международный опыт противодействия кибертерроризму // *Право и управление*. 2023. № 2. С. 160–164.
3. Саунина Е. В, Бажина И. Д. Международный опыт правового регулирования противодействия информационному терроризму // *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*. 2022. № 1. С. 108–115.

4. Абазов К. М. Проблема использования современных информационно-коммуникационных технологий международными террористическими организациями // Вопросы безопасности. 2018. № 3. С. 1–9.
5. Даллакян К. А. Трансформация терроризма в информационно-цифровом обществе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 25–30.
6. Стародубцева М. А. Цифровой терроризм: проблема юридического обоснования политологического термина // Государство и право в эпоху глобальных перемен : материалы международной научно-практической конференции / под редакцией Д. Л. Проказина. Барнаул : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2022. С. 208–209.
7. Савушкина М. А. Ментальный терроризм как метод ведения гибридной войны в цифровом обществе // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 7 (489). С. 48–54.
8. Кочесокова З. Х. Сравнительный анализ российского и международного законодательного регулирования кибертеррористических преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 4. С. 198–202.
9. Силенков В. И. К вопросу об онтологическом контексте осмысления терроризма // Профессиональное юридическое образование и наука. 2023. № 2 (10). С. 70–72.
10. Тарчоков Б. А. Развитие экстремистских и террористических преступлений, совершаемых при помощи цифровых технологий // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7 (182). С. 439–440.
11. Кряжев В. С. К вопросу о необходимости комплексного подхода к исследованию терроризма и экстремизма для целей обеспечения национальной безопасности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 3 (41). С. 118–125.
12. Розенко С. В. Цифровые технологии как средство развития террористической идеологии в Российской Федерации: проблемы противодействия и наказуемости // OeconomiaetJus. 2023. № 3. С. 94–99.
13. Коркмазов А. В. Современные тенденции цифрового экстремизма и терроризма // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 4. С. 208–212.
14. Ахьядов Э. С.-М., Дадашов М. М., Маказиева З. Д. Преступления террористической направленности в эпоху цифровизации // Аграрное и земельное право. 2024. № 5 (233). С. 319–321.
15. Рожкова А. Ю. Профилактика «цифрового терроризма»: правовой аспект // Профессиональное юридическое образование и наука. 2024. № 3 (15). С. 47–52.

REFERENCES

1. Bokov D.K. Digital infrastructure of terrorism: strategy of criminal-legal counteraction // Lex Russica (Russian law). 2024. Vol. 77. No. 7 (212). P. 39–48. (In Russ.)
2. Tambiev S. A., Kochesokova Z. Kh. International experience of counteracting cyberterrorism // Law and Management. 2023. No. 2. P. 160–164. (In Russ.)
3. Saunina E. V, Bazhina I. D. International experience of legal regulation of counteracting information terrorism // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2022. No. 1. P. 108–115. (In Russ.)
4. Abazov K. M. The problem of using modern information and communication technologies by international terrorist organizations // Security Issues. 2018. No. 3. P. 1–9. (In Russ.)
5. Dallakyan K. A. Transformation of terrorism in the information and digital society // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 25–30. (In Russ.)
6. Starodubtseva M. A. Digital terrorism: the problem of legal justification of a political science term // State and law in the era of global changes: materials of the international scientific and practical conference / edited by D. L. Prokazin. Barnaul: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation», 2022. P. 208–209. (In Russ.)
7. Savushkina M. A. Mental terrorism as a method of waging a hybrid war in a digital society // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2024. No. 7 (489). P. 48–54. (In Russ.)
8. Kochesokova Z. Kh. Comparative analysis of Russian and international legislative regulation of cyberterrorist crimes // Gaps in Russian legislation. 2023. Vol. 16. No. 4. P. 198–202. (In Russ.)
9. Silenkov V. I. On the issue of the ontological context of understanding terrorism // Professional legal education and science. 2023. No. 2 (10). P. 70–72. (In Russ.)

10. Tarchokov B. A. Development of extremist and terrorist crimes committed with the help of digital technologies // Eurasian Law Journal. 2023. No. 7 (182). P. 439–440. (In Russ.)
11. Kryazhev V. S. On the Need for an Integrated Approach to the Study of Terrorism and Extremism for the Purposes of Ensuring National Security // Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings. 2023. No. 3 (41). P. 118–125. (In Russ.)
12. Rozenko S. V. Digital Technologies as a Means of Developing Terrorist Ideology in the Russian Federation: Problems of Counteraction and Punishability // OeconomiaetJus. 2023. No. 3. P. 94–99. (In Russ.)
13. Korkmazov A. V. Modern Trends of Digital Extremism and Terrorism // Gaps in Russian Legislation. 2023. Vol. 16. No. 4. P. 208–212. (In Russ.)
14. Akhyadov E. S.-M., Dadashov M. M., Makazieva Z. D. Terrorist-related crimes in the era of digitalization // Agrarian and land law. 2024. No. 5 (233). P. 319–321. (In Russ.)
15. Rozhkova A. Yu. Prevention of «digital terrorism»: legal aspect // Professional legal education and science. 2024. No. 3 (15). P. 47–52. (In Russ.)

Информация об авторах:

Абазов А. Б. – кандидат юридических наук;
Файрушин Т. А. – без ученой степени.

Information about the authors:

Abazov A. B. – Candidate of Law;
Fayrushin T. A. – no academic degree.

Статья поступила в редакцию 05.10.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 28.11.2024.

The article was submitted 05.10.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 28.11.2024.

Научная статья
УДК 343.156.7(470)

Светлана Анатольевна Вецкая
*Краснодарский университет МВД России,
Краснодар, Россия, Lisizai@mail.ru*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЖАЛОВАНИЯ ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. Статья посвящена теме необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел в Российской Федерации. В частности, рассматриваются вопросы, связанные с основаниями возбуждения уголовного дела, так и его отказа. Материальную базу статьи составили труды ученых, юристов-правоведов в интересующей области исследования. Использовались общенаучные методы (описание, анализ, синтез, индукция), частнонаучные методы познания правовых явлений (метод анализа нормативных правовых текстов). В статье раскрываются различные аспекты, анализ существующей практики принятия решений о возбуждении уголовных дел, выявление критериев, приводящих к отказам, включая причины отказа, статистические данные, влияние на потерпевших и общество. Обжалование отказа в возбуждении уголовного дела может быть затруднено сложными процессуальными требованиями. Эти требования могут включать определенные сроки подачи жалоб, необходимость подготовки дополнительных доказательств, являются важной частью системы уголовного правосудия и служат защитой граждан.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела, стадия возбуждения уголовного дела

Для цитирования: Вецкая С. А. Актуальные проблемы обжалования отказа в возбуждении уголовного дела // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 4 (20). С. 51–60.

Original article

Svetlana A. Vetskaya
*Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, Lisizai@
mail.ru*

CURRENT PROBLEMS OF APPEALING A REFUSAL TO INITIATE A CRIMINAL CASE

Abstract. The article is devoted to the topic of unjustified refusals to initiate criminal cases in the Russian Federation. In particular, it considers the issues related to the grounds for initiating a criminal case and its refusal. The material base of the article was made up of studies by scientists, legal experts in this field of research. General scientific methods (description, analysis, synthesis, induction), specific scientific methods of cognition of legal phenomena (method of analysis of normative legal texts) were used. The article reveals various aspects, analyzes the existing practice of making decisions on the initiation of criminal cases, identifies the criteria leading to refusals, including the reasons for refusal, statistical data, and the impact on victims and society. Appealing a refusal to initiate a criminal case can be complicated by complex procedural requirements. These requirements may include certain deadlines for filing complaints, the need to prepare additional evidence and are an important part of the criminal justice system and serve to protect citizens.

Keywords: initiation of a criminal case, refusal to initiate a criminal case, stage of initiation of a criminal case

For citation: Vetskaya S. A. Current problems of appealing a refusal to initiate a criminal case // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 4 (20). P. 51–60. (In Russ.)

© Вецкая С. А., 2024

Введение

Институт возбуждения уголовного дела является ключевым элементом уголовного процесса, который служит начальной стадией в системе уголовного правосудия. Он включает в себя правила и процедуры, определяющие порядок и основания для начала уголовного преследования, и регулируется как уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, так и международными стандартами. Системное применение норм и источников законодательства обеспечивает правомерность и справедливость в процессе возбуждения уголовного дела.

Обзор литературы

Правовому анализу института возбуждения уголовного дела, а равно как и отказу в возбуждении уголовного дела, посвящено множество трудов ученых, процессуалистов, исследователей, что свидетельствует об актуальности избранной темы исследования (А. В. Соболев, Ф. Ю. Васильев, В. С. Калашников, В. В. Кожокарь и др.) [1; 2; 3; 4].

Применительно к ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) субъекты, имеющие право принять заявление (сообщение) о противоправном действии в пределах компетенции, установленной УПК РФ, в срок не позднее 3 суток со дня его поступления обязаны принять соответствующее решение¹. Однако согласно ч. 3 ст. 144 УПК РФ, законом предусмотрены и иные сроки рассмотрения сообщения о преступлении. Так, для продления (до 10 либо 30 суток) сроков проверки следственные органы должны обосновать свои действия, например, для получения дополнительной информации, связанной с появлением новых обстоятельств, либо необходимостью назначения проведения экспертиз.

В случае установления в заявлении о возбуждении уголовного дела или полученном сообщении признаков преступления, а также при отсутствии правовых оснований для отказа в возбуждении уголовного дела

они обязаны принять соответствующее процессуальное решение [5; 6; 7]. Причем по смыслу закона граждане также имеют право получать информацию и о результатах проверки своего сообщения, включая данные о том, было ли возбуждено уголовное дело или в его возбуждении отказано.

Уголовно-процессуальный закон не дает буквального толкования понятия «возбуждение уголовного дела», но предусматривает его понимание в нескольких значениях: 1) как отдельную самостоятельную стадию уголовного процесса, на которой принимается решение о начале уголовного преследования в связи с наличием признаков преступления; 2) как уголовно-процессуальный акт, с принятием которого начинается производство предварительного расследования; 3) как уголовно-процессуальную деятельность уполномоченных правоохранительных органов и должностных лиц [8; 9].

Вышеизложенное дает основания выделить основные признаки самостоятельности стадии уголовного процесса:

1. Отдельность процедур (доследственная проверка). На этой стадии возбуждения уголовного дела реализуются специфические процедуры, включая рассмотрение заявлений о преступлении, проведение первоначальной проверки и принятие решения о начале уголовного преследования [10; 11]. Эти действия отличаются от последующих стадий уголовного процесса.

2. Принятие решения. На данном этапе принимается ключевое решение о том, будет возбуждено уголовное дело или нет. Это решение критически важно, так как от него зависит возможность дальнейшего расследования. Так, для возбуждения уголовного дела необходимо установить не только факты, но и наличие признаков состава преступления, указанные в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ).

3. Заключение оснований для возбуждения уголовного дела. Здесь производится анализ наличия достаточных оснований, та-

¹ Рыжаков А. П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Справ.-правовая система «ГАРАНТ», 2010.

ких как наличие признаков преступления и достаточных доказательств. Это важно для обеспечения законности и обоснованности действий правоохранительных органов.

4. Защита прав граждан. С этой стадии принимается во внимание необходимость защиты прав и законных интересов граждан, которые могут быть затронуты в процессе уголовного преследования.

Несмотря на ряд вышеперечисленных признаков стадий уголовного процесса, которые помогают определить дальнейшую перспективу по делу, на практике допускаются определенные проблемы при решении вопроса о том, является ли рассматриваемое событие преступлением, либо имеются обстоятельства, препятствующих возбуждению уголовного дела. Поэтому вполне закономерно, что надлежащее функционирование процессуальных гарантий законности при возбуждении уголовного дела и устранении случаев необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела определено ст.ст. 145–148 УПК РФ.

Материалы и методы

Факты нарушений законодательства в сфере законности при вынесении постановлений о возбуждении, отказе или передаче по подследственности уголовного дела подтверждается обзором Следственного департамента МВД России по состоянию работы на предмет соблюдения органами предварительного следствия законности принятия процессуальных решений на стадии возбуждения уголовного дела за 2021–2022 годы.

Так, в условиях снижения нагрузки на следователей органов внутренних дел Российской Федерации по рассмотренным сообщениям о преступлениях (– 1,5 %; с 1465 668 до 144 309) сокращено количество (– 3,4 %; с 982 006 до 946 709) и удельный вес (с 67 % до 65 %) процессуальных проверок, по которым приняты решения о возбуждении уголовного дела¹.

Вместе с тем продолжает оставаться значительным число рассмотренных следо-

вателями материалов, не содержащих признаки состава преступления, с вынесением постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела (39,3 % или 94 907), из которых наибольшее количество принято по преступлениям против собственности. Наряду с этим позволим себе отметить, что постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела не всегда свидетельствует о его неграмотности. Принятие такого решения – это результат анализа конкретных обстоятельств дела за короткий промежуток времени с возможностью установления очевидных фактов наличия или отсутствия признаков состава преступления, а также достаточностью собранных доказательств. Однако потерпевший или другие заинтересованные лица часто обжалуют данные решения, на что имеют полное законное право. Бесспорно, права лиц, участвующих на досудебной стадии, должны быть защищены не только при возбуждении уголовного дела, но и в большей мере при отказе в его возбуждении [12; 13].

Отметим, решение следователя (дознателя) отказать в возбуждении уголовного дела формируется по результатам оперативного сбора процессуальной (осмотр места происшествия, назначение исследований, проведение ревизий, документальных проверок и т. д.), непроцессуальной (получение объяснений, опрос, наведение справок и т. д.) информации.

Перечень оснований, по которым уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению, закреплен в ст. 24 УПК РФ. Решение об отказе в возбуждении уголовного дела – это процессуальный акт, который принимается органами предварительного расследования в ответ на заявление о совершении преступления или по результатам проверки информации о преступлении, содержит определенные реквизиты, включая дату, данные об отказе в возбуждении уголовного дела, а также описание обстоя-

¹ Статистические данные по итогам работы за 2022 год // Обзор Следственного департамента МВД России от 29.07.2022 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 05.11.2024).

тельств, на основании которых было принято решение. Это решение имеет юридически значимые последствия и должно основываться на определенных основаниях.

Необходимо выделить ключевые моменты, касающиеся правомерного отказа от возбуждения уголовного дела:

1. Наличие обстоятельств, допускающих прекращение уголовного дела на различных этапах уголовного судопроизводства:

– отсутствие события преступления: если факты, указанные в заявлении, не подтверждаются или в них отсутствует состав преступления, например, имело место общественно опасное деяние, однако за его совершение лицо не может подлежать уголовной ответственности; либо деяние содержит признаки правонарушения, но не соответствует уголовно-правовым нормам. Отказ в возбуждении уголовного дела допускается лишь в отношении конкретного лица. Разновидностями проявления указанного основания на практике являются: отсутствие обязательного признака субъекта преступления (недостижение возраста привлечения к уголовной ответственности); отсутствие общественно опасного деяния (малозначительность деяния, добровольный отказ от доведения преступления до конца) [7];

– нарушение ведомственной подследственности при производстве предварительного расследования в отношении действий лиц, обладающих особым статусом;

– истечение сроков давности, если время, в течение которого возможно возбуждение уголовного дела, истекло в соответствии с нормами уголовного права. Срок давности привлечения лица к уголовной ответственности начинает исчисляться со дня совершения уголовного правонарушения и заканчивается до дня вступления обвинительного приговора в законную силу;

– наличие других оснований, например, если лицо, против которого подано заявление, освобождено от уголовной ответственности.

2. Процессуальный порядок:

– письменная форма решения об отказе в возбуждении уголовного дела должна со-

держать мотивировки, объясняющие причины отказа. Неисполнение требования о незамедлительном уведомлении лица об отказе в возбуждении уголовного дела может причинить ущерб конституционным правам заявителя (потерпевшего), что само по себе является предметом прокурорского надзора, судебного контроля;

– лицо, подавшее заявление, должно быть не только информировано о принятом решении, но и одновременно уведомлено об ответственности за заведомо ложный донос, предусмотренный ст. 306 УК РФ.

Не позднее 24 часов заявителю и прокурору направляется копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Очевидно, что вынесение такого решения возможно лишь при условии законности, обоснованности, гарантом которых является сбор необходимых доказательств в ходе первоначальной проверки.

Позволим повторить, что несмотря на то, что следственные органы обязаны обеспечивать правомерность и целесообразность своего решения об отказе в возбуждении уголовного дела достоверными и окончательными выводами, уголовно-процессуальный закон закрепляет право обжаловать данное решение в вышестоящий орган, например, следственные органы или прокуратуру, суд с последующей проверкой информации, касающейся заявленных данных о факте преступления. При этом возможность подачи жалобы на отказ в возбуждении уголовного дела каким-либо сроком не ограничена.

В настоящее время сохраняют актуальность вопросы обжалования решений, связанных с отказом в возбуждении уголовного дела, чему есть подтверждения. Зачастую такие решения вызывают недовольство у граждан, которые своими действиями инициируют продолжение правовой защиты, тем самым реализуя свои права и законные интересы как физических, так и юридических лиц. В качестве примера приведем основные результаты прокурорской деятельности за 2022–2023 годы. Так, в 2022 году было возбуждено 7889 уголовных дел по результатам

отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, в 2023 году – 9138, т. е. в рамках надзора за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства показатели улучшились на 15,8 %¹.

Обжалование таких решений, как правило, осуществляется в определенные сроки и по установленным процедурам в зависимости от юрисдикции, возможно, подать жалобу на отказ либо в вышестоящий орган, либо в суд. Кроме того, важно учитывать изменения и тенденции в уголовном процессе, которые могут возникать в связи с реформами законодательства, в том числе в части прав граждан, их обязанностей и порядка обжалования таких решений. Данная тема активно обсуждается в юридической среде и является предметом исследований и практического интереса [5, с. 292–297; 6, с. 97–98].

Подача жалобы возможна и в случае, когда лицо считает, что его права и законные интересы были нарушены в ходе расследования уголовного дела, и решение по обжалованию принимает соответствующий судебный орган. Одновременно данное лицо приобретает право ознакомления с материалами проверки по сообщению, которое производится по письменному заявлению лица на имя начальника данного правоохранительного органа (отдела полиции, отдела судебных приставов, территориального подразделения Следственного комитета Российской Федерации). Цель таких ознакомительных действий в удостоверении, что проверка проведена полно, приобщены все необходимые объяснения, документы, справки и т. д. Выводы в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела должны соответствовать собранным материалам (справкам, объяснениям, документам). В случае если выводы не соответствуют собранным материалам проверки, то это может явиться основанием для обжалования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Если жалоба будет удовлетворена, то уголовное дело не будет возбуждено автоматически. После отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела проверка по заявлению о преступлении будет проведена снова, а по результатам проверки будет вынесено новое процессуальное решение – постановление о возбуждении уголовного дела или же вновь постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Проблема возникает, когда возбуждение уголовного дела является ошибочным или необоснованным. В таких случаях обжалование решения о возбуждении дела становится неотъемлемым правом гражданина.

Неминуемо возникает вопрос: как гражданин без юридического образования может понять, что факт возбуждения уголовного дела является ошибочным или необоснованным? Гражданин (в будущем – потерпевший) после подачи заявления о совершенном или готовящемся преступлении будет незамедлительно уведомлен о принятии и регистрации его заявления. Данный факт будет подтвержден наличием талона-уведомления у заявителя, который выдается оперативным дежурным ОВД. Талон-уведомление должен содержать подписи, подтверждающие факт получения, полноту заполнения и соответствия заявленной информации. Подозреваемое лицо будет уведомлено о возбуждении уголовного дела в отношении него лишь при его установлении, задержании. В случае же неисполнения данного требования причиняется ущерб конституционным правам подозреваемого, что само по себе является предметом судебного контроля по данному вопросу.

Несмотря на то, что судебная практика по обжалованию возбуждения уголовных дел разнообразна и постоянно развивается, по каждому обращению суд вправе оценить наличие оснований для возбуждения уголов-

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь 2023 г. // Генеральная Прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/grpf/activity/statistics/office/result?item=85612220> (дата обращения: 05.11.2024).

ного дела только после исследования всех материалов проверки. При этом суд в ходе исследования материалов проверки с целью установления законности и обоснованности такого решения истребует все материалы проведенной проверки.

Несмотря на требования об исполнении всех организационно-практических мероприятий по соблюдению органами предварительного следствия законности принятия процессуальных решений на стадии возбуждения уголовного дела, в том числе по материалам, по которым вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, по-прежнему не уделяется должного внимания указанному направлению деятельности. В частности, признана негативной практика рассмотрения сообщений, не содержащих признаки состава преступления, должностными лицами, осуществляющими предварительное расследование, что влечет нерациональное использование рабочего времени, различные нарушения ведомственных нормативных правовых актов и требований УПК РФ, чаще выраженные в нарушении закона при проведении следственной проверки (срок следственной проверки необоснованно увеличивается свыше трех суток).

Приведем несколько примеров: «...при явном отсутствии события преступления, предусмотренного ст. 267 УК РФ, проведена процессуальная проверка по факту столкновения локомотива с крупнорогатым скотом, выпас которого производился бесконтрольно. В результате принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 267 УК РФ в связи с отсутствием состава преступления»; «...гр-н Х. был задержан, а в дальнейшем стал подозреваемым в незаконном хранении одной банки с порохом, весом 23 грамм...». Таким образом, не дана оценка законности возбуждения уголовного дела

при очевидных признаках малозначительности деяния¹.

С учетом изложенного приведем пример, демонстрирующий факт незаконного принятия решения о возбуждении уголовного дела по факту хищения автомобиля, когда владелец «угнанного» автомобиля обратился с заявлением в орган дознания по месту жительства. По результатам следственной проверки в порядке ст. ст. 144, 145 УПК РФ в отношении гр-на В. вынесено постановление о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ.

Однако по результатам проверки со стороны органов прокуратуры факта законности принятого решения по заявлению о преступлении было вынесено решение об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, поскольку материалы проверки не содержали достаточных данных, подтверждающих наличие признаков состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ. Из материалов проверки следует, что «непосредственные действия, направленные на неправомерное завладение автомобилем, совершенные гр-ном В., выражались в запуске им двигателя автомобиля и движении на нем 950 метров, после чего двигатель автомобиля гр-н В. заглушил, данное транспортное средство оставил на месте, на котором и был обнаружен позднее. По материалам проверки подтвержден лишь факт неправомерного запуска двигателя автомобиля указанным гражданином без умысла на его неправомерное завладение, более того, со слов гр-на В., автомобиль он собирался вернуть собственнику обратно.

Для уточнения данной позиции, обратимся к судебной практике², где дано четкое разъяснение того, что под неправомерным завладением чужим автомобилем и поездкой

¹ Об эффективности реализованных мер по исполнению пункта 6.4 Плана основных организационных мероприятий МВД России на 2023 год // Следственный департамент.

² О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на нем без цели хищения (угона) понимается завладение чужим автомобилем и поездка на нем без намерения присвоить его целиком или по частям. Угон является окончательным преступлением с момента начала движения транспортного средства либо перемещения его с места, на котором оно находилось.

В связи с тем, что иных сведений, подтверждающих совершение преступления гр-ном В. в материалах не имелось, было принято решение от отмене постановления о возбуждении уголовного дела.

Данная негативная практика рассмотрения сообщений о преступлениях влечет нерациональное использование рабочего времени следователей и нарушает принцип «процессуальной экономии», поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 145 УПК РФ решение об отказе в возбуждении уголовного дела может быть принято следователем только по результатам рассмотрения сообщения о преступлении.

Сложившееся положение дел обусловлено, с одной стороны, прямым неисполнением положений УПК РФ, а также ведомственных приказов МВД России [3], регламентирующих порядок реагирования на сообщения о преступлениях, с другой – применением правил предметной подследственности на этапе проведения процессуальной проверки.

Данная позиция подтверждается и результатами служебных проверок сотрудниками Следственного департамента МВД России территориальных органов предварительного следствия, в результате чего констатированы факты ненадлежащего выполнения оперативными дежурными обязанностей, связанных с необоснованным направлением дежурных следственно-оперативных групп на места происшествия по сообщениям, не содержащим сведений о признаках преступления (например, по фактам обнаружения трупов по месту жительства или в медицинских учреждениях без признаков насильственной смерти. В указанном примере к фактам отсутствия признаков насильственной смерти будут относиться очевидные обстоятельства: результаты длитель-

ной хронической болезни, подтвержденной документами медицинских учреждений; по старости; отсутствие на кожных покровах ссадин, кровоподтеков, ушибов, переломов, если иное не подтверждается медицинской справкой).

Обсуждение и заключение

1. Анализ судебной практики позволил выделить наиболее распространенные факты по обжалованию при отказе в возбуждении уголовного дела:

– невыполнение требований ч. 1 ст. 148 УПК РФ о том, что отказ в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления допускается лишь в отношении конкретного лица;

– нарушение требований ч. 1.1 ст. 148 УПК РФ о том, что отказ в возбуждении уголовного дела по материалу, поступившему от прокурора в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, допускается только с согласия руководителя следственного органа;

– отсутствие, вопреки ч. 2 ст. 148 УПК РФ, оценки действий заявителя на предмет совершения преступления по ст. 306 УК РФ;

– принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела за истечением срока давности без согласия лица, в отношении которого проводилась доследственная проверка;

– отказ в возбуждении уголовного дела за смертью лица, в отношении которого усматриваются признаки преступления, без согласия его родственников [14; 15];

– вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела до завершения назначенного в ходе проверки исследования судебной экспертизы.

В соответствии с вышеизложенной практикой по отказу в возбуждении уголовного дела отметим, что она может быть полезна для понимания правомерности действий органов предварительного расследования и применения норм уголовно-процессуального законодательства.

2. Автор делает выводы о том, что судебная практика в отношении отказов в возбуждении уголовного дела разнообразна и зави-

сит от конкретных обстоятельств каждого дела. Важно, чтобы действия следственных органов основывались на законных основаниях, а права потерпевших были должным образом защищены. Правомерный отказ в возбуждении уголовного дела является частью правового механизма и должен корректно применяться в практической деятельности.

3. Как уже говорилось, практика судебная и органов предварительного расследования в вопросах порядка обжалования возбуждения уголовного дела определяется уголовно-процессуальным законодательством и предусматривает соблюдение определенных сроков (в течение 10 дней со дня ознакомления) и правил, подачи жалобы на рассматриваемые процессуальные решения. В тех случаях, когда суд удовлетворяет жа-

лобу и решение о возбуждении уголовного дела отменяется или изменяется в части, то уголовное дело подлежит прекращению либо может быть направлено на дополнительное расследование.

4. В завершение рассуждения об аспектах, возникающих при обжаловании отказа в возбуждении уголовного дела и возникающих при этом действий, связанных с соблюдением процессуальных средств защиты прав и законных интересов заявителя, предлагаем дополнить ч. 4 ст. 148 УПК РФ словами: «...направляется заявителю, пострадавшему и прокурору». Представляется, что в случае отказа в возбуждении уголовного дела право на получение копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела должно распространяться не столько на заявителя, сколько на пострадавшего.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соболев А. В. Процессуальные последствия истечения сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 214 с.
2. Васильев Ф. Ю. Институт отказа в возбуждении уголовного дела. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. 136 с.
3. Калашников В. С. Правовые последствия отказа в возбуждении уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 201 с.
4. Кожокар В. В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики // Публичное и частное право. 2019. № 3 (43). С. 171–193.
5. Абдулмеджидова Д. Х. Отказ в возбуждении уголовного дела: процессуальные и этические аспекты // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72). № 1. С. 292–297.
6. Бегова Д. Я., Мусаева П. М. Некоторые аспекты отказа в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности // Закон и право. 2021. № 2. С. 97–98.
7. Мельников А. В. Правовой статус субъектов принятия процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2021. 247 с.
8. Акперов Р. С. Возбуждение уголовного дела в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 217 с.
9. Абдул-Кадыров Ш. М. Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением законов в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 195 с.
10. Ловыгина А. А. Процессуальный порядок обжалования постановления о возбуждении уголовного дела и постановления об отказе в возбуждении уголовного дела // Юридический факт. 2020. № 116. С. 64–66.
11. Князьков А. А. Обжалование постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (ст. 125 УПК РФ): обеспечение доступности правосудия и тенденции правоприменения // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами : сборник трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в рамках III Саратовского юридического форума «Законотворческая политика и правоприменение в современной России». Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2023. С. 342–348.

12. Костромин А. А. Некоторые вопросы досудебного производства по уголовному делу в решениях Конституционного Суда РФ // Юридический факт. 2022. № 171. С. 19–22.
13. Рогова А. А. Судебный порядок обжалования процессуальных решений о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела: проблемы теории и практики // Правосудие в современном мире (к X Всероссийскому съезду судей) : сборник материалов Всероссийской межведомственной научно-практической конференции / под редакцией В. И. Поправко, Ю. В. Журавлевой, Р. В. Ярцева. Часть 2. Н. Новгород : ООО «Издательство "Автор"», 2022. С. 224–230.
14. Цветков Ю. А. Ошибки следствия и проблемы на стадии возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс. 2023. № 10 (226). С. 60–69.
15. Арзумян А. А., Матинов С. Г., Позднышов А. Н. Особенности нормы положения об отказе в возбуждении уголовного дела // Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности : материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2021. С. 103–108.

REFERENCES

1. Sobolev A. V. Procedural consequences of the expiration of the limitation period for bringing a person to criminal liability: dis. ... Cand. of Law. M., 2016. 214 p. (In Russ.)
2. Vasiliev F. Yu. Institution of refusal to initiate a criminal case. St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 136 p. (In Russ.)
3. Kalashnikov V. S. Legal consequences of refusal to initiate a criminal case : dis. ... Cand. of Law. Yekaterinburg, 2010. 201 p. (In Russ.)
4. Kozhokar V. V. Initiation of a criminal case: issues of theory and practice // Public and private law. 2019. No. 3 (43). P. 171–193. (In Russ.)
5. Abdulmedzhidova D. Kh. Refusal to initiate a criminal case: procedural and ethical aspects // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences. 2020. Vol. 6 (72). No. 1. P. 292–297. (In Russ.)
6. Begova D. Ya., Musaeva P. M. Some aspects of refusal to initiate a criminal case due to the expiration of the statute of limitations // Law and Right. 2021. No. 2. P. 97–98. (In Russ.)
7. Melnikov A. V. Legal status of subjects of making a procedural decision to refuse to initiate a criminal case : dis. ... Cand. of Law. M., 2021. 247 p. (In Russ.)
8. Akperov R. S. Initiation of a criminal case in the criminal procedural law of the Russian Federation : dis. ... Cand. of Law. M., 2010. 217 p. (In Russ.)
9. Abdul-Kadyrov Sh. M. Implementation by the prosecutor of criminal prosecution and supervision over the execution of laws in pre-trial proceedings : dis. ... Cand. of Law. M., 2015. 195 p. (In Russ.)
10. Lovygina A. A. Procedural order for appealing a decision to initiate a criminal case and a decision to refuse to initiate a criminal case // Legal fact. 2020. No. 116. P. 64–66. (In Russ.)
11. Knyazkov A. A. Appealing a decision to refuse to initiate a criminal case (Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation): Ensuring accessibility of justice and law enforcement trends // Modern global challenges and their neutralization by criminal-legal, criminological and criminal-procedural means : a collection of papers based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation within the framework of the 3rd Saratov Legal Forum «Legislative Policy and Law Enforcement in Modern Russia». Saratov : Saratov State Law Academy, 2023. P. 342–348. (In Russ.)
12. Kostromin A. A. Some issues of pre-trial proceedings in a criminal case in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Legal fact. 2022. No. 171. P. 19–22. (In Russ.)
13. Rogova A. A. Judicial procedure for appealing procedural decisions to initiate and refuse to initiate a criminal case: problems of theory and practice // Justice in the modern world (for the X All-Russian Congress of Judges) : collection of materials of the All-Russian interdepartmental scientific and practical conference / edited by V. I. Popravko, Yu. V. Zhuravleva, R. V. Yartsev. Part . N. Novgorod : ООО Izdatelstvo "Avtor", 2022. P. 224–230. (In Russ.)
14. Tsvetkov Yu. A. Investigative errors and problems at the stage of initiating a criminal case // Criminal procedure. 2023. No. 10 (226). P. 60–69. (In Russ.)

15. Arzumanyan A. A., Matinov S. G., Pozdnyshov A. N. Features of the norm of the provision on refusal to initiate a criminal case // Actual problems of justice and law enforcement : materials of the 2nd All-Russian scientific and practical conference. Pyatigorsk : Pyatigorsk State University, 2021. P. 103–108. (In Russ.)

Информация об авторе:

Вецкая С. А. – кандидат юридических наук.

Information about the author:

Vetskaya S. A. – Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 07.10.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 28.11.2024.

The article was submitted 07.10.2024; approved after reviewing 12.11.2024; accepted for publication 28.11.2024.

Научная статья
УДК 343.721:336.77(470)

Георгий Александрович Дятлов
Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия, dyatlov307@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

Аннотация. В статье проводится глубокий анализ проблематики квалификации деяний мошеннического характера в сфере кредитования в России, делается акцент на изменениях, которые были внесены Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». В работе выявляются и анализируются трудности, которые возникают при попытке разграничить мошеннические действия от законных кредитных операций, особенно когда используется поддельная или недостоверная информация. Автор предлагает ряд законодательных уточнений, направленных на укрепление контроля и углубление ответственности в этой области, подчеркивая необходимость комплексного подхода к применению закона и проведению дополнительных исследований для решения данной проблемы.

Ключевые слова: мошенничество, кредитование, уголовная ответственность, банковская безопасность, поддельные документы

Для цитирования: Дятлов Г. А. Проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 4 (20). С. 61–66.

Original article

Georgy A. Dyatlov
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia,
dyatlov307@mail.ru

PROBLEMS OF FRAUD QUALIFICATION IN THE FIELD OF LENDING

Abstract. The article analyzes the problems of qualifying fraudulent acts in the field of lending in Russia, focusing on the changes that were introduced by Federal Law No. 207-FZ, dated November 29, 2012. It highlights the difficulties that arise when trying to distinguish fraudulent actions from legitimate lending transactions, especially when fake or unreliable information is used. The author proposes a number of legislative clarifications aimed at strengthening control and deepening responsibility in this area, emphasizing the need for a comprehensive approach to the application of the law and additional research to resolve this problem.

Keywords: fraud, lending, criminal liability, banking security, forged documents

For citation: Dyatlov G. A. Problems of qualification of fraud in the sphere of lending // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 4 (20). P. 61–66. (In Russ.)

Введение

В условиях экономических трудностей мошенничество в области кредитования остается серьезной проблемой для правосудия в России. Статья основывается на исследовании уголовно-правовых норм, в том числе статьи 159.1 Уголовного кодекса Рос-

сийской Федерации (далее – УК РФ), и рассматривает как квалифицируются мошеннические действия в этой сфере. В работе проанализированы как законодательные изменения, так и их практическое применение в рамках усиления мер борьбы с кредитными мошенничествами.

Методы

В исследовании использовались аналитический метод, метод синтеза, критический анализ и метод сравнительного анализа.

Результаты

Исследование подчеркивает, что внесенные изменения в законодательство Российской Федерации значительно ужесточили уголовную ответственность за мошенничество в сфере кредитования, особенно с использованием поддельных документов. Отмечается важность точного определения мошеннических действий в контексте кредитных операций для предотвращения правовой неопределенности. Также акцентируется внимание на необходимости дальнейшего уточнения законодательства для более эффективного разграничения мошенничества от законных действий, что требует комплексного подхода в применении уголовно-правовых мер.

Переход экономики Российской Федерации к рыночным принципам оказал значительное влияние на увеличение количества финансовых махинаций. Наибольшее распространение такие деяния получили в сфере кредитования, которая стала основной целью для действий мошенников. Для противодействия этой тенденции были предприняты законодательные меры: с введением Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ, вступившего в силу 10 декабря того же года, нормы уголовного законодательства в отношении мошеннических действий в области кредитования были значительно ужесточены. Этот закон установил более строгие рамки ответственности и предусмотрел новые меры для борьбы с финансовыми преступлениями. Данные меры стали важным шагом на пути к обеспечению прозрачности и безопасности кредитных операций [1].

Статья 159.1 УК РФ уточнила меры наказания за хищение через предоставление банкам заведомо фальшивых данных, став частью более широких усилий по борьбе с экономическими преступлениями и поддержанию стабильности финансовой системы. Классификация преступлений в области кредитования включает анализ таких аспек-

тов, как методы и наносимый ущерб, а также уникальные черты, предусмотренные статьей 159.1 УК РФ, что требует детального разбора юридических деталей. По мнению Т. А. Серебрякова, это отличает кредитное мошенничество от более общих форм, особенно в контексте потребительского кредитования, и требует специализированного подхода к правоприменению [2].

Специализированные формы мошенничества, регламентированные статьями 159.1, 159.2, 159.5 и 159.6 УК РФ, классифицируются по областям применения и целям воздействия, например, в страховании по статье 159.5. Отдельно стоит статья 159.3 УК РФ, которая касается использования электронных платежных средств без вовлечения других объектов, что подчеркивает ее уникальность.

Возникающие проблемы в определении мошенничества с применением электронных платежных средств, особенно при их использовании для получения средств на незаконно оформленную банковскую карту, могут включать элементы как статьи 159.1, так и статьи 159.3 УК РФ. Ключевым критерием является роль электронного средства в преступлении, что определяет применение статьи 159.3 УК РФ [3].

Мошенничество в области кредитования определяется как завершенное преступление в момент, когда заемщик получает наличные средства или когда денежные средства зачисляются на его счет или карту. Этот момент является критическим, так как с него начинается юридическая возможность распоряжения финансами. В случае если в процессе верификации банковские службы выявляют предоставление заемщиком недостоверных данных (документов), то действия следует рассматривать как покушение на мошенничество. Однако если банк уже выполнил перечисление средств или выдал кредитную карту, действия заемщика следует квалифицировать как оконченное преступление, независимо от того, успел ли он воспользоваться предоставленными средствами для личных целей или нет, поскольку заемщик уже обладает полным правом на управление этими средствами.

Статья 176 УК РФ описывает ответственность индивидуальных предпринимателей и руководителей компаний за незаконное получение кредита, требуя для привлечения к ответственности наличие значительного ущерба. Эта статья выделяется своим объектом и особенностями преступления, отличаясь от статьи 159.1 УК РФ.

Различие между статьями 159.1 и 176 УК РФ лежит в субъективной стороне правонарушения. Согласно статье 159.1 мошенничество определяется хищением денежных средств банка или другой кредитной организации путем обмана, что неизбежно приводит к ущербу для пострадавшей стороны. В контексте статьи 176 УК РФ, касающейся незаконного получения кредита, несмотря на то, что методы могут перекликаться, ключевым отличием является отсутствие намерения прямо присвоить средства. Вместо этого может присутствовать либо косвенный умысел, или легкомыслие: заемщик или признает возможность наступления ущерба, либо иррационально надеется избежать его. Это фундаментальное различие в определении вины по данным статьям подчеркивает важность анализа мотивационной составляющей действий обвиняемого [4].

Исследование субъективной составляющей преступления представляет собой сложную задачу, в особенности когда дело касается установления корыстного умысла, что является обязательным атрибутом согласно статье 159.1 УК РФ. Установить наличие корыстной мотивации зачастую сложно ввиду того, что обвиняемые, как правило, отрицают ее наличие, что приводит к переквалификации действий по статье 176 УК РФ.

В аргументацию отсутствия преступного умысла мошенники часто включают указание на частичное погашение кредита. Кроме того, они могут ссылаться на ухудшение своего материального положения как на обстоятельство, маскирующее наличие намерения нарушения.

Однако доказательство корыстного умысла возможно через подтверждение факта предоставления заведомо ложных сведений для получения кредита. Документы, содержащие недостоверную информацию о заработной плате, занимаемой должности, трудовом стаже и других аспектах финансового состояния заемщика, служат ключевыми элементами, подтверждающими наличие прямого умысла.

Таким образом, наличие поддельных документов, недостоверной информации и умолчание о других кредитных обязательствах являются основными признаками, свидетельствующими о прямом умысле правонарушителя.

Проблема также заключается в том, что действующее законодательство, особенно статья 159 УК РФ, не всегда эффективно разграничивает мошенничество и законные действия в сфере кредитования, особенно в случаях сложных финансовых схем или использования ложной информации.

Рассмотрим случай на основе статьи 159.1 УК РФ, где заемщик использовал поддельные документы для получения кредита. В данном случае заемщик, зная о недостаточности своих реальных доходов для одобрения кредита, предоставил фальсифицированную справку о заработной плате. Банк, полагаясь на представленные документы, выдал кредит. После обнаружения обмана дело было передано в суд, который, исходя из данных о преднамеренном предоставлении недостоверной информации, признал действия заемщика мошенническими, опираясь на ст. 159.1 УК РФ, предусматривающую ответственность за мошенничество с использованием поддельных документов¹.

Этот случай подчеркивает важность четкого различия между мошенническими намерениями и ошибками или неточностями в документах, что требует более детализированных законодательных разъяснений и возможно, усиления контроля за процессом кредитования со стороны Службы текущего банковского надзора.

¹ Приговор Ирафского районного суда (Республика Северная Осетия-Алания) от 26 июля 2021 г. по делу № 1-1/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OkaW4NJ5sAWC/> (дата обращения: 23.08.2024).

Предлагается усовершенствовать статью 159.1 УК РФ путем введения нового пункта о том, что умышленное предоставление заведомо ложной информации о своем финансовом положении при оформлении кредитов или займов, ведущее к выплате финансовых средств, рассматривается как мошенничество, независимо от наличия умысла на невозврат средств. Это обновление направлено на более эффективное преследование нарушений в кредитной деятельности и повышение ответственности заемщиков [5].

В то время как основная норма мошенничества по статье 159 УК РФ не охватывает использование доверительных отношений, мошенничество в сфере кредитования отличается. Это означает, что если обвиняемый не использует явно ложные данные, а лишь эксплуатирует доверие кредитора для получения кредита, то дело будет квалифицироваться по статье 159 УК РФ [6].

Одной из серьезных проблем в квалификации мошенничества в сфере кредитования в России является отсутствие четкой законодательной базы для регулирования новых финансовых технологий и онлайн-кредитования. Это создает пробелы, которые мошенники используют для реализации схем, не полностью покрываемых действующими статьями УК РФ [7; 8; 9; 10].

Проблема проистекает из быстрого развития технологий и изменения методов кредитования, которые часто опережают законодательные инициативы. Например, практика онлайн-кредитования включает использование электронных платформ для получения и выдачи кредитов, что снижает физический контроль и возможность проверки документов и личности заемщика. Мошенники могут использовать украденные или фальсифицированные личные данные для получения кредитов на чужое имя, а также вводить в заблуждение кредитные организации относительно своих финансовых возможностей [2; 11].

Для решения проблемы отсутствия четкой законодательной базы в области онлайн-кредитования в России и уголовной квалификации связанных с этим мошенни-

ществ можно обратиться к усовершенствованию существующих статей УК РФ, в частности статьи 159, которая регламентирует мошенничество. Эта статья предусматривает наказание за обман или злоупотребление доверием, но не полностью охватывает специфику мошенничества в сфере онлайн-кредитования, где основным инструментом являются цифровые технологии [12].

Также статья 172 УК РФ, касающаяся незаконной банковской деятельности, может быть дополнена пунктами, регламентирующими специфику работы кредитных организаций в сети Интернет [13]. Эти дополнения помогут ужесточить требования к верификации данных заемщиков и установить строгие рамки для использования персональных данных в целях кредитования [14].

Заслуживает внимания проблематика корректного выявления объекта мошенничества в сфере кредитования. Важно подчеркнуть, что данный объект может представлять собой исключительно финансовые активы. Однако на практике правонарушители оформляют кредитные средства с намерением приобрести активы, мгновенно конвертируя полученные средства в личное достояние. В таком контексте предметом преступления согласно статье 159.1 УК РФ является не приобретенное имущество, а денежные средства, указанные в кредитном договоре.

В современных условиях оформление кредита осуществляется с относительной легкостью, ведь банковские учреждения, стремясь выдержать конкуренцию, предлагают клиентам условия, максимально адаптированные под их потребности. Это приводит к тому, что зачастую происходит недостаточно глубокая проверка предоставляемых заемщиками документов, подтверждающих их финансовую состоятельность.

Ответственность банковских структур в ситуации, когда мошеннические действия в сфере кредитования становятся осуществимы, несомненно, имеет место. Неполное исследование документации и предоставленной информации со стороны заемщиков,

а также пренебрежение добросовестностью со стороны сотрудников банка часто служат основаниями возникновения возможностей для совершения правонарушений.

Итак, анализ представленной статьи показывает, что мошенничество в кредитной сфере России является многогранной юридической проблемой, требующей детализированной квалификации и разделения от смежных правонарушений. По мере внесения изменений в УК РФ возникает необходимость в дальнейшем уточнении законодательства, что обуславливает усиление контроля за кредитными операциями и повышение ответственности за использование недостоверной информации.

Заключение

Обзор статьи подчеркивает, что в России мошенничество в области кредитования представляет собой сложную правовую задачу, которая требует детальной классификации и четкого разграничения с похожими нарушениями. В свете поправок в УК РФ, принятых согласно Федеральному закону от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ, появляется потребность в дальнейшей доработке законодательства для более действенного пресечения мошеннических действий. В ходе исследования становится очевидным, что Служба текущего банковского надзора должна повышать оперативность и эффективность надзорных действий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Левашова Д. М. Проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования и пути их решения // *Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений : сборник научных статей по итогам работы четвертого круглого стола со Всероссийским и международным участием*. Шахты, 2020. С. 136–138.
2. Серебрякова Т. А. Мошенничество в кредитно-финансовой сфере: проблемы квалификации // *Парадигма*. 2021. № 1. С. 43–48.
3. Гаибназарзода П. А. К вопросу о социально-правовой обусловленности уголовной ответственности за мошенничество в сфере кредитования // *Криминологический журнал*. 2023. № 3. С. 46–48.
4. Люев Р. М. Некоторые вопросы квалификации мошенничества: сфера кредитования // *Проблемы в российском законодательстве*. *Юридический журнал*. 2020. № 4. С. 371–373.
5. Шупрунов С. И. Отграничения мошенничества в сфере кредитования (ст. 1591 УК РФ) от незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ) и проблемы квалификации // *Проблемы становления гражданского общества : сборник статей VIII Международной научной студенческой конференции*. Том Часть III. Иркутск, 2020. С. 126–129.
- Агишева Д. С. Мошенничество в сфере кредитования как новый вид преступления // *Вестник науки*. 2024. Т. 2. № 4 (73). С. 203–207.
7. Керопян Ю. П. Проблемы квалификации мошенничества // *Юридический факт*. 2020. № 92. С. 30–32.
8. Кондратьева Е. В. Проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования // *Актуальные вопросы современной науки и образования*. 2020. С. 97–99.
9. Петрякова Л. А. Проблемы квалификации мошенничества в банковской сфере // *Сибирский юридический вестник*. 2020. № 3 (90). С. 80–84.
10. Середа И. М. Незаконное получение кредита и мошенничество в сфере кредитования: некоторые проблемы квалификации // *Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXV международной научно-практической конференции*. В 2-х частях. Часть 1. Красноярск, 2022. С. 134–136.
11. Храмова С. Н. Мошенничество в сфере кредитования // *Вестник науки*. 2022. Т. 3. № 12 (57). С. 334–337.
12. Щербакова Д. П. Современные проблемы квалификации мошенничества // *Модели и методы повышения эффективности инновационных исследований : сборник статей Международной научно-практической конференции*. Уфа, 2022. С. 144–147.

13. Мурсалимов А. Т. Мошенничество в сфере кредитования: новация или ошибка законодателя // StudNet. 2020. Т. 3. № 10.

14. Савченко М. М. К вопросу о квалификации мошенничества в сфере кредитования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 82–87.

REFERENCES

1. Levashova D. M. Problems of qualification of fraud in the field of lending and ways of their solution // Legal science in the 21st century: current problems and prospects for their solutions : collection of scientific articles on the results of the fourth round table with All-Russian and international participation. Shakhty, 2020. P. 136–138. (In Russ.)

2. Serebryakova T. A. Fraud in the credit and financial sector: problems of qualification // Paradigm. 2021. No. 1. P. 43–48. (In Russ.)

3. Gaibnazarzoda P. A. On the issue of social and legal determination of criminal liability for fraud in the field of lending // Criminological journal. 2023. No. 3. P. 46–48. (In Russ.)

4. Lyuev R. M. Some issues of qualification of fraud: the lending sphere // Gaps in Russian legislation. Legal journal. 2020. No. 4. P. 371–373. (In Russ.)

5. Shuprunov S. I. Distinctions between fraud in the field of lending (Article 1591 of the Criminal Code of the Russian Federation) and illegal receipt of a loan (Article 176 of the Criminal Code of the Russian Federation) and problems of qualification // Problems of the formation of civil society : collection of articles of the 7th International scientific student conference. Volume Part III. Irkutsk, 2020. P. 126–129. (In Russ.)

6. Agisheva D. S. Fraud in the field of lending as a new type of crime // Bulletin of science. 2024. Vol. 2. No. 4 (73). P. 203–207. (In Russ.)

7. Keropyan Yu. P. Problems of qualification of fraud // Legal fact. 2020. No. 92. P. 30–32. (In Russ.)

8. Kondratieva E. V. Problems of qualification of fraud in the field of lending // Current issues of modern science and education. 2020. P. 97–99. (In Russ.)

9. Petryakova L. A. Problems of qualification of fraud in the banking sector // Siberian Law Bulletin. 2020. No. 3 (90). P. 80–84. (In Russ.)

10. Sereda I. M. Illegal receipt of credit and fraud in the field of lending: some problems of qualification // Actual problems of the fight against crime: issues of theory and practice : materials of the 25th International scientific and practical conference. In 2 parts. Part 1. Krasnoyarsk., 2022. P. 134–136. (In Russ.)

11. Khrantsova S. N. Fraud in the field of lending // Bulletin of Science. 2022. Vol. 3. No. 12 (57). P. 334–337. (In Russ.)

12. Shcherbakova D. P. Modern problems of qualification of fraud // Models and methods for improving the efficiency of innovative research : collection of articles from the International scientific and practical conference. Ufa, 2022. P. 144–147. (In Russ.)

13. Mursalimov A. T. Fraud in the field of lending: innovation or mistake of the legislator // StudNet. 2020. Vol. 3. No. 10. (In Russ.)

14. Savchenko M. M. On the issue of qualification of fraud in the field of lending // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 82–87. (In Russ.)

Информация об авторе:

Дятлов Г. А. – кандидат юридических наук.

Information about the author:

Dyatlov G. A. – Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 28.08.2024; одобрена после рецензирования 08.11.2024; принята к публикации 28.11.2024.

The article was submitted 28.08.2024; approved after reviewing 08.11.2024; accepted for publication 28.11.2024.

Научная статья
УДК 351.745.078:343.123.1(470)

Дмитрий Альбертович Исмаилов
*Прокуратура Самарской области, Самара,
Россия, ismaskoldism@yandex.ru*

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕСТА УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ

Аннотация. В современном обществе вопрос эффективности работы правоохранительных органов находится в центре внимания профессионального сообщества. Один из ключевых аспектов этой деятельности связан с определением места участковых уполномоченных полиции в системе органов дознания. Несмотря на значимость данной проблемы, она до сих пор остается малоизученной и требует дальнейшего анализа. В проведенном исследовании автор рассматривает возможные пути повышения эффективности работы участкового уполномоченного полиции в рамках современной правовой системы. В результате проведенного исследования акцентируется внимание на необходимости рассмотрения вопроса о внесении изменений в части дополнения п. 4 ч. 3 ст. 40 УПК РФ.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, орган дознания, статус участкового уполномоченного, органы внутренних дел, правовой статус участкового, дознаватели, начальник органа дознания

Для цитирования: Исмаилов Д. А. К вопросу об определении места участковых уполномоченных полиции в системе органов дознания // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 4 (20). С. 67–75.

Original article

Dmitry A. Ismailov
*Prosecutor's Office of the Samara region, Samara,
Russia, ismaskoldism@yandex.ru*

ON THE ISSUE OF DETERMINING THE PLACE OF DISTRICT POLICE OFFICERS IN THE SYSTEM OF BODIES OF INQUIRY

Abstract. In modern society, the issue of the effectiveness of law enforcement agencies is in the focus of attention of the professional community. One of the key aspects of this activity is related to determining the place of district police officers in the system of bodies of inquiry. Despite the importance of this problem, it still remains poorly understood and requires further analysis. The article deals with possible ways to improve the effectiveness of the work of the district police officer within the framework of the modern legal system. Attention is focused on the need to consider the issue of amendments in terms of supplementing Paragraph 4, Part 3 of Article 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: the district commissioner of the police, the body of inquiry, the status of the district commissioner, the internal affairs bodies, the legal status of the precinct, the interrogators, the head of the body of inquiry

For citation: Ismailov D. A. On the issue of determining the place of district police officers in the system of bodies of inquiry // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 4 (20). P. 67–75. (in Russ.)

Введение

В современном обществе неотъемлемой частью уголовного судопроизводства является участие уполномоченных полиции, осуществляющих свои полномочия на опорных пунктах полиции. Они являются первичным звеном в системе правопорядка, собирают доказательства и фиксируют их на месте происшествия. Роль участковых уполномоченных в уголовном судопроизводстве нельзя недооценивать, поскольку их деятельность оказывает существенное влияние на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Методы

Методологическую основу проведенного научного исследования составили следующие элементы: анализ законодательных актов, изучение статистических данных. Анализ правовой базы выражен в изучении норм, регулирующих деятельность полиции как органа дознания в части уголовного судопроизводства. Изучение статистических данных в контексте данного исследования позволило констатировать анализ показателей рассмотренных заявлений и сообщений о преступлении участковыми уполномоченными полиции, чем подтверждается актуальность настоящей темы.

Результаты

Согласно п. 24 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) органы дознания – государственные органы и должностные лица, уполномоченные в соответствии с УПК РФ осуществлять дознание и другие процессуальные полномочия.

В силу положений ст. 40 УПК РФ к органам дознания относятся:

органы внутренних дел Российской Федерации и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности;

– органы принудительного исполнения Российской Федерации;

– начальники органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов;

– органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы¹.

Из данного перечня однозначного вывода об отнесении участковых уполномоченных полиции к числу органов дознания сделать нельзя.

Однако из положений Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке (далее – Инструкция), утвержденной Приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» явно следует, что участковый уполномоченный входит в состав отдела полиции и, значит, наделен полномочиями по дознанию.

Основными направлениями деятельности отдела (отделения, пункта) полиции являются предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, выявление и раскрытие преступлений, производство дознания.

В частности, в соответствии с п. 9 Инструкции участковый уполномоченный полиции при несении службы на обслуживаемом административном участке принимает меры, направленные на предупреждение и пресечение преступлений и иных правонарушений, выявление и раскрытие преступлений в соответствии с распределением обязанностей, установленных нормативными правовыми актами МВД России, регламентирующими вопросы деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, осуществляет производство

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

по делам об административных правонарушениях.

Так, за 2023 г. сотрудниками подразделения участковых уполномоченных полиции разрешено более 16 млн поступивших заявлений и сообщений, раскрыто свыше 270 тыс. преступлений, выявлено около 3 млн административных правонарушений¹.

Однако на практике участковые уполномоченные полиции не осуществляют в полном объеме расследование в форме дознания, что порождает споры о том, относятся ли участковые к числу органов дознания [1, с. 225]. Как известно, участковые уполномоченные полиции занимаются расследованием преступлений небольшой и средней тяжести, в основном совершенных в быту [2, с. 68].

В юридической литературе отмечаются определенные нюансы отнесения участковых уполномоченных полиции к органам дознания. Так, Ю. В. Шпагина отмечает, что в органах внутренних дел существует множество структурных подразделений, не имеющих функций и полномочий в уголовном судопроизводстве, к их числу могут быть отнесены и участковые уполномоченные полиции [3, с. 118].

Соглашаясь с Ю. В. Шпагиной, отметим, что к органам внутренних дел могут относиться не только территориальные и районные отделы или отделения внутренних дел, но и в том числе образовательные, медицинские, научные организации системы МВД России, не наделенные правом на осуществление уголовно-процессуальных полномочий. Однако вопрос о наличии у участковых процессуальных полномочий, на наш взгляд, разрешен в законе весьма определенно.

Н. С. Железняк придерживается мнения о том, что из положения ст. 40 УПК РФ следует исключить норму, закрепляющую статус органа дознания, поскольку в целом

существует неопределенность в разграничении их с лицами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность [4, с. 31–32].

Для определения места участковых уполномоченных в системе органов дознания рассмотрим понятие органов дознания и их классификацию. Как представляется, проблема определения полномочий участкового по дознанию состоит в том, что участковый входит в отдел полиции, но в структуре полиции есть уже специальные отделы по дознанию. Таким образом, возникает вопрос: куда же следует отнести участкового – к органам дознания или иным лицам, наделенным отдельными полномочиями по дознанию?

Обратим внимание на следующие позиции органов судебной власти относительно уголовно-процессуального статуса участкового уполномоченного: «...вместе с тем в постановлении Моршанского районного суда Тамбовской области от 29 июня 2012 г. судом сделан вывод, что постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенное участковым уполномоченным полиции, является незаконным в виду того, что вынесено неправомочным на то должностным лицом и не утверждено начальником органа дознания...»².

На практике участковый достаточно часто реализует полномочия по возбуждению уголовного дела в условиях, когда следователь или дознаватель сделать это оперативно не могут в силу объективных обстоятельств. Например, в условиях сельской местности при отсутствии дознавателей и следователей участковый берет на себя обязанность возбудить дело и провести неотложные следственные действия. Ведомственными инструкциями и приказами МВД России полномочия по возбуждению уголовного дела участковым уполномоченным полиции не предоставлены. Однако в силу положений ст.ст. 144, 145, 146 УПК РФ участковый

¹ В МВД сообщили о ежегодном раскрытии участковыми более 270 тыс. преступлений // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19311359?ysclid=m2f3tjtbyj574489857> (дата обращения: 18.10.2024).

² Консультирует юрист // Главное управление МВД России по Ставропольскому краю. URL: <https://26.мвд.рф/document/1083768> (дата обращения: 09.05.2024).

уполномоченный вправе принимать решение о возбуждении уголовного дела.

Авторы В. Т. Азизова и Т. М. Гасанбеков считают, что в настоящее время законодатель, несмотря на то, что хоть и закрепил норму об органе дознания в УПК РФ, не предоставил какого-либо объяснения относительно его состава. Авторы придерживаются мнения, что под органом дознания нельзя понимать учреждение или предприятие в целом, на основании чего делают акцент на отражении сущности органа дознания в уголовном судопроизводстве.

Ученые приводят классификацию органов дознания по критерию компетентности и их отнесения к отдельным государственным органам и учреждениям. Так, например, дознаватели могут нести свою службу в ОВД, пограничной службе Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ФСБ России), органах Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации (далее – ФССП России), органах государственного пожарного надзора. Поддерживаем точку зрения указанных выше авторов, поскольку, в отличие от органов следствия, система органов дознания в большей мере является децентрализованной ввиду существования нескольких организационных центров, осуществлявших свою деятельность по координации и контролю органов дознания. Например, в системе МВД России существует множество подразделений, осуществляющих функции дознания: Главное управление уголовного розыска МВД России, Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции, Главное управление по охране общественного порядка (участковые уполномоченные полиции (УУП), инспекторы по делам несовершеннолетних (ПДН), патрульно-постовая служба (ППС)) и др. [5, с. 67, 69–70].

Стандартной классификации придерживается А. О. Трынкова, считающая, что органы дознания можно классифицировать на универсальные и специальные. К универсальным органам дознания, по ее мнению, относятся органы внутренних дел России,

поскольку они рассматривают большинство сообщений и заявлений о преступлении. К органам внутренних дел, осуществляющим дознание, считает А. О. Трынкова, следует отнести следующие подразделения:

- центральный аппарат МВД России;
- территориальные и транспортные (линейные) главные управления и входящие в них отделы;
- управления;
- отделы и отделения.

Таким образом, под универсальными органами дознания следует понимать подразделения органов внутренних дел, осуществляющие следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. Тем самым закрепляется место участкового уполномоченного полиции среди органов дознания ввиду наличия его полномочий по собиранию доказательств в уголовном судопроизводстве.

Специальные органы дознания расследуют только отдельные виды преступлений в своей области. К таким органам дознания А. О. Трынкова предлагает относить:

- ФСБ России;
- ФССП России;
- Федеральная таможенная служба России (далее – ФТС России);
- Государственный пожарный надзор России (далее – ГПН России);
- военная полиция;
- командиры воинских частей [6, с. 8–9].

В указанной классификации спорным представляется вопрос об отнесении Федеральной таможенной службы к числу органов дознания, поскольку таможенные посты прямо не наделены полномочиями по осуществлению процессуальных полномочий. Так, например, Т. Г. Николаева предлагает относить таможенную службу к числу органов дознания только в случае выявления признаков составов таможенных преступлений [7, с. 268].

Особое внимание вопросу классификации органов дознания уделяет Е. Е. Колесникова, которая проводит анализ действующего уголовно-процессуального законодательства и предлагает разделять на органы дознания:

– универсальной компетенции: органы внутренних дел (полиция), состоящие из центрального аппарата и территориальных органов;

– специальной компетенции: органы ФСБ России, ФТС России, ФССП России, ГПН России;

– специализированной компетенции: органы ФСИН России, органы военной полиции.

Выделение такой категории, как «специализированные», обосновывается отсутствием дознавателей в приведенном органе, однако производство дознания может быть предусмотрено начальником соответствующего органа. Наглядным примером является совершение преступления в местах лишения свободы, где производство дознания будет осуществляться оперативным сотрудником, не производившим оперативно-розыскные мероприятия по конкретному делу [8, с. 509–510].

А. И. Петрова и В. Е. Баскакова предлагают следующую классификацию системы органов дознания:

– универсальной компетенции: органы внутренних дел, органы военной полиции, органы уголовно-исполнительной системы;

– специальной компетенции: органы ФССП, органы ФСБ, органы ГПН, таможенные органы;

– эпизодической компетенции: органы, закрепленные в ч. 3 ст. 40 УПК РФ [9, с. 180].

По большому счету к органам универсальной компетенции относятся органы внутренних дел, в состав которых входят территориальные органы. К числу последних относятся «...подразделения участковых уполномоченных полиции, уголовного розыска, экономической безопасности и противодействия коррупции, инспекторов по делам несовершеннолетней преступности, патрульно-постовой службы, административного надзора, группы учета и делопроизводства и т. д.»¹. Однако вопрос в настоящее время заключается в том, могут ли все

перечисленные структурные подразделения осуществлять дознание в уголовном судопроизводстве? Несмотря на приведенное достаточное количество мнений ученых, однозначного ответа на этот вопрос нет.

Кардинально иную классификацию органов дознания предлагает А. А. Сажин, подразделяющий органы дознания по следующим категориям:

– органы дознания без оперативных подразделений (дознаватель, начальник подразделения дознания);

– оперативные подразделения без подразделений дознаний (орган дознания в целом);

– отдельные должностные лица (начальники военной полиции);

– органы дознания, осуществляющие полномочия, предусмотренные ч. 2 ст. 40 УПК РФ [10, с. 179].

Сложно согласиться с позицией авторов О. И. Лозинского, В. М. Маковозова, М. Е. Гончарова, считающих, что «...непосредственное дознание проводят представители подразделений дознания органов внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации. При этом правом на производство дознания не могут быть наделены федеральные органы исполнительной власти в области государственной охраны, органы ФСИН России, службы внешней разведки России, ввиду отсутствия в штатной численности дознавателей и существенных особенностей» [11, с. 106–107]. Среди особенностей они отмечают законодательную регламентацию, объем процессуальных полномочий, организационно-структурное построение.

В настоящее время как на правоприменительной практике, так и в научном сообществе ведется дискуссия о том, является участковый уполномоченный органом дознания или дознавателем, или лицом, на которое возложены полномочия по дознанию.

Так, Л. И. Ларионова выступает категорически против отнесения участковых

¹ О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

уполномоченных полиции к числу дознавателей, аргументируя это тем, что уголовно-процессуальные отношения должны быть закреплены исключительно УПК РФ, а в данном случае деятельность и полномочия участкового уполномоченного полиции закреплены Приказом МВД России № 205 [12, с. 76–77].

М. В. Бобровская относит участкового уполномоченного полиции к числу органов дознания, несмотря на наличие ведомственных нормативных правовых актов, регулирующих полномочия участкового [13, с. 251]. Автор обосновывается позицией внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство для урегулирования дискуссионного вопроса.

Э. К. Кутуев и О. А. Чабукиани изначально придерживаются мнения об отнесении участкового уполномоченного полиции к сотрудникам органа дознания, обосновывая это возможностью производства следственных действий участковым уполномоченным на стадии возбуждения уголовного дела [14, с. 148].

А. И. Цыреторов и А. Г. Анисимов занимают неопределенную позицию и указывают, что «участковый уполномоченный полиции является органом дознания с момента наделения его процессуальными полномочиями органа дознания, именно с момента отметки подписи в резолюции со стороны начальника органа дознания или подразделения дознания» [15, с. 148].

Разрешая вопрос об уголовно-процессуальном статусе участкового уполномоченного полиции, мы будем придерживаться точки зрения о том, что участковый уполномоченный имеет уголовно-процессуальный статус лица, наделенного полномочиями по дознанию. В обоснование высказанного мнения приведем в пример п.п. 9 и 10 Приказа МВД России № 205, из которых следует, что участковый уполномоченный полиции осуществляет задачи по профилактике, противодействию и раскрытию административных правонарушений и преступлений. Следовательно, поскольку речь идет о преступлениях, целесообразно утверждать, что

участковый уполномоченный полиции выполняет функции по дознанию.

Вместе с тем Приказу МВД России № 205 противоречит Положение о территориальном отделе полиции, в котором закреплено, что отдел полиции является органом дознания, а, следовательно, все структурные подразделения, входящие в него образуют орган дознания, что является необоснованным и несовершенным с точки зрения действующего законодательства и сложившейся практики. Неточность формулировки Положения обосновывается и тем, что фактически в структуре отделов полиции действуют следственные подразделения органов внутренних дел. Представляется, что такая же логика должна быть применена и в отношении подразделений дознания.

Для решения указанной проблемы о статусе участкового уполномоченного полиции как органа дознания нужно рассмотреть вопрос о внесении изменений в Положение о территориальных отделах полиции в части необходимости передачи прав органа дознания участковому уполномоченному полиции по производству дознания в установленном законом порядке.

При рассмотрении органов дознания и лиц, наделенных полномочиями по дознанию, необходимо обратить внимание на положения, закрепленные в ч. 3 ст. 40 УПК РФ. Так, законодателем предусмотрено наделение полномочиями по возбуждению уголовного дела в случаях, нетерпящих отлагательства следующих лиц:

– капитанов морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, – по уголовным делам о преступлениях, совершенных на данных судах;

– руководителей геолого-разведочных партий и зимовок, начальников российских антарктических станций и сезонных полевых баз, удаленных от мест расположения органов дознания, указанных в части первой настоящей статьи, – по уголовным делам о преступлениях, совершенных по месту нахождения этих партий, зимовок, станций, сезонных полевых баз;

– глав дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации – по уголовным делам о преступлениях, совершенных в пределах территорий данных представительств и учреждений.

На основе вышеприведенных суждений авторов и исследователей, посвященных вопросам классификации органа дознания в уголовном судопроизводстве, считаем обоснованным предложение собственного подхода о классификации органа дознания:

1. В зависимости от государственного органа:

– Вооруженные силы России и входящие в нее структурные подразделения (начальник воинской части, военная полиция, начальник воинского формирования и др.);

– ГПН России;

– МВД России;

– ФСБ России;

– ФТС России.

2. В зависимости от формирования:

– с момента выявления факта совершенного преступления;

– с момента поступления заявления или сообщения о преступлении;

– с момента подписания резолюции вышестоящего начальника о проведении действий.

3. В зависимости от осуществляемых (проводимых) действий:

– первоначальные действия по сборанию доказательств;

– производные действия (полученные от первых носителей информации);

– с оперативно-розыскными действиями;

– без оперативно-розыскных действий.

4. В зависимости от совершенного преступления (категории тяжести):

– небольшой и средней тяжести;

– тяжкие и особо тяжкие.

5. В зависимости от сферы действия:

– общественно-социальные правоотношения;

– экономические правоотношения;

– криминальные правоотношения;

– государственно-правовые (внутригосударственные) правоотношения;

– межгосударственные (внегосударственные) правоотношения.

6. В зависимости от уголовно-процессуального статуса:

– начальник органа дознания;

– начальник подразделения дознания;

– дознаватель;

– орган дознания.

Заключение

В заключение проведенного исследования следует констатировать, что участковый уполномоченный полиции должен быть отнесен к числу лиц, наделенных полномочиями по производству дознания. По аналогии с перечисленными субъектами в перечень ч. 3 ст. 40 УПК РФ можно включить и участкового уполномоченного полиции. Кроме того, целесообразно рассмотреть вопрос о внесении изменений в части дополнения п. 4 ч. 3 ст. 40 УПК РФ в следующей редакции: «участковых уполномоченных полиции – по категориям преступлений небольшой и средней тяжести», тем самым предоставив участковому уполномоченному полиции официальный статус лица, уполномоченного возбуждать уголовное дело и производить неотложные следственные действия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александрова Л. А. Полномочия сотрудников органов дознания на стадии возбуждения уголовного дела // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 2. С. 223–229.

2. Исмаилов Д. А., Мурузиди А. В. Применение медиации в деятельности участковых уполномоченных полиции // Теология. Философия. Право. 2021. № 2 (16). С. 61–69.

3. Шпагина Ю. В. О сущности и понятии дефиниции «орган дознания» // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34). С. 115–123.

4. Железняк Н. С. О соотношении понятии «орган дознания» и «орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность» // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 2 (31). С. 28–33.

5. Азизова В. Т., Гасанбеков Т. М. К вопросу о правовом статусе органов дознания в Российской Федерации // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2021. Т. 36. № 2. С. 66–73.
6. Трынкова А. О. Система органов дознания Российской Федерации // Юридический факт. 2021. № 132. С. 8–9.
7. Николаева Т. Г. Деятельность органов дознания в таможенных органах РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2 (30). С. 268–271.
8. Колесникова Е. Е. Органы дознания в современной системе правоохранительных органов // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 10 (61). С. 507–513.
9. Петрова А. И., Баскакова В. Е. Система органов дознания в современном уголовно-процессуальном законодательстве России // Молодежь и наука: шаг к успеху : сборник научных статей Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 3-х томах / ответственный редактор А. А. Горохов. Том 2. Курск : Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2017. С. 179–182.
10. Сажин А. А. Специфика уголовно-процессуальной деятельности органов дознания ГПН ФПС МЧС России // Мировая наука. 2020. № 2 (35). С. 179–182.
11. Лозинский О. И., Маковозов В. М., Гончаров М. Е. Органы дознания: место в современной системе правоохранительных органов, правовой (процессуальный) статус, специфика деятельности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3 (154). С. 105–109.
12. Ларионова Л. И. О дознании и дознавателях органов внутренних дел в Российской Федерации // Криминологический журнал. 2023. № 1. С. 76–79.
13. Бобровская М. В. Участковый уполномоченный полиции как орган дознания в ходе производства осмотра места происшествия // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения 2020 : сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции. Том 2. Гатчина : Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2020. С. 247–251.
14. Кутуев Э. К., Чабукиани О. А. Участковый уполномоченный полиции и дознаватель: сравнительно-правовой анализ полномочий на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 147–150.
15. Цыреторов А. И., Анисимов А. Г. Должностное лицо органа дознания, не являющееся дознавателем // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 7. С. 146–150.

REFERENCES

1. Aleksandrova L. A. Powers of employees of the inquiry bodies at the stage of initiation of a criminal case // Siberian Legal Review. 2020. Vol. 17. No. 2. P. 223–229. (In Russ.)
2. Ismailov D. A., Muruzidi A. V. Application of mediation in the activities of district police officers // Theology. Philosophy. Law. 2021. No. 2 (16). P. 61–69. (In Russ.)
3. Shpagina Yu. V. On the essence and concept of the definition of «inquiry body» // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1 (34). P. 115–123. (In Russ.)
4. Zheleznyak N. S. On the relationship between the concepts of «inquiry body» and «body carrying out operational-search activities» // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2 (31). P. 28–33. (In Russ.)
5. Azizova V. T., Gasanbekov T. M. On the legal status of inquiry bodies in the Russian Federation // Bulletin of the Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. 2021. Vol. 36. No. 2. P. 66–73. (In Russ.)
6. Trynkova A. O. The system of inquiry bodies of the Russian Federation // Legal fact. 2021. No. 132. P. 8–9. (In Russ.)
7. Nikolaeva T. G. Activities of inquiry bodies in the customs authorities of the Russian Federation // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2006. No. 2 (30). P. 268–271. (In Russ.)
8. Kolesnikova E. E. Inquiry bodies in the modern system of law enforcement agencies // Alley of Science. 2021. Vol. 1. No. 10 (61). P. 507–513. (In Russ.)

9. Petrova A. I., Baskakova V. E. The system of inquiry bodies in the modern criminal procedure legislation of Russia // Youth and science: a step towards success : collection of scientific articles from the All-Russian scientific conference of promising developments of young scientists: in 3 volumes / editor-in-chief A. A. Gorokhov. Volume 2. Kursk : Closed Joint-Stock Company «University Book», 2017. P. 179–182. (In Russ.)
10. Sazhin A. A. Specifics of criminal procedural activities of the inquiry bodies of the State Fire Supervision Service of the Federal Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia // World Science. 2020. No. 2 (35). P. 179–182. (In Russ.)
11. Lozinsky O. I., Makovozov V. M., Goncharov M. E. Inquiry bodies: place in the modern system of law enforcement agencies, legal (procedural) status, specifics of activities // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2023. No. 3 (154). P. 105–109. (In Russ.)
12. Larionova L. I. On inquiry and inquiry officers of the internal affairs bodies in the Russian Federation // Criminological journal. 2023. No. 1. P. 76–79. (In Russ.)
13. Bobrovskaya M. V. District police officer as an inquiry body during the inspection of the crime scene // Actual problems of science and practice: Gatchina readings 2020 : collection of scientific papers based on the materials of the VII International scientific and practical conference. Volume 2. Gatchina : State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2020. P. 247–251. (In Russ.)
14. Kutuyev E. K., Chabukiani O. A. District police officer and inquiry officer: a comparative legal analysis of powers at the stage of initiating a criminal case // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3. P. 147–150. (In Russ.)
15. Tsyretorov A. I., Anisimov A. G. An official of the inquiry body who is not an inquiry officer // Gaps in Russian legislation. 2020. Vol. 13. No. 7. P. 146–150. (In Russ.)

Информация об авторе:

Исмаилов Д. А. – без ученой степени.

Information about the author:

Ismailov D. A. – no academic degree.

Статья поступила в редакцию 14.08.2024; одобрена после рецензирования 11.11.2024; принята к публикации 28.11.2024.

The article was submitted 14.08.2024; approved after reviewing 11.11.2024; accepted for publication 28.11.2024.

Научная статья
УДК 343.2/7.05(470)

Владимир Борисович Поезжалов¹, Руслан Хазраилович Шондилов²

¹ Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, poezvb_75@mail.ru

² Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, Нальчик, Россия, rshondirov@mail.ru

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2024 ГОДУ

Аннотация. В настоящей статье авторы анализируют изменения, внесенные в текст Уголовного кодекса Российской Федерации в период с января по октябрь 2024 года. Дан критический системный сравнительно-правовой анализ юридико-технического построения отдельных уголовно-правовых предписаний и высказаны предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовный закон, квалифицирующие признаки, примечание статьи, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания

Для цитирования: Поезжалов В. Б., Шондилов Р. Х. Критический анализ изменений уголовного законодательства Российской Федерации в 2024 году // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. № 4 (20). С. 76–83.

Original article

Vladimir B. Poezshalov¹, Ruslan Kh. Shondirov²

¹ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, poezvb_75@mail.ru

² North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik, Russia, rshondirov@mail.ru

CRITICAL ANALYSIS OF CHANGES IN CRIMINAL LAW LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 2024

Abstract. In this article, the authors analyze the changes introduced into the text of the Criminal Code of the Russian Federation in the period from January to October 2024. A critical systematic comparative legal analysis of the legal and technical construction of individual criminal law prescriptions is given and suggestions are made to improve criminal legislation.

Keywords: criminal law, qualifying signs, article note, exemption from criminal liability, exemption from punishment

For citation: Poezshalov V. B., Shondirov R. Kh. Critical analysis of changes in the criminal legislation of the Russian Federation in 2024 // Society, law, statehood: retrospective and perspective. No. 4 (20). P. 76–83. (In Russ.)

© Поезжалов В. Б., Шондилов Р. Х., 2024

Введение

Современное уголовное законодательство Российской Федерации постоянно изменяется и дополняется. За последние три года (с 2022 по 2024 год) в этой связи принято 45 Федеральных законов, которые в значительной мере трансформировали Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ). Это в настоящее время является нормой, поскольку уголовный закон не является статичным нормативным правовым актом. Он достаточно консервативен, ведь его предназначение – быть универсальным инструментом в руках государства [1, с. 237], но все же подвержен изменениям, поскольку должен соответствовать реалиям современной жизни [2, с. 75].

Вектор современной уголовной политики, с одной стороны, направлен на усиление уголовно-правового воздействия в отдельных сферах, где речь идет, в частности, о защите интересов несовершеннолетних, противодействии экстремистским проявлениям [3, с. 186–188]. С другой стороны, имеет место максимальное снижение уголовной репрессии в отношении преступлений в сфере экономики (за счет повышения крупных и особо крупных размеров ущерба, которые являются обязательными условиями определения преступности или неправомерности того или иного деяния), а также расширение сферы применения норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания.

Методы

В процессе исследования использовались общенаучные методы познания, такие как индукция и дедукция, анализ и синтез, обобщение, исторический и сравнительно-правовой.

Результаты и обсуждение

Поддерживая в целом существующие в настоящее время направления уголовной политики, считаем необходимым обратить

внимание на качество юридико-технического конструирования отдельных «нововведений», введенных в уголовный закон в 2024 году.

1. Федеральным законом № 11-ФЗ от 14 февраля 2024 г.¹ законодателем скорректированы положения ст.ст. 48, 104¹, 280⁴ УК РФ. В частности, ст. 104¹ была дополнена примечанием, содержание которого дает понятие «деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации», с указанием на конкретные статьи УК РФ. Данное примечание полностью без каких-либо изменений перенесено из ст. 280⁴ УК РФ. При этом само примечание ст. 280⁴, в свою очередь, этим же Федеральным законом скорректировано и отсылает правоприменителя к содержанию вышеуказанного примечания ст. 104¹ УК РФ.

Думается, что наличие в уголовном законе двух примечаний одинакового содержания нецелесообразно, поскольку исключение дублирования правовых предписаний является одним из основных требований к нормативным правовым актам в Российской Федерации. Полагаем, что определенным выходом из создавшейся ситуации была бы не корректировка, а полное исключение примечания ст. 280⁴ УК РФ и дополнение примечания ст. 104¹ УК РФ указанием на то, что она распространяется и на другие статьи уголовного закона, как это сделано, например, к понятию «пытка» после исключения ее из примечания ст. 117 УК РФ [4, с. 231] и перенесения в ст. 286 УК РФ.

2) Федеральным законом № 218-ФЗ от 8 августа 2024 г.² в УК РФ системно [5, с. 76] внесены изменения, которые связаны с усилением уголовной ответственности за совершение преступления с публичной демонстрацией его, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет).

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 14 февраля 2024 г. № 11-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Данное положение внесено в число обстоятельств, отягчающих наказание (п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ), и предусмотрено теперь в качестве квалифицирующего признака в ст.ст. 105, 111, 112, 115, 116, 117, 119, 126, 127 и 127² УК РФ. Все это насильственные преступления против личности и в этой связи указанное дополнение уголовного закона вполне справедливо. Вместе с тем полагаем, что законодателю следовало учесть, что наряду с вышеназванными как минимум еще две статьи УК РФ относятся к насильственным преступлениям против личности – это «Изнасилование» (ст. 131 УК РФ) и «Насильственные действия сексуального характера» (ст. 132 УК РФ), поскольку их совершение связано «с применением насилия или угрозой его применения» [6, с. 127–128]. Следовательно, ст. 131 и ст. 132 УК РФ должны быть дополнены рассмотренным квалифицирующим обстоятельством «публичности» совершения преступления, аналогично с перечнем статей, обозначенным в указанном выше Федеральном законе.

Также стоит отметить, что законодателем Федеральный закон № 218-ФЗ от 8 августа 2024 г. оказался не до конца проработан и с точки зрения грамматики русского языка, поскольку после внесенных изменений в диспозиции ст. 116 УК РФ «Побои» в одном предложении при перечислении альтернативно обязательных признаков состава преступления дважды указывается союз «а равно». Данное положение, считаем, допущено неумышленно и носит технический характер [7, с. 197]. В связи с изложенным полагаем, что первое указание «а равно» в вышеназванной статье УК РФ должно быть исключено.

3. Федеральным законом № 111-ФЗ от 29 мая 2024 г.¹ внесены изменения в ч. 4 ст. 150 УК РФ. Особо отягчающие обстоятельства в данном случае представлены в новом формате. Если ранее они были пере-

числены через запятую, то в настоящее время каждому обстоятельству присвоен свой пункт. При этом число особо отягчающих обстоятельств расширено за счет включения в ч. 4 ст. 150 УК РФ пункта «в», который предусматривает усиление уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего «в совершение трех и более преступлений небольшой и (или) средней тяжести».

Законодатель в данном случае приравнял количественные и качественные признаки общественно опасного деяния. Если ранее только вовлечение несовершеннолетнего в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления образовывало усиление ответственности по ст. 150 УК РФ, то теперь сюда отнесены и менее тяжкие категории преступных деяний.

Решение не бесспорное, но требующее пояснений. Думается, что более справедливым было бы сделать указание не на количество преступных деяний, а на то, что это поведение представляет по своей сути. А по сути – это преступная деятельность, под которой следует понимать систематическое совершение преступлений. Понятие систематичности может быть раскрыто в тексте уголовного закона [8, с. 56; 9, с. 262], например, в примечании анализируемой ст. 150 УК РФ. Данная логика соответствует тому, как, например, в п. «а» ч. 4 ст. 150 УК РФ не раскрыто понятие преступной группы, не перечислены виды групп, поскольку они перечислены в ст. 35 УК РФ. Думается, что указанные нами предложения будут более оптимальными, чем те, которые в настоящее время предложены отечественным законодателем.

4. Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ УК РФ² (далее – ФЗ № 64) дополнены ст.ст. 78¹ и 80², предусматривающие соответственно освобождение от уголовной ответственности и наказания лиц, в

¹ О внесении изменения в статью 150 Уголовного кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 29 мая 2024 г. № 111-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

связи с прохождением военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время. Данные изменения уголовного закона видятся нам не вполне проработанными и вызывающими ряд принципиальных вопросов.

Во-первых, считаем, что введение данных правовых норм стало результатом государственной политики, направленной на решение вопроса об условиях уголовной ответственности лиц, совершивших преступление и отбывающих наказание, привлекаемых к участию в специальной военной операции.

Изначально законодателем в целях разрешения проблемы привлечения к участию в указанной операции отдельных категорий осужденных лиц и лиц, в отношении которых осуществляется предварительное расследование, был принят Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»¹ (далее – ФЗ № 270).

Данный нормативный акт не мог иметь прямого действия, поскольку предусматривал вопросы уголовной ответственности. В соответствии с ч. 1 ст. 1 УК РФ уголовное законодательство в Российской Федерации кодифицировано и любой нормативный акт, который содержит в себе названные положения, подлежит включению в него. С положениями ФЗ № 270 этого не произошло, поэтому он был отменен².

Названная правовая коллизия фактически нашла свое разрешение за счет изменений УК РФ, изложенных в ФЗ № 64-ФЗ. Были уточнены и приведены к единообразию статьи УК РФ, исключающие возможность освобождения от уголовной ответ-

ственности и наказания лиц, осужденных и в отношении которых ведется предварительное расследование в случае заключения ими контракта с Министерством обороны Российской Федерации.

Вместе с тем законодатель не ограничился первоначальным форматом определения лиц, которые могут быть освобождены от уголовной ответственности по правилам ст. 78¹ УК РФ. Спустя полгода после введения названной статьи в УК РФ Федеральным законом от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ³ ее редакция была скорректирована. Положение о том, что лица, в отношении которых «предварительное расследование» приостановлено, заменено на «производство по уголовному делу» приостановлено. Данное обстоятельство говорит о расширении круга лиц, в отношении которых распространяются правила применения ст. 78¹ УК РФ. Думается, что указанное обстоятельство следовало предусмотреть изначально, еще до введения ст. 78¹ УК РФ в уголовный закон.

Во-вторых, освобождение от уголовной ответственности и освобождение от наказания как правовые институты основываются не только на некоем компромиссе и гуманности, когда государство отказывается от уголовно-правового воздействия на определенную категорию лиц, но и на целесообразности, социальной объективности и справедливости [10, с. 214, 223]. В случае со ст.ст. 78¹ и 80² УК РФ на этот счет имеется ряд вопросов.

В частности, полагаем, что указанные статьи уголовного закона носят временный характер, вызванный, как отмечают отдельные авторы, «некой целесообразностью социально-управленческой деятельности, субъективизме в нормотворчестве» [11,

¹ Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции : федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке в Российской Федерации», статью 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и признании утратившим силу Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» : федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 61-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в статью 781 Уголовного кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

с. 28; 12, с. 44]. Положения уголовного закона должны носить длительный характер и обуславливаться поступательным, а не спонтанным подходом к их формулированию и дальнейшему применению.

Кроме того, избранный законодателем подход к определению категорий лиц, которые освобождаются от уголовной ответственности и наказания по правилам ст.ст. 78¹ и 80² УК РФ, является неоправданным относительно общественной опасности совершенных деяний и лиц, их совершивших.

К примеру, законодатель определил, что к числу лиц, которые не могут быть освобождены по ст.ст. 78¹ и 80² УК РФ, относятся те, кто совершил деяния, посягающие на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних, предусмотренные ст.ст. 131, 132, 134 и 135 УК РФ. Думается, что это справедливо, но тогда возникает ряд вопросов: «Почему к таким лицам не отнесены те, кто совершил убийство несовершеннолетних и малолетних, причинил тяжкий вред их здоровью, истязал их?», «Где искать тот критерий, который стал основой отбора лиц, которые должны пополнить ряды военнослужащих Министерства обороны с целью их участия в защите интересов России в период мобилизации, военного времени или военного положения?».

Полагаем, что избираемый законодателем подход к категориям освобождаемых по ст.ст. 78¹ и 80² УК РФ должен быть продуманным и непротиворечивым, отвечающим единству взглядов как законодателя, так и общества. В противном случае это может вызвать как социальные обострения, так и выражение недоверия государству [13, с. 159].

В-третьих, применение ряда предписаний уголовного закона зависит от отрасле-

вого законодательства, регламентирующего ту или иную сферу общественных отношений. Ст.ст. 78¹ и 80² УК РФ не являются в данном случае исключением, поскольку бланкетность имеющихся в них положений напрямую связана с нормативным регулированием вопросов о военном времени, военном положении и периоде мобилизации. Нормативно эти понятия отражены в соответствующих Федеральных законах¹.

Информации о том, что в Российской Федерации введено военное положение, объявлена война и, соответственно, что следует говорить о военном времени, не имеется. По поводу «периода мобилизации» ситуация обстоит таким образом, что объявленная Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647² частичная мобилизация, несмотря на фактическое отсутствие призыва и «выполнение», по словам С. К. Шойгу «плана мобилизации», продолжается, поскольку документа о ее отмене не было. Данный вывод сделан нами на основе системного анализа положений уголовного закона и соответствующих разъяснений, которые были даны Пленумом Верховного Суда Российской Федерации применительно к уголовным делам о преступлениях против военной службы³.

Поскольку период мобилизации на нормативном уровне не завершен, то правомочность в применении ст.ст. 78¹ и 80² УК РФ не вызывает сомнений.

В-четвертых, считаем целесообразным отметить, что положения ст. 80² УК РФ о том, что «лицо <...> освобождается от наказания условно» требует своего пояснения. Полагаем, что условность связана с тем, что решение об освобождении в соответствии с ч. 2 рассматриваемой статьи связано с наличием ряда альтернативных обстоятельств,

¹ О военном положении : федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ; О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации : федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предусмотренных соответственно пп. «а» и «б». Отсутствие этих обстоятельств делает невозможным сам факт дальнейшего освобождения от наказания. При этом порядок, сроки и иные «условия» того, как будет решаться вопрос о дальнейшей судьбе отбывавшего наказание лица, закон в этом случае не определяет. Применительно к ст. 78¹ УК РФ ни о каких «условностях» освобождения речи не идет, что говорит о рассогласованности положений смежных уголовно-правовых норм.

В-пятых, введение в уголовный закон норм, освобождающих от уголовной ответственности и наказания, имеющих общие основания и условия применения, следовало реализовать аналогично положениям об амнистии и помиловании, разместив их в главе 13 УК РФ, наименование которой следовало

скорректировать исходя из содержания анализируемых норм. Такой подход, полагаем, отражал бы не только значимость указанных видов освобождения, но и их специфичность.

Заключение

Изменения, вносимые в текст уголовного закона должны быть продуманными, системными, целостными и непротиворечивыми [14, с. 69; 15, с. 79–84], выполненными в соответствии с юридико-техническими требованиями, которые предъявляются к нормативным предписаниям. Полагаем, что реализация и учет высказанных в статье предложений и рекомендаций может способствовать дальнейшему развитию уголовного законодательства Российской Федерации в условиях изменения векторов современной уголовной политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Поезжалов В. Б., Филиппов О. А. Изменения уголовного закона и безопасность государства // Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171). С. 237–238.
2. Поезжалов В. Б. Изменения уголовного закона: критический анализ отдельных положений // Уголовная политика в современной России: состояние и перспективы развития : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2020. С. 75–77.
3. Поезжалов В. Б. Отдельные аспекты уголовно-правовых средств противодействия экстремизму // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVI международной научно-практической конференции. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2023. С. 186–188.
4. Поезжалов В. Б. Уголовно-правовые средства, способствующие получению доказательств по уголовному делу // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения : сборник материалов 4-й Международной конференции. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2023. С. 229–232.
5. Поезжалов В. Б., Тляумбетов Р. Г. Системность уголовно-правовых предписаний // Вестник ВЭГУ. 2017. № 6 (92). С. 76–81.
6. Поезжалов В. Б., Диваева И. Р. Проблемы законодательной регламентации и квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Евразийский юридический журнал. 2012. № 6 (49). С. 127–129.
7. Бикинин И. А., Поезжалов В. Б. Некоторые спорные вопросы изменений и дополнений, внесенных в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 12-1. С. 197–200.
8. Поезжалов В. Б. Необходимость корректировки административно-преюдициальных норм уголовного закона // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. № 4 (8). С. 54–58.
9. Поезжалов В. Б. Некоторые проблемные аспекты административно-преюдициальных норм уголовного закона // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2021. № 1. С. 260–264.
10. Поезжалов В. Б. Уголовное право. Общая часть : курс лекций. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2016. 263 с.

11. Лопатина Т. М. Проблемы правоприменения нового основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 781 УК РФ) // Адвокатская практика. 2024. № 3. С. 27–30.
12. Гордейчик С. А., Егорова Н. А. Освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 78.1 УК: спорные вопросы // Законность. 2024. № 7. С. 44–48.
13. Биккинин И. А., Поезжалов В. Б. Некоторые проблемные аспекты обстоятельств, исключающих преступность деяния, применительно к деятельности сотрудников правоохранительных органов // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 10-2. С. 154–159.
14. Лопашенко Н. А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2023 г. // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 1. С. 69–81.
15. Поезжалов В. Б. Изменения уголовного законодательства в свете требований системности и целостности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 2 (92). С. 79–84.

REFERENCES

1. Poezzhalov V. B., Filippov O. A. Changes in the criminal law and state security // Eurasian Law Journal. 2022. No. 8 (171). P. 237–238. (In Russ.)
2. Poezzhalov V. B. Changes in the criminal law: a critical analysis of individual provisions // Criminal policy in modern Russia: state and development prospects : collection of materials from the All-Russian scientific and practical conference. Ufa : Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. P. 75–77. (In Russ.)
3. Poezzhalov V. B. Certain aspects of criminal-legal means of counteracting extremism // Actual problems of the fight against crime: issues of theory and practice : materials of the 26th international scientific and practical conference. Krasnoyarsk : Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. P. 186–188. (In Russ.)
4. Poezzhalov V. B. Criminal-legal means facilitating the obtaining of evidence in a criminal case // Modern problems of criminal procedure: ways of solution: collection of materials of the 4th International conference. Ufa : Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. P. 229–232. (In Russ.)
5. Poezzhalov V. B., Tlyambetov R. G. Systematicity of criminal-legal regulations // Bulletin of VEGU. 2017. No. 6 (92). P. 76–81. (In Russ.)
6. Poezzhalov V. B., Divaeva I. R. Problems of legislative regulation and qualification of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual // Eurasian Law Journal. 2012. No. 6 (49). P. 127–129. (In Russ.)
7. Bikkinin I. A., Poezhalov V. B. Some controversial issues of amendments and additions made to the current Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2020. No. 12-1. P. 197–200. (In Russ.)
8. Poezhalov V. B. The need to adjust the administrative-prejudicial norms of the criminal law // Law: Retrospect and Prospect. 2021. No. 4 (8). P. 54–58. (In Russ.)
9. Poezhalov V. B. Some problematic aspects of the administrative-prejudicial norms of the criminal law // Actual problems of the state and society in the field of ensuring the rights and freedoms of man and citizen. 2021. No. 1. P. 260–264. (In Russ.)
10. Poezhalov V. B. Criminal law. General part : lecture course. Ufa : Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 263 p. (In Russ.)
11. Lopatina T. M. Problems of law enforcement of the new grounds for exemption from criminal liability (Article 781 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Advocate practice. 2024. No. 3. P. 27–30. (In Russ.)
12. Gordeychik S. A., Egorova N. A. Exemption from criminal liability on the basis of Article 78.1 of the Criminal Code: controversial issues // Legality. 2024. No. 7. P. 44–48. (In Russ.)
13. Bikkinin I. A., Poezzhalov V. B. Some problematic aspects of circumstances excluding the criminality of an act, as applied to the activities of law enforcement officers // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2019. No. 10-2. P. 154–159. (In Russ.)
14. Lopashenko N. A. Main Results of Criminal Legislation Reform in 2023 // Russian Law: Education, Practice, Science. 2024. No. 1. P. 69–81. (In Russ.)

15. Poezzhalov V. B. Changes in Criminal Legislation in Light of the Requirements of Systematicity and Integrity // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2 (92). P. 79–84. (In Russ.)

Информация об авторах:

Поезжалов В. Б. – кандидат юридических наук, доцент;
Шондилов Р. Х. – без ученой степени.

Information about the authors:

Poezhalov V. B. – Candidate of Law, Associate Professor;
Shondirov R. Kh. – no academic degree.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 05.11.2024; принята к публикации 28.11.2024.

The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 05.11.2024; accepted for publication 28.11.2024.

Научная статья
УДК 343.133.05(470)

Аделина Асхатовна Хайбуллина
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, adele.hajbullina@yandex.ru

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ
ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РСФСР 1922 Г.**

Аннотация. Исследование посвящено уголовно-правовому анализу ретроспективы обвинительного заключения согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 года (далее – УПК РСФСР¹). Рассматриваются отдельные положения содержания обвинительных документов на примере архивных дел. Сравниваются структура и уголовно-процессуальные аспекты итогового обвинительного документа предварительного следствия по УПК РСФСР и по действующему Уголовно-процессуальному кодексу. В ходе исследования анализируются сходства и различия, порядок формулирования обвинения, а также правоприменительная практика составления документа. В заключительной части подводятся итоги, выявляются общие тенденции совершенствования обвинительного заключения с нормативной и правоприменительной сторон.

Ключевые слова: обвинительное заключение, сравнительно-правовой анализ, Уголовно-процессуальный кодекс 1922 года, предварительное следствие, ретроспектива, структура и содержание, формулирование обвинения

Для цитирования: Хайбуллина А. А. Сравнительно-правовой анализ обвинительного заключения по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации и Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 4 (20). С. 84–92.

Original article

Adelina A. Khajbullina
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, adele.hajbullina@yandex.ru

**COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE INDICTMENT DOCUMENT
ACCORDING TO THE CRIMINAL PROCEDURE CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CRIMINAL PROCEDURE CODE
OF THE RUSSIAN SOCIALIST FEDERATIVE SOVIET REPUBLIC**

Abstract. The research is devoted to the criminal law analysis of the retrospective of the indictment according to the norms of the Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1922. Separate provisions of the contents of the indictment documents are considered on the example of archival cases from the period of adoption of this document. The structure and criminal procedural aspects of the final indictment of the preliminary investigation under the Criminal Procedure Code of 1922 and the current Criminal Procedure Code are comparable. The study analyzes similarities and differences, the procedure for formulating charges, as well as the law enforcement practice of drafting a document. The final part summarizes the results, identifies general trends in improving the indictment from the regulatory and law enforcement side.

¹ Об Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР : постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Keywords: indictment, comparative legal analysis, Criminal Procedure Code of 1922, preliminary investigation, retrospective, structure and content, formulation of the charge

For citation: Khajbullina A. A. Comparative legal analysis of the indictment document according to the criminal procedure code of the Russian Federation and the criminal procedure code of the Russian Socialist Federative Soviet Republic // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 4 (20). P. 84–92. (In Russ.)

Введение

Сутью обвинительного заключения в уголовно-процессуальном законодательстве России справедливо выступает полное и всестороннее отражение существенных обстоятельств дела, содержание правильной юридической оценки данных обстоятельств, на основе которых суд постановляет приговор [1, с. 152]. Это в решающей степени обусловлено не только структурой и содержанием данного процессуального документа, но и спецификой его исторического становления, эволюционного пути уголовно-процессуального развития, который наделил обозначенный документ юридической силой и процессуальным значением. Для нас наибольший интерес в этом отношении представляют именно процесс становления данного процессуального акта, выделения положительного и отрицательного опыта составления обвинительного заключения в ходе осуществления предварительного следствия по уголовным делам в разные исторические периоды для внедрения положительного опыта в целях совершенствования формулирования обвинения по уголовным делам.

Методы

Исторический метод в юриспруденции является основополагающим и общенаучным для подавляющего большинства исследований. Ретроспективный анализ позволяет выявить черты и особенности эволюционного становления институтов и норм права, их эффективности, органичности процессов. Открывается более четкое представление о явлениях, если рассматривать их естественное зарождение и развитие, выявляя и сопоставляя уровни, произошедшие изменения, определяя тенденции развития. Перспективным при использовании данного метода является и то, что появляется возможность

«заглянуть за горизонт» и спрогнозировать некоторые изменения, характеристики интересующих институтов и норм. При этом в рамках анализа ретроспективы становится возможным рассчитать вероятность возникновения правовых проблем и некоторые параметры их решения.

По мнению ученых, для успешного историко-сравнительного анализа критерием должна выступать общность предмета исследования по однородному родовому признаку, то есть проводить сравнение наиболее логично между однородными предметами в различных исторических эпохах [2, с. 102]. На основе рассмотрения эквивалентных правовых институтов и их динамики развития можно провести исторические параллели, установить сходства и различия и наметить общие тенденции развития объекта исследования.

Помимо исторического и сравнительно-правовых методов, большую роль в исследовании играют общенаучные методы: дедукция и индукция, анализ и синтез. Метод аналогии способствует открытию нового уровня сравнения двух законодательных систем, а количественно-статистический анализ – работе с архивными уголовными делами для выявления определенных тенденций и явлений уголовного процесса времен начала XX века и его нынешнего состояния.

Результаты

Актуальным для детального анализа и применения данного метода в настоящий момент является исследование процессуальной природы и содержания сформулированного обвинения по уголовному делу именно в предварительном следствии. Итоговым процессуальным актом расследования в современном предварительном следствии является обвинительное заключение. Оно содержит в себе сформулированное и уточ-

ненное обвинение по уголовному делу в отношении лица, совершившего преступление, предусмотренное статьей Уголовного кодекса Российской Федерации. Этими же признаками обладает обвинительное заключение согласно УПК РСФСР.

Рассматривая данный источник уголовно-процессуальных норм, отметим несколько его особенностей, которые позволяют ему стать наиболее подходящим объектом для сравнения:

1. УПК РСФСР был первым кодифицированным источником уголовно-процессуальных норм в истории отечественного законодательства. По мнению автора, для ретроспективного анализа достаточно эффективным будет сравнить первый кодифицированный источник процессуальных норм и последний, то есть ныне действующий.

2. УПК РСФСР был построен на основе Устава уголовного судопроизводства 1864 года (далее – Устав¹). Предшествующий процессуальный порядок предварительного следствия в сфере обвинительного заключения успел зарекомендовать себя, его нормы впервые были основаны на принципах уголовного судопроизводства, утвержденных вышеуказанным актом [3]. Законодатель в постреволюционный период принял решение не отвергать успешно существовавший уголовно-процессуальный порядок составления и реализации обвинительного заключения. Несмотря на политические события в государстве того времени, в условиях которых «устаревшие» основы в корне отрицались и беспалляционно заменялись новыми, принятое уголовно-процессуальное законодательство не отвергло основные идеи и исходящие из них нормы права.

3. По сравнению с Уставом, нормы процессуального кодекса 1922 года предусматривали необходимость указания и установления мотивов совершения преступления обвиняемым, что существенно

влияло на раскрытие субъективной стороны состава преступления. Так, в ст. 214 УПК РСФСР прописано, что в обвинительном заключении должны быть обозначены фамилия, отчество и имя обвиняемого, его прозвище, возраст, судимость, классовая принадлежность, род занятий. О событиях преступления требовались следующие сведения: место, время, способ совершения, его мотивы в случае возможности их установления. Кроме того, впервые в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве именно в УПК РСФСР появились требования к разделению и дифференциации содержания частей обвинительного заключения на описательную часть (первую) и резолютивную (вторую). Первая часть включала в себя подробное описание событий преступления и обстоятельств дела, с учетом доказательств, на которые ссылается обвинитель. Вторая часть содержала данные о личности, объективной и субъективной сторонах состава преступления. Именно в УПК РСФСР 1922 года итоговый документ предварительного следствия впервые получил название «обвинительное заключение».

Используя исторический метод и анализируя динамику становления обвинительного заключения в уголовно-процессуальном законодательстве начала XX века и современного Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ²), можем выделить несколько основных направлений для сравнения:

1. Структура обвинительного заключения. Норма ст. 214 УПК РСФСР строго устанавливает описательную и результивную части обвинительного заключения. Первая излагала обстоятельства дела, установленные предварительным следствием, с указанием имеющихся доказательств. Уже впоследствии во второй части документа законодатель того времени предусмотрел

¹ Устав уголовного судопроизводства Российской Империи от 20 ноября 1864 г. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 23.03.2024). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

указание характеризующего материала об обвиняемом, его мотивов и состава преступления. Действующий же УПК РФ не предусматривает нормативную регламентацию подобных структурных особенностей. Существующие требования к структуре обвинительного заключения указаны в ст. 220 УПК РФ и последовательно излагаются в содержании документа.

Анализ имеющейся литературы позволяет нам отметить, что современное обвинительное заключение состоит из вводной и описательной частей, при этом данные о личности и характеризующий материал об обвиняемом указываются до описания событий преступления. Э. Н. Алимамедов считает подобное построение структуры обвинительного заключения наиболее эффективным ввиду отсутствия необходимости повторно указывать данные об обвиняемом и квалификации. Такое построение структуры считается некоторыми учеными наиболее логичным, ведь сначала приводятся данные о том, кто и в чем обвиняется, а затем детальное обоснование обвинения [4, с. 188]. Приведенная точка зрения имеет смысл и поддержана многими учеными-процессуалистами. При этом существует и противоположная точка зрения. Э. Р. Галимов отмечает, что все данные о личности должны быть вынесены за пределы вводной части обвинительного заключения и отражены в резолютивной. Описательно-мотивировочная же часть также должна содержать все обстоятельства преступления [5, с. 42]. Данная точка зрения представляется нам наиболее обоснованной, так как при ознакомлении с материалами обвинительного заключения судом или прокурором в рамках существующей структуры документа в первую очередь оценивается личность обвиняемого с его характеристиками в виде наличия или отсутствия судимости, его семейного положения или места работы. Описательно-мотивировочная часть, содержащая в себе обстоятельства преступного посягательства и характер вины, указывается после, хотя должна, по нашему мнению, оцениваться прежде всего лишь с учетом характеристики обвиняемого.

Справедливо, на наш взгляд, оценивать именно деяние, лишь впоследствии обращаясь к характеристике лица, что положительно повлияет на объективность выносимого решения. Помимо этого, более логичным по структуре будет нахождение данных об обвиняемом непосредственно перед указанием смягчающих и отягчающих обстоятельств. Похожей точки зрения придерживается и А. И. Зайцев, утверждая, что во вводной части целесообразно указывать лишь фамилию, имя и отчество обвиняемого, а данные о личности должны содержаться в резолютивной части обвинительного заключения [6, с. 21]. Сравнивая данные структурные особенности обвинительных документов разных эпох, мы пришли к выводу, что данный аспект был учтен в УПК РСФСР 1922 года.

2. Содержание обвинительного заключения. Составными элементами содержания обвинительного документа предварительного следствия в начале XX века являлись, как уже упомянуто, данные о личности, включая прозвище обвиняемого, классовую принадлежность лица как отпечаток эпохи, к которой относится данный уголовно-процессуальный документ, род занятий. В этой же части обвинительного заключения указывались место, время, способ совершения преступного посягательства, мотивы обвиняемого, если их удалось установить, потерпевший. Указание мотивов совершения преступления обвиняемым стало относительной новеллой по сравнению с предыдущим процессуальным законодательством России и свидетельствует о развитии требований к установлению вины и конкретизации обстоятельств преступления для индивидуализации и детализации наказания обвиняемого.

В резолютивной части указывались нормы уголовного закона, которые предусматривают уголовную ответственность за преступление. Прилагался список лиц, в отношении которых дело было выделено или прекращено, а также список лиц для вызова на судебное заседание. В сравнении с обвинительным заключением современности данный пункт был дополнен формулиров-

кой «список лиц, о которых дело выделено или прекращено».

Задаваясь вопросом о том, чем отличается содержание обвинительного заключения по УПК РФ от аналогичного документа УПК РСФСР, сделаем акценты на важнейших положениях. Во-первых, согласно п. 7 ч. 1 ст. 220 УПК РФ обвинительный документ по действующему процессуальному кодексу обязан содержать обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Подобное требование появилось лишь в УПК РСФСР 1960 года и не содержалось в УПК РСФСР 1922 года. Изложенное выше требование свидетельствует о движении и развитии исполнительного законодательства в сторону индивидуализации наказания для отдельного лица, признанного виновным.

Во-вторых, согласно п. 8 ч. 1 ст. 220 УПК РФ требуется установление и указание в обвинительном заключении данных о потерпевшем, характере и размере вреда, причиненного ему преступлением. Особая важность данного элемента подчеркивается в соответствии с тем, что обвинительное заключение содержит в себе комплекс последовательных действий, направленных на обеспечение прав потерпевшего, гарантий и их законных интересов при расследовании преступления [7, с. 168]. Очередным отличием между процессуальным порядком реализации прав потерпевшего по УПК РСФСР и действующим УПК является механизм вручения потерпевшему и его представителю копии обвинительного заключения согласно ч. 2 ст. 222 УПК РФ [8]. Сравнивая с аналогичными положениями УПК РСФСР 1922 года, приходим к выводу о том, что обвинительное заключение не содержало положений, отражающих данные о характере и размере вреда, причиненного потерпевшему преступлением, и сведений о нем, а также о порядке вручения копий обвинительного заключения участникам судопроизводства.

Такое положение дел может свидетельствовать о недостаточной защищенности прав потерпевшего на указанной стадии уголовного процесса на данный исторический период России. УПК РФ предусматривает

своим назначением защиту лиц, потерпевших от преступлений. Нормы процессуального кодекса РСФСР 1922 года не имели подобной направленности. Разумеется, ст. 14 УПК РСФСР содержала право потерпевшего на предъявление гражданского иска к обвиняемому и лицам, ответственным за причиненные обвиняемым вред и убытки. Предъявляемый иск рассматривался параллельно с уголовным делом. При этом назначением и смыслом уголовного судопроизводства в то время было акцентированное применение наказания к виновному и его кара [9]. В юридической литературе советского периода одной из целей уголовного судопроизводства определялось восстановление социальной справедливости. Частной задачей процесса В. Т. Томин выделял восстановление причиненного преступлением вреда, заглаживание его любым иным способом [10, с. 51]. П. 9 ч. 1 ст. 220 УПК РФ требует указание в содержании обвинительного заключения сведений об истце и гражданском ответчике. Аналогичный по смыслу акт 1922 года хоть и не предусматривает указание вышеупомянутых сведений в заключении, но нормативно закрепляет возможность реализации гражданского иска как на любом этапе предварительного следствия по уголовному делу, так и на судебном заседании.

Заключительным отличием обвинительных документов прошлого и настоящего, несомненно, является определенная юридическая техника, которой руководствуется следователь в наши дни и которой порой пренебрегалось в прошлом. Современные ученые, проводившие исследования по этому вопросу, утверждают, что при формулировании обвинительного тезиса из фактических обстоятельств дела стоит выделять лишь существенные, которые должны четко соотноситься с признаками инкриминируемого деяния и раскрывать их. Формулировка обвинения должна быть описана так, чтобы из нее логично вытекала определенная правовая оценка [11, с. 53].

При ближайшем рассмотрении обвинительное заключение времен принятия УПК РСФСР 1922 года обладало своими специ-

фическими особенностями речи той эпохи, политической и исторической обстановки. Для проведения более глубокого анализа нами были изучены уголовные дела периода принятия УПК РСФСР (с 1922 по 1930 год). В процессе исследования были выявлены следующие особенности и закономерности в содержании обвинительных документов уголовных дел вековой давности:

Отсутствие в текстах обвинительных заключений подробного разбора действий обвиняемых в группе лиц, сведений об их ролях и конкретных деяниях. Формулировки обвинений содержат общие положения о едином деянии, по которым судье остается лишь догадываться о характере преступного вклада каждого из участников преступной группы, наличии умысла на совершение преступления в составе группы, заранее определенной договоренности между участниками и непосредственном участии каждого в выполнении данных действий. Обвинительное заключение содержало такие формулировки: «...первым был выведен военком Звездин Алексей, каковой был исколот вилами до полусмерти, вслед за ним также был выведен продработник Воробьев, последний был убит насмерть на выходе вслед за ним был выведен второй брат Звездин Василий, которого тоже избили до полусмерти, и так пострадать от побоев пришлось без исключения всем...»¹.

Анализируя данные положения, приходим к выводу о том, что остается не уточненным, какие конкретно лица какие конкретно деяния совершали. Более того, характер нанесения вреда здоровью был обозначен формулировкой «до полусмерти» и не дифференцирован для каждого из нескольких потерпевших. Дальнейшее положение обвинительного заключения содержит предложение поясняющего характера, которое вроде и объясняет характер ролей в преступной группе, но не дает ответов на вопросы об умысле, предварительной договоренности и характере непосредственного участия

каждого из членов: «...при производстве следствия оказалось: что главными зачинщиками избиения являлись гр-не Н., М., И., А. (и другие), первые из восьми человек которые были участниками избиения, а также агитаторами среди повстанцев, последние в числе четырех человек пристрелили братьев Звездиных: Алексея и Василия». Из приведенного можем наблюдать, что содержание данного обвинительного заключения не отражает значимые для выяснения обстоятельств преступления. Из обозначенных положений трудно сделать обоснованное заключение о характере вины лиц, совершивших преступление и, соответственно, назначить справедливое и соразмерное наказание для виновных. Между тем при составлении современных обвинительных заключений ученый-процессуалист Э. Н. Алимamedов считает, что вина обвиняемых в ходе формулировки обвинения в описательно-мотивировочной части должна быть индивидуализирована с указанием того, в чем конкретно каждый обвиняется, какова роль и преступный вклад каждого [4]. Отмечается также, что следователь при составлении обвинительного заключения по обвинению группы лиц должен представить собственную структурную конструкцию формулирования обвинения, в которой наиболее эффективно и упорядоченно будет отражена информация о характере и роли каждого из участников [12, с. 58].

Отсутствие в тексте обвинительного заключения описания вины лица в преступном посягательстве и сформулированного умысла. При изложении событий соблюдается хронология, однако отсутствует причинно-следственная связь между возникновением умысла и непосредственными действиями лица, которые могли бы охарактеризовать сущность вины и побуждений лица. Так, резолютивная часть обвинительного заключения 1928 года содержит следующую формулировку: «...гр. Р. 75 лет, не судим, беспартийный, семейный, имеет одну

¹ Обвинительное заключение по уголовному делу № 96/148 по обвинению граждан Н., М., И., А. и др. по ст. 58 и 64 Уголовного кодекса от 8 октября 1925 года // Национальный архив Республики Башкортостан.

лошадь и одну корову, происходящий из крестьян М. кантона, изобличается в том, что в мае 1921 года в д. А. путем дачи взятки лесничему Т. в 1 пуд гороха пользовался казенным лесом, то есть действия М. и Р. составляет преступление, предусмотренное ст. 114 УК...». Сравнивая данную формулировку с действующим порядком составления обвинения лица, можем прийти к выводу о том, что правоприменитель времен УПК РСФСР не обременял себя установлением как характера вины обвиняемого, так и в целом субъективной стороны состава преступления. Однако С. М. Ибрагимовым отмечается, что согласно уголовному законодательству, действующему в период принятия УПК РСФСР, при определении меры наказания следовало различать в каждом конкретном случае: «...г) совершено ли преступление из низменных, корыстных побуждений или без таковых...» [13, с. 4]. В приведенном примере можем наблюдать пробелы в нормах права, так как суд при вынесении решения опирался на факты, изложенные в обвинительном заключении, в котором, исходя из норм процессуального закона, были не предусмотрены требования к установлению характера вины обвиняемого [14, с. 50].

Помимо основных отличительных особенностей, преобладали такие специфические черты обвинительных тезисов, как описание событий, не имеющих значения при формулировании обвинения, использование специфических словесных оборотов, обозначающих время, места и состав преступной группы: «в начале ржаной страды», «шайка бандитов из двух молодых татар».

Таким образом, специфические особенности обвинительного заключения по УПК РСФСР делают данный документ уникальным и самобытным ввиду некоторых исторических и нормативных отличительных черт.

Заключение

Обобщая вышесказанное, можем сделать вывод о том, что уголовно-процессуальное законодательство 1922 года в

области регулирования требований к обвинительному заключению было основано на Уставе уголовного судопроизводства, при этом содержало в себе основные черты обвинительного заключения современности. Частные вопросы уголовного судопроизводства, которые еще не нашли своего отражения в заключении по УПК РСФСР 1922 года, такие как обозначение смягчающих и отягчающих обстоятельств, характера и размера ущерба, данных о гражданском истце и ответчике, можем назвать «зарождающимися» в законодательстве того времени и требующими большей практической реализации и правоприменения. Обращаясь к обвинительным заключениям по уголовным делам той эпохи, отметим, что свою функцию они выполняли, определяя к тому же по возможности и мотивы лица. На основе этого становится возможным определить, что УПК РСФСР 1922 года стал толчком к совершенствованию реализации назначения обвинительного заключения с нормативной точки зрения. Некоторые современники считают, что действующей нормативной регламентации обвинительного заключения не хватает утверждения структурного порядка. Определяя основные тенденции к совершенствованию обвинительного заключения, можем выделить такие черты, как индивидуализация и детализация требований к данному документу, которые выражаются в уточнении данных о характере деяния, учете последствий посягательства, реализации прав потерпевшего. По нашему мнению, необходимо излагать факторы, которые стали причиной совершения преступления, в качестве реализации превентивных мер по профилактике преступлений. Любые изменения заключительного обвинительного документа должны исходить в первую очередь из потребностей правоприменителя и для реализации прав участников уголовного судопроизводства, поэтому необходим тесный контакт с практикой для совершенствования законодательства в области применения итогового акта предварительного следствия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гумеров Т. А. Механизм принятия обвинительного заключения. Проблемы, теория и практика // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11. № 1. С. 152–159.
2. Моргачева Е. Н. Сравнительно-исторический метод. Обзор подходов к классификации в общественных науках // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2016. № 2 (4). 2016. С. 102–114.
3. Калюжный А. Н., Чаплыгина В. Н. Сравнительный анализ предварительного расследования по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 года // Актуальные проблемы Российского права. 2015. № 1. С. 155–160.
4. Алимamedов Э. Н. Структура и содержание обвинительного заключения как отражение его социальной и функциональной направленности // Вестник Московского университета МВД России. Юридические науки. 2015. № 10. 187–191.
5. Галимов Э. Р. Совершенствование обвинительного заключения как способ трансформации уголовного судопроизводства // Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 1. С. 40–46.
6. Зайцев А. А. Типичные ошибки следователя при формировании обвинительного заключения по уголовному делу // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 18–26.
7. Иванов Д. А. Деятельность следователя, дознавателя по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением при принятии решения о направлении уголовного дела в суд // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 166–171.
8. Голова С. И. Процессуальная деятельность следователя по уведомлению участников уголовного судопроизводства об окончании предварительного следствия с обвинительным заключением // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 166–170.
9. Зверева Ю. Н. Доказывание характера и размера вреда, причиненного преступлением : автореф. дис. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2015. 31 с.
10. Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М. : Юридическая литература. 1991. 240 с.
11. Логинова Н. Г., Федорова Е. А. Особенности юридической техники составления постановления о привлечении в качестве обвиняемого // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2019. № 1. С. 47–54.
12. Иванов Д. А. Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений : монография. М. : Издательство «Юрлитинформ», 2009. 136 с.
13. Ибрагимов С. М. К вопросу о низменном мотиве преступления // Российский следователь. 2007. № 9. С. 1–5.
14. Гуськова А. П., Муратова Н. Г. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства. М., : 2005. 110 с.

REFERENCES

1. Gumerov T. A. The mechanism for accepting an indictment. Problems, theory and practice // Actual problems of economics and law. 2017. Vol. 11. No. 1. P. 152–159. (In Russ.)
2. Morgacheva E. N. Comparative historical method. Review of approaches to classification in social sciences // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Psychology. Pedagogy. Education”. 2016. No. 2 (4). 2016. P. 102–114. (In Russ.)
3. Kalyuzhny A. N., Chaplygina V. N. Comparative analysis of preliminary investigation under the Charter of Criminal Procedure of 1864 and the Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1922 // Actual problems of Russian law. 2015. No. 1. P. 155–160. (In Russ.)
4. Alimamedov E. N. The structure and content of the indictment as a reflection of its social and functional orientation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Legal sciences. 2015. No. 10. 187–191. (In Russ.)
5. Galimov E. R. Improving the indictment as a way to transform criminal proceedings // Legal paradigm. 2023. Vol. 22. No. 1. P. 40–46. (In Russ.)
6. Zaitsev A. A. Typical mistakes of the investigator when forming the indictment in a criminal case // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3. P. 18–26. (In Russ.)

7. Ivanov D. A. Activities of the investigator, inquiry officer to ensure compensation for harm caused by a crime when deciding to send a criminal case to court // Bulletin of Economic Security. 2017. No. 4. P. 166–171. (In Russ.)

8. Golova S. I. Procedural activities of the investigator to notify participants in criminal proceedings about the end of the preliminary investigation with an indictment // Society and Law. 2014. No. 3 (49). P. 166–170. (In Russ.)

9. Zvereva Yu. N. Proving the nature and extent of harm caused by a crime: abstract. dis. ... Cand. of Law. Nizhny Novgorod, 2015. 31 p. (In Russ.)

10. Tomin V. T. Sharp angles of criminal proceedings. Moscow : Legal Literature. 1991. 240 p. (In Russ.)

11. Loginova N. G., Fedorova E. A. Features of the legal technique for drafting a resolution on bringing in as an accused // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin. 2019. No. 1. P. 47–54. (In Russ.)

12. Ivanov D. A. Protection of the rights and legitimate interests of legal entities that have suffered from crimes by the investigator : monograph. Moscow : Yurlinform Publishing House, 2009. 136 p. (In Russ.)

13. Ibragimov S. M. On the issue of the base motive of the crime // Russian investigator. 2007. No. 9. P. 1–5. (In Russ.)

14. Guskova A. P., Muratova N. G. Judicial law: history and modernity of the judiciary in the sphere of criminal proceedings. Moscow, 2005. 110 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Хайбуллина А. А. – адъюнкт.

Information about the author:

Khajbullina A. A. – adjunct.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024; одобрена после рецензирования 05.09.2024; принята к публикации 28.11.2024.

The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 05.09.2024; accepted for publication 28.11.2024.

Научная статья
УДК 332.12:338.1(470.57)

**Танзиля Ахтямовна Даутова¹,
Айгуль Радиковна Шабрина²**
*^{1,2} Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия*
² shabrina1990@bk.ru

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ:
МОНИТОРИНГ ПОКАЗАТЕЛЕЙ**

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-экономического развития Республики Башкортостан в условиях современных вызовов и угроз. В исследовании рассматриваются ключевые социально-экономические показатели, характеризующие состояние региона на текущий момент. Выявлены значимые макроэкономические тенденции, которые непосредственно влияют на результаты развития республики и последующие перспективы. Основное внимание уделено определению факторов, способствующих устойчивому развитию региона, что является критически важным для формирования эффективной стратегической модели управления. Исследование направлено на выявление взаимосвязей между различными экономическими показателями и их воздействием на долговременные процессы, что позволит глубже понять динамику изменений и разработать соответствующие рекомендации для оптимизации социально-экономической политики.

Ключевые слова: санкция, потенциал, инвестиции, ВРП, положительная динамика, социально-экономическое развитие, дефицит кадров, естественная убыль, мониторинг, безработица

Для цитирования: Даутова Т. А., Шабрина А. Р. Социально-экономическое развитие Республики Башкортостан в условиях современных вызовов и угроз: мониторинг показателей // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. № 4 (20). С. 93–101.

Original article

Tanzilya A. Dautova¹, Aigul R. Shabrina²
*^{1,2} Ufa University of Science and Technology,
Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia*
² shabrina1990@bk.ru

**SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT
OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN
IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES AND THREATS:
MONITORING OF INDICATORS**

Abstract. The article is devoted to monitoring the socio-economic development of the Republic of Bashkortostan in the context of modern challenges and threats. The study analyzes key socio-economic indicators characterizing the current state of the region. Significant macroeconomic trends have been identified that directly affect the results of its development and subsequent prospects. The main attention is paid to identifying factors contributing to the sustain-able development of the region, which is critical for the formation of an effective strategic management model. The study is aimed at identifying the relationships between various economic indicators and their impact on long-term processes, which will allow us to better understand the dynamics of change and develop appropriate recommendations for optimizing socio-economic policy.

Keywords: sanctions, potential, investments, GRP, positive dynamics, socio-economic development, personnel shortage, natural decline, monitoring, unemployment

© Даутова Т. А., Шабрина А. Р., 2024

For citation: Dautova T. A., Shabrina A. R. Socio-economic development of the Republic of Bashkortostan in the context of modern challenges and threats: monitoring of indicators // Society, law, statehood: retrospective and prospect. No. 4 (20). P. 93–101. (In Russ.)

Введение

Республика Башкортостан является одним из крупнейших регионов России и важным экономическим центром Уральского экономического района. В 2022 г. республика испытала воздействие новых, весьма серьезных глобальных вызовов, которые оказали влияние на различные секторы ее экономики. Специальная военная операция, проводимая Россией на территории Украины, вызвала обострение геополитической ситуации, сопровождающееся жесткими экономическими мерами со стороны государств Запада [1]. Внедрение беспрецедентной санкционной политики затронуло не только экономику страны в целом, но и конкретно Башкортостан, где такие отрасли, как нефтегазовая, химическая и машиностроительная, оказались в центре санкционного давления [2]. Эти меры ограничили экспортные возможности, что отражается на финансовых потоках и перспективах развития предприятий. Кроме того, противостояние на международной арене негативно сказалось на денежно-кредитной системе региона, приведя к значительным изменениям в привычных финансовых операциях. В результате вышеописанных процессов цепная реакция экономических последствий привела к изменению бизнес-ландшафта, в том числе к уменьшению иностранных инвестиций и утрате доступа к современным технологиям, что создает необходимость пересмотра стратегий и адаптации местной экономики к новым условиям для обеспечения устойчивого роста и конкурентоспособности в меняющемся глобальном контексте.

Актуальность темы обусловлена необходимостью анализа и выявления тенденций социально-экономического развития региона в рамках ускоренной адаптации к изменившимся условиям использования имеющегося у Республики Башкортостан потенциала для сохранения стабильности экономики и продолжения устойчивого развития.

Предметом исследования выступает процесс мониторинга показателей, определяющих социально-экономическое развитие Республики Башкортостан.

Основной задачей данного научного анализа является изучение динамики социально-экономических показателей, а также идентификация ключевых тенденций и проблем, встающих на пути дальнейшего прогресса региона.

Исследование фокусируется на выявлении как позитивных, так и негативных факторов, влияющих на экономическую стабильность и социальное благополучие.

Специфика работы включает в себя детальную оценку существующих данных, что позволяет сформировать комплексное представление о текущем состоянии дел в республике.

Полученные результаты послужат основой для предложения стратегических направлений, которые обеспечат гармоничное развитие республики в будущем, с учетом всех вызовов и возможностей, возникающих в современных условиях.

Методы

Основными методами исследования являются сравнение и критический анализ статистических данных и научных источников по обозначенной теме.

Результаты

Мониторинг является неотъемлемой частью процессов управления региональным развитием и принимает разнообразные формы в российской практике, что позволяет решать различные информационные, аналитические и управленческие задачи [3; 4].

Оценка экономического развития региона требует применения комплекса показателей, способных отразить его многообразные аспекты. Основными индикаторами служат данные об объеме сельскохозяйственного производства, которые позволяют понять уровень продовольственной независимости и развития аграрного сектора. Объемы про-

мышленной продукции отражают производственный потенциал и структурные изменения в экономике Республики Башкортостан. Розничный товароборот выступает важным индикатором потребительской активности и уровня жизни населения, в то время как объем платных услуг отражает степень развития сектора услуг и его вклад в экономику [5].

Финансовые аспекты, такие как доходы и расходы бюджета, являются ключевыми для анализа фискальной политики и инвестиционного климата. Объемы инвестиций, включая как внутренние, так и иностранные вливания, акцентируют внимание на экономическом потенциале региона и его привлекательности для бизнеса. Уровень прибыли и рентабельности предприятий служит критерием их эффективности и способности генерировать доходы. Анализ уровня цен, а также индексов оптовых и розничных цен предоставляет необходимую информацию об инфляционных процессах и покупательской способности населения. Все эти показатели в совокупности формируют целостное представление о социально-экономической ситуации в регионе и позволяют выработать эффективные стратегии его дальнейшего развития [6].

Проведенный анализ показателей социально-экономического развития Республики Башкортостан представляет собой многоаспектную задачу, отражающую динамику и структуру экономических и социальных процессов в регионе. Включение статистики по валовому региональному продукту, уровням безработицы и доходов населения позволяет создать комплексное представление о состоянии экономики, а также выявить основные тенденции в ее развитии.

На наш взгляд, период с 2018 по 2023 г. является показательным и информативным с точки зрения замера ситуационных условий до и после начала специальной военной операции. Более того, этот период позволяет сравнивать индикаторы социально-экономического развития региона в доковидный и постковидный период (таблица 1). Средний рост по всем показателям составил 115,5 %. Среднедушевой денежный доход населения в 2023 г. по сравнению с 2021 г. увеличился на

7,6 %, а по сравнению с 2018 г. – на 26,3 %, средняя номинальная начисленная заработная плата работников фирм возросла на 32,4 % (по сравнению с 2021 г. – на 68,9 %).

Объемы выпущенной собственной продукции, выполненных работ и предоставленных услуг увеличились на 13,1 % (54,2 %). Оборот розничной торговли возрос на 14,9 % (51,7 %). Инвестиции в основной капитал возросли с 512,39 млрд руб. до 535,72 млрд рублей, что составляет рост на 26,7 % (99,9 %). Объемы продукции животноводства увеличились на 30,9 % (56,6 %), а ввод жилых домов (по квадратным метрам общей площади) вырос с 750 до 812, что соответствует увеличению на 12 % (43,9 %).

Перечисленные показатели свидетельствуют о положительной динамике в экономике региона и о том, что Республика Башкортостан обладает значительным потенциалом для дальнейшего развития. Также показатели в целом благоприятно характеризуют основу для инвестиционной деятельности в регионе (рисунок 1). Можно заметить, что за тот же период наблюдается положительная динамика инвестиций в основной капитал региона. Это свидетельствует о привлекательности региона для инвесторов. В данный период были запущены новые крупные инвестиционные проекты (ООО «Газпром Нефтехим Салават», ООО «Акрил Салават», ООО «Газпром трансгаз Уфа», ОАО «Салават-нефтемаш», ООО «НКМЗ-Групп», филиал ООО «Русджам стеклотара холдинг» в г. Уфе, АО «ИНМАН», АО «ОЗНА-Измерительные системы», ООО «Восточная арматурная компания»), что способствовало увеличению инвестиционной активности предприятий [7].

Решение проблемы с отменой механизма рассрочки платежей также способствовало увеличению объемов инвестиций в социальную сферу и строительство объектов инфраструктуры.

Обобщающим показателем экономического развития является валовый региональный продукт (далее – ВРП). На рисунке 2 представлена динамика его развития с 2011 по 2023 г. Как видим, в абсолютных значениях ВРП в 2023 г. вырос более чем в три

Основные макроэкономические показатели социально-экономического развития
Республики Башкортостан (2018–2023 гг.)¹

Показатели	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Рост 2023 к 2021, %	Рост 2023 к 2018, %
<i>Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.</i>	27586	27774,7	36988,9	32365,4	35250,6	34838	107,6	126,3
<i>Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.</i>	33572,8	36464,6	38738,1	42848,2	49459,7	56720	132,4	168,9
<i>Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, млрд руб.</i>	69620,8	72889,9	72350,2	94888,2	102659,3	107340,4	113,1	154,2
<i>Добыча полезных ископаемых, млрд руб.</i>	18193,9	18324,1	14611,8	23598,4	27295,8	27123,1	114,9	149,0
<i>Обрабатывающие производства, млрд руб.</i>	44599,5	47436,0	50017,9	662978,0	66797,0	70957,6	112,6	159,1
<i>Продукция сельского хозяйства, млрд руб.</i>	157,5	169,7	191,8	193,3	258,3	280,9	145,3	178,4
<i>Продукция растениеводства, млрд руб.</i>	65,1	72,9	88,1	82,7	124,9	136,1	164,5	209,03
<i>Продукция животноводства, млрд руб.</i>	92,4	96,8	103,5	110,5	133,4	144,8	130,9	156,6
<i>Ввод в действие жилых домов, тыс. м² общей площади</i>	564	586	610	725	750	812	112,0	143,9
<i>Оборот розничной торговли, млрд руб.</i>	879,5	931,5	912,7	1015,80	1118,0	1334,8	131,4	151,7
<i>Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций, млрд руб.</i>	213,9	237,45	115,4	345,9	374,7	421,1	121,7	196,8
<i>Инвестиции в основной капитал млрд руб.</i>	267,9	337,7	380,8	422,6	512,4	535,7	126,7	199,9

¹ Таблица составлена авторами по данным Башкортостанстата.

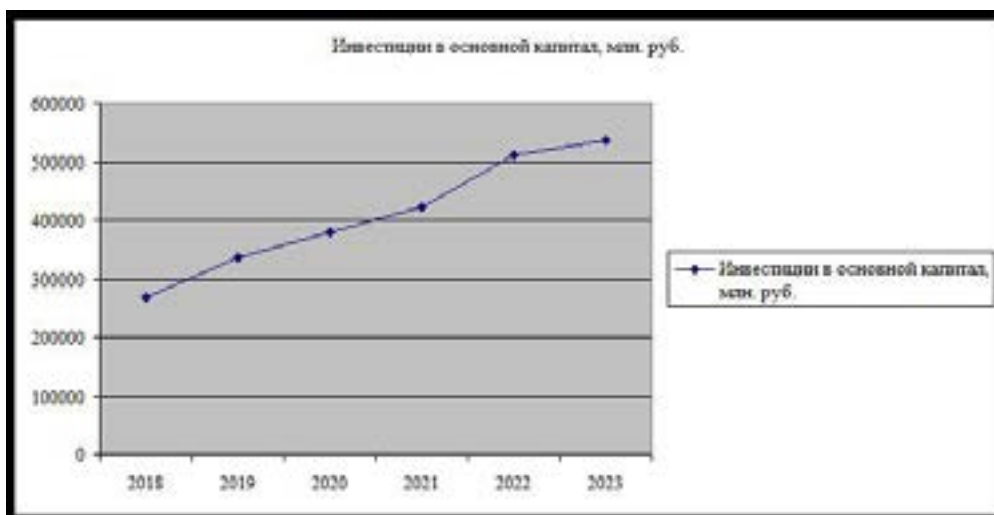

Рис. 1. Динамика инвестиций в основной капитал в Республике Башкортостан в 2018–2023 гг.

Рис. 2. Динамика ВРП Республики Башкортостан в 2011–2023 гг.

раза по сравнению с 2011 г. Отрицательная динамика индекса физического объема ВРП зафиксирована в 2021 г., очевидно, что на динамику показателей повлияла сложная эпидемиологическая ситуация, связанная с ковидом [8; 9].

ВРП Республики Башкортостан в расчете на душу населения вырос с 402,8 тыс. рублей до 549 тыс. рублей в 2022 году (таблица 2).

По итогам социально-экономического развития Республики Башкортостан первых двух месяцев 2024 г. регион уверенно закрепил положительную динамику практически во всех сферах экономики. По данным Башкортостанстата, индекс промышленного производства увеличился до 109,1 % относи-

тельно прошлого года (занимая 10-е место в Приволжском федеральном округе (далее – ПФО) и 35-е место в России). Введено в эксплуатацию на 20,6 % больше жилых домов, чем в аналогичный период прошлого года (5-е место в ПФО и 30-е место в России). Оборот оптовой торговли за этот же период увеличился на 10,9 % по сравнению с прошлым годом, а оборот розничной торговли и сектора общественного питания – на 15,4 % и 16,4 % соответственно.

В период кампании санкционного давления на Российскую Федерацию в 2022–2023 гг. Республика Башкортостан показала высокую степень устойчивости [10]. Несмотря на негативные последствия санкционного давления, регион продемонстрировал спо-

Объем валового регионального продукта (по данным Башкортостанстата)

	2020	2021	2022
<i>Валовой региональный продукт: всего млрд. рублей (в основных ценах)</i>	1694,2	2016,0	2242,6
<i>в % к предыдущему периоду (в сопоставимых ценах)</i>	94,2	102,8	101,0
<i>на душу населения, тыс. рублей</i>	420,8	492,5	549,0

способность не только сохранить существующие экономические показатели, но и значительно увеличить свой производственный потенциал в ключевых отраслях. Предприятия региона активно занимаются производством импортозамещающей продукции, что включает в себя разработку и изготовление агрегатов для сложных аэрокосмических технологий, таких как самолеты MC-21 и Sukhoi Superjet 100. Данная деятельность не ограничивается только авиационной промышленностью, но и охватывает такие важные предприятия, как «КамАЗ» и «Газпром», благодаря чему республика успешно отвечает на вызовы внешнеэкономической конъюнктуры.

Важным фактором, способствующим экономическому развитию, является активное развитие производственных кластеров, что создает новые рабочие места и стимулирует инновационные процессы. В частности, имеется положительная динамика в лесопромышленном комплексе, где государственная поддержка и инвестиции направлены на модернизацию производственных мощностей и освоение новых технологий [11]. Сложившаяся экономическая ситуация открывает перед регионом возможности для роста и дальнейшего обогащения промышленного потенциала.

Ключевым элементом в данной стратегии является наращивание масштабов производства товаров и услуг, направленных на импортозамещение. Это позволяет создать устойчивую экономическую базу, сокращая зависимость от внешних поставок и обеспечивая занятость населения. Таким образом, Республика Башкортостан имеет все шансы на реализацию долгосрочных экономических планов, что предполагает стабильное

развитие промышленности и рост ее конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках.

Также республика достигла значительных результатов, сумев не только сохранить свои лидерские позиции в ряде экономических и социальных направлений, но и наладить системную работу, ориентированную на обеспечение социальной поддержки для различных категорий граждан, включая участников специальной военной операции. Эффективная реализация мер по социальной защите населения стала возможной благодаря комплексному подходу и применению инновационных механизмов взаимодействия между государственными институтами и гражданским обществом, что позволяет оперативно реагировать на изменяющиеся условия.

Кроме того, республика активно организует поддержку для бизнеса и потенциальных инвесторов, создавая благоприятную среду для развития предпринимательства и внедрения новых технологий [12]. Следует отметить, что проявление гибкости в политике внешнеэкономических связей стало важным аспектом стратегического менеджмента, обеспечивающим привлечение зарубежного капитала и новых инвестиционных проектов. Благодаря эффективному управлению ресурсами и поддержке местного производства стало возможным значительно увеличить объемы федеральных средств, поступающих на ее территорию, что, в свою очередь, способствует укреплению экономической базы и повышению уровня жизни населения.

Эти меры в совокупности формируют устойчивый механизм для управления эконо-

мическими процессами, а также способствуют созданию открытой и конкурентоспособной экономики. Республика демонстрирует пример эффективного взаимодействия всех уровней власти и бизнеса, что является залогом дальнейшего развития и достижения новых высот на фоне текущих вызовов. Гармония социального и экономического развития, поддержка всех участников рыночной экономики формируют конкурентные преимущества и обеспечивают динамичный рост на долгосрочную перспективу.

В республике наблюдается положительная динамика показателей рынка труда: повышается уровень занятости, сокращается безработица, увеличиваются вакансии. В 2022 г. уровень общей безработицы (по методологии Международной охраны труда) составил 3,4 %, что ниже, чем в России и ПФО (3,8 % и 3,1 % соответственно) [13].

Однако в развитии региона есть и проблемы. В целом они касаются социально-демографического развития. Основной проблемой последних лет является естественная убыль населения на фоне низкой рождаемости (9,1 промилле на 1000 человек в 2022 г.). С 2010 по 2022 г. число жителей республики сократилось почти на 60 тыс. чел. По современным меркам это численность среднего города. Естественная убыль в 2022 г. составила 3,1 промилле со знаком минус [14; 15].

Демографическая ситуация во многом зависит от миграции населения, которая, в свою очередь, влияет на общую региональную численность, состав и квалификацию рабочей силы. Миграционная активность населения республики всегда была высокой. За последние 10 лет в регионе наблюдалась устойчивая миграционная убыль (только в 2013 и 2021 гг. в республику больше прибыло, чем выбыло) [15]. Основную часть выбывающих из региона составили люди трудоспособного возраста, в 2022 г. среди выехавших их доля составила более 56 %. Главные причины миграции связаны с выбытием на работу или на учебу. Наибольшую миграционную активность проявляет молодежь, ищущая возможности для реализации

своих потребностей в образовательной и профессиональной сферах, а также для поиска оптимальных вариантов для сочетания личной жизни с профессионально-трудовой деятельностью [13].

Старение населения и сокращение рождаемости приводит к сокращению трудового потенциала региона и дефициту рабочей силы. Рынок труда республики, как и страны в целом, становится трудодефицитным и характеризуется квалификационным дисбалансом. Так, наибольший спрос на рынке труда в 2022/2023 гг. был на рабочие профессии, а почти половина соискателей, обращающихся в Центр занятости населения, искали работу в области бизнеса и администрирования, права, гуманитарных наук и культуры, что свидетельствует о явном перекосе на рынке труда республики [13].

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать факт позитивной конструктивной динамики развития экономических процессов в Республике Башкортостан за последние 10 лет. Данная тенденция имеет системный характер, о чем свидетельствует доминирующая роль позитивных характеристик на фоне наличия проблемных зон в экономике. Представляется важным, на наш взгляд, разработать два целевых плана: план поддержки позитивных тенденций (с соответствующей финансовой поддержкой) и план санации тех социально-экономических и демографических проблем, которые несут с собой достаточно серьезные угрозы (миграционный отток высокоперспективной для развития экономической сферы республики молодежи, демографические перекосы, незапланированные издержки (переделки некачественно выполненных работ, коррупционные издержки и др)).

Таким образом, мониторинг показателей социально-экономического развития республики за обозначенный период создает уверенность в укреплении и продолжении позитивной динамики роста экономического потенциала республики в прогнозируемом временном лаге.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Печаткин В. В. Влияние санкционной политики стран Запада на социально-экономическое развитие регионов России // Известия Уфимского научного центра РАН. № 4. 2022. С. 91–100.
2. Ахунوف Р. Р. Региональная проекция развития национальной экономики в условиях санкционного давления: экономическая устойчивость и социальные вызовы (на примере Республики Башкортостан) // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 3. С. 66–74.
3. Щербакова Е. В. Основные элементы процесса управления экономическим потенциалом региона // Проблемы и перспективы экономики и управления : материалы VIII Международной научной конференции. СПб. : Свое издательство, 2021. С. 25–28.
4. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2022 год: [Ежегодник]. Вып. 1 (202) / В. Н. Бобков [и др.] ; отв. ред. В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина. М. : ИЭ РАН, 2023. 166 с.
5. Ганин О. Б., Шляпина М. В. Финансовые показатели экономической безопасности региона как элемент системы оценки эффективности деятельности органов власти субъекта Федерации (на примере Пермского края) // Ars Administrandi (Искусство управления). 2019. Том 11. № 1. С. 44–73. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-1-44-73.
6. Демчук О. В., Арефьева С. Г. Прибыль и рентабельность предприятия: сущность, показатели и пути повышения // Проблемы экономики и менеджмента. № 8 (48). 2015. С. 6–9.
7. Трофимова Н. В., Мамлеева Э. Р., Сазыкина М. Ю. Социально-экономическое развитие Республики Башкортостан: тенденции и перспективные направления // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2023. № 1. С. 265–280.
8. Байрушина Ф. Ф. Совершенствование инструментария мониторинга социально-экономического развития региона : дис. ... канд. эконом. наук. Санкт-Петербург, 2022. 188 с.
9. Даутова Т. А. Социальные последствия пандемии ковид-19 (по материалам Республики Башкортостан) // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 4 (166). С. 120–126.
10. Ахунوف Р. Р. Экономическое развитие Республики Башкортостан: результаты, тенденции и вызовы // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2024. № 2. С. 60–67.
11. Чекунов А. Государственная поддержка импортозамещения в лесопромышленном комплексе Российской Федерации как необходимое условие устойчивого развития отрасли // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2021. № 1. С. 103–117.
12. Лаврик А. Д. Бизнес в Республике Башкортостан: возможности и вызовы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 8 (102). С. 103–105.
13. Даутова Т. А. Некоторые проблемы рынка труда региона и пути их решения (на примере Республики Башкортостан). Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России : материалы XVI Международной научно-практической конференции. Уфа : ИСЭИ УФИЦ РАН, 2024. С. 433–438.
14. Даутова Т. А. «Вызовы и ответы» на демографическую ситуацию в Республике Башкортостан : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции «Демографические чтения. Проблемы и тенденции демографического развития России и ее регионов». Уфа, 2020. С. 206–209.
15. Даутова Т. А. Анализ реализации национального проекта «Демография» в регионе: проблемы и перспективы (на материалах Республики Башкортостан) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 3 (60). С. 76–84.

REFERENCES

1. Pechatkin V. V. The Impact of the Sanctions Policy of Western Countries on the Socioeconomic Development of Russian Regions // Bulletin of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. No. 4. 2022. P. 91–100. (In Russ.)
2. Akhunov R. R. Regional Projection of National Economy Development in the Context of Sanctions Pressure: Economic Stability and Social Challenges (on the Example of the Republic of Bashkortostan) // Economy and Management: Scientific and Practical Journal. 2023. No. 3. P. 66–74. (In Russ.)

3. Shcherbakova E. V. Key Elements of the Process of Managing the Economic Potential of a Region // Problems and Prospects of Economy and Management: Proceedings of the VIII International Scientific Conference. St. Petersburg : Your own Publishing House, 2021. P. 25–28. (In Russ.)
4. Monitoring of Income and Living Standards of the Population of Russia – 2022: [Yearbook]. Issue. 1 (202) / V. N. Bobkov [et al.]; ed. V. N. Bobkov, A. A. Gulyugina. M. : IE RAS, 2023. 166 p. (In Russ.)
5. Ganin O. B., Shlyapina M. V. Financial indicators of regional economic security as an element of the system for assessing the effectiveness of the authorities of a constituent entity of the Federation (using the Perm Territory as an example) // Ars Administrandi (The Art of Management). 2019. Vol. 11. No. 1. P. 44–73. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-1-44-73. (In Russ.)
6. Demchuk O. V., Arefieva S. G. Profit and profitability of an enterprise: essence, indicators and ways to improve // Problems of Economics and Management. No. 8 (48). 2015. P. 6–9. (In Russ.)
7. Trofimova N. V., Mamleeva E. R., Sazykina M. Yu. Socio-economic development of the Republic of Bashkortostan: trends and promising directions // Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences. 2023. № 1. P. 265–280. (In Russ.)
8. Bayrushina F. F. Improving the toolkit for monitoring the socio-economic development of a region: dis. ... Cand. of Economy. St. Petersburg, 2022. 188 p. (In Russ.)
9. Dautova T. A. Social consequences of the covid-19 pandemic (based on the materials of the Republic of Bashkortostan) // Economy and Management: scientific and practical journal. 2022. № 4 (166). P. 120–126. (In Russ.)
10. Akhunov R. R. Economic development of the Republic of Bashkortostan: results, trends and challenges // Economy and management: scientific and practical journal. 2024. No. 2. P. 60–67. (In Russ.)
11. Chekunov A. State support for import substitution in the forestry complex of the Russian Federation as a necessary condition for sustainable development of the industry // Bulletin of FEFU. Economy and management. 2021. No. 1. P. 103–117. (In Russ.)
12. Lavrik A. D. Business in the Republic of Bashkortostan: opportunities and challenges // Economy and business: theory and practice. 2023. No. 8 (102). P. 103–105. (In Russ.)
13. Dautova T. A. Some problems of the regional labor market and ways to solve them (on the example of the Republic of Bashkortostan). Innovative technologies for managing the socio-economic development of Russian regions: materials of the XVI International scientific-practical conference. Ufa : ISEI Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2024. P. 433–438. (In Russ.)
14. Dautova T. A. “Challenges and responses” to the demographic situation in the Republic of Bashkortostan: a collection of articles from the All-Russian scientific-practical conference “Demographic readings. Problems and trends in the demographic development of Russia and its regions”. Ufa, 2020. P. 206–209. (In Russ.)
15. Dautova T. A. Analysis of the implementation of the national project “Demography” in the region: problems and prospects (based on the materials of the Republic of Bashkortostan) // Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023. No. 3 (60). P. 76–84. (In Russ.)

Информация об авторах:

Даутова Т. А. – кандидат социологических наук, доцент;
Шабрина А. Р. – без ученой степени.

Information about the authors:

Dautova T. A. – Candidate of Sociology, Associate Professor;
Shabrina A. R. – no academic degree.

Статья поступила в редакцию 30.07.2024; одобрена после рецензирования 19.10.2024; принята к публикации 28.11.2024.

The article was submitted 30.07.2024; approved after reviewing 19.10.2024; accepted for publication 28.11.2024.

Научная статья
УДК 316.323.2:316.46

Урал Абубакирович Кашапов¹, Тимур Фуатович Сулейманов²

¹ ФКП Образовательное учреждение № 145, Уфа, Россия, ural.kashapov.2014@mail.ru

² Комиссия по канонизации святых Уфимской епархии Башкортостанской митрополии РПЦ МП, Уфа, Россия, suleimanov1957@mail.ru

**СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ВОЖДИЗМА
В ЭВОЛЮЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ
(ЧАСТЬ I)**

Аннотация. Целью настоящей статьи является рассмотрение общих причин и условий возникновения раннего протогосударственного органа власти – института военного вождя, – вытекающих из организационных особенностей первичных, присущих позднеродовому обществу видов этнической общности – семье, роду, фратрии, линиджу и, наконец, племенным и межплеменным союзам. Это сопровождалось рассмотрением властно-организационных и политико-управленческих процессов, происходивших в них. Кризис управляемости в этнических общностях на последнем этапе своего существования привел к глубокой трансформации объекта управления (родовой общины) и утрате властных возможностей управляющего субъекта. Выходом из него стало создание в рамках племени постоянно действующего властного органа, основанного не на локальном (общинно-родовом), а на территориальном принципе. Социально-экономические и политические процессы эпохи позднего родового строя обусловили ситуацию, когда таким органом мог быть только институт военного вождя.

Ключевые слова: семья, род, линидж, фратрия, племя, вождь, вождизм, вождество

Для цитирования: Кашапов У. А., Сулейманов Т. Ф. Становление института вождизма в эволюционном процессе развития человеческих общностей (часть I) // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 4 (20). С. 102–110.

Original article

Ural A. Kashapov¹, Timur F. Suleimanov²

¹ FKP Educational Institution No. 145, Ufa, Russia, ural.kashapov.2014@mail.ru

² Commission for the Canonization of Saints of the Ufa Diocese of the Bashkortostan Metropolitanate of the Russian Orthodox Church MP, Ufa, Russia, suleimanov1957@mail.ru

**FORMATION OF THE INSTITUTION OF LEADISM
IN THE EVOLUTIONARY PROCESS OF DEVELOPMENT
OF HUMAN COMMUNITIES
(PART I)**

Abstract. The purpose of this article is to consider the general causes and conditions of the emergence of the early proto-state authority – the institution of the military leader, which arise from the organizational

© Кашапов У. А., Сулейманов Т. Ф., 2024

features of the primary types of ethnic community inherent in the post-modern society – family, clan, phratry, lineage, and finally, tribal and intertribal unions. This was accompanied by a review of the administrative-organizational and political-management processes that took place in them. The crisis of manageability in them at the last stage of its existence led to a deep transformation of the object of management (tribal community) and the loss of the power of the governing subject. The way out of it was the creation of a permanent government body within the tribe, based not on the local (communal-tribal) principle, but on the territorial principle. The socio-economic and political processes of the era of the late tribal system determined the situation when such a body could be only an institution of a military leader.

Keywords: family, clan, lineage, phratry, tribe, chief, chiefdom, chiefdom

For citation: Kashapov U. A., Suleymanov T. F. Formation of the institution of leaderism in the evolutionary process of development of human communities (part I) // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 4 (20). P. 102–110. (In Russ.)

Введение

Исследование генезиса, природы и форм проявления такого социально-политического феномена, как вождизм, требует обращения к исторической ретроспективе, а конкретнее – к происхождению и развитию властно-управленческих отношений этого института, которые сложились в позднеродовом периоде становления межличностных отношений, тех взаимосвязей, которые проявились между управляющими и управляемыми. Рассмотрение этих взаимосвязей должно продуцироваться через раскрытие такого понятия, как «вождество».

Вождество (в английской транслитерации – chiefdom) является особенным, специфически и исторически оформленным способом организации власти (потестарной организации) позднепервобытного общества, исторически обусловленным и иерархическим, а также социополитическим [1, с. 112]. Опорой потестарной власти являются нравственно-психологический и действительно (порой физически) поддерживаемый другими членами сообщества личный авторитет вождей, жрецов и старейшин, а не формальный авторитет должностей, кроме того, обычаи и традиции, сложившиеся в

общине. Новые нормы в силу сложившихся традиций не могли быть введены вождями, старейшинами, жрецами и подконтрольными им собраниями [2, с. 12].

Характерной и неперменной чертой для системы вождества была власть вождей – институционально установленных наследственных лидеров, поставленных по их личным качествам руководителями в хозяйственной, социально-потестарной, часто обрядовой и идеологической сферах жизнедеятельности сообщества. В доклассовых и раннеклассовых обществах именно потестарность (от лат. potestas – власть, мощь) представляла собой форму организации общественной власти и именно в тех сообществах, которые не имели политически организованных государственных институтов и атрибутов, а также в обществах, в которых преобладали силовые, неправовые публично-властных институты¹.

Потестарность как социальное явление находила свое осуществление в жизнедеятельности родоплеменных и общинных властей, которые проявлялись в различных формах: военная демократия, тайные мужские союзы, власть «больших людей». Правовой обычай выступал неперменным и всеобъемлющим модусом потестарности².

¹ Неразрывная связь правового содержания и юридической формы позволяет сформулировать два значения термина «обычное право» как в неюридическом смысле «протоправо», так и в чисто юридическом «правовой обычай». Это дает основание считать, что генезис обычного права начинается с обычной нормы, которая на определенном этапе развития общества выступает индикатором важнейших, жизненно необходимых социальных ситуаций, действует в отношении всех, кто подпадает под ее содержание, и что в дальнейшем она переходит в разряд норм позитивного права.

² Потестарная организация // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. М. : Большая российская энциклопедия, 2004–2017.

Непременным критерием для уяснения сущности феномена вождизма представляется изучение общих причин и условий возникновения, а также организационных специфических черт наиболее раннего протогосударственного органа власти – института военного вождя. Кризис позднего родового строя обусловил исторический генезис указанного института [3, с. 53], которому сопутствовал рост властно-управленческих функций во всех формах общностей протогосударственных образований – от семьи до союза племен.

Методы

С помощью сравнительно-исторического метода были выявлены общее и особенное в становлении и развитии этнических общностей, познание различных исторических ступеней развития одного и того же явления или двух разных сосуществующих явлений, в частности, семьи, рода, фратрии, линиджа, племени. Этот метод позволил выявить и сопоставить уровни в развитии изучаемых объектов, произошедшие изменения, определить тенденции развития. Сравнительно-сопоставительный метод, который является составной частью сравнительно-исторического метода, позволяет исследовать природу этих разнородных объектов; историко-типологическое сравнение объясняет сходство не связанных по своему происхождению явлений одинаковыми условиями их генезиса и развития.

Результаты

В ходе содержательного анализа указанных процессов было установлено, что родоплеменные органы власти во всех формах общностей на последнем этапе своего существования столкнулись с таким неизбежным явлением, как несбалансированность и неизбежность вырождения процесса управляемости, порожденного глубокой бифуркацией в точке взаимоотношений объекта управления (родовой общины) и управляющим субъектом, утрачивавшим властные возможности.

Создание в рамках племени постоянно действующего властного органа, основанного не на локальном (общинно-родовом), а на территориальном принципе позволило преодолеть кризис управляемости. Социально-экономические и политические процессы эпохи позднего родового строя сформировали определенные обстоятельства, что отвечающим насущным требованиям времени мог стать только такой орган, каким представлялся институт военного вождя. Рассмотрим, как в каждой форме человеческого общежития – от семьи до более крупных объединений – происходили процессы трансформации властно-управленческих отношений.

В период позднеродовой общины произошли значительные демографические сдвиги. Структура родовой общины по мере качественного и количественного преобразований усложняется [4, с. 119], хотя в ее основе оставалась такая общность соплеменников, как род. Основу этой многосложной и разветвленной общинной системы составляло несколько родов. В силу этого со временем укореняется обычай экзогамии¹, остается в неприкосновенности и строго соблюдается [5, с. 89–99].

Тем не менее важнейшая роль отводится первичной институциализируемой (конечно, в рамках периода становления протогосударственного образования) социальной форме совместной жизни людей – семье.

Все исторические формы межличностного общения и существования: групповая матриархальная семья (половые связи между всеми мужчинами и женщинами), большая семья (община во главе с патриархом-предводителем), парная семья (неустойчивый союз мужчины и женщины), малая патриархальная семья (беспрекословное подчинение отцу), нуклеарная семья (супружеская пара с детьми, не состоящими в браках) – претерпевали значительные трансформации и в них в частности происходили изменения в ролевых отношениях [6, с. 106].

¹ Экзогамия (др.-греч. εξω «вне, снаружи» + γάμος «брак») – заключение брака за пределами определенной социальной группы, чаще всего родственной (например, рода, фратрии, клана, линиджа). На ранних стадиях социальной эволюции была особенно жестко санкционирована.

На первых этапах развития человеческого сообщества главенствующая роль принадлежала женщине – это так называемая эпоха матриархата. По женщине определялся род. Ей на смену идет, как известно, патриархат. Здесь уже возобладали мужчины (отец, муж, сын) – единоличный собственник и хозяин. Структура семьи, определяемая из совокупности кровно-родственных, ролевых, материально-имущественных, духовно-нравственных, религиозных, правовых (система табу и т. д.), межэтнических и других отношений, делала крен от псевдодемократических в сторону авторитарных¹.

Следует отметить факт продолжающегося господства парного брака на стадии позднепервобытной общины, в которой расторжение связей происходило по взаимному желанию. В тех племенах, где

преимущественно господствовало раннее производящее хозяйство², практиковалась полигиния³ и ее разновидность – сороратный брак⁴, при котором большое значение имел женский труд. В племенах же охотников, рыболовов и собирателей господствовала полиандрия⁵ – преимущественно левиратный брак⁶, в котором добытчиком средств пропитания предстает мужчина. Поощрялась и практиковалась свобода добрых связей – девушке необходимо было доказать свою фертильность⁷. Продолжительное время браки оставались кросскузенными⁸, которые со временем почти исчезли. Определялось местоположение брачного поселения в позднепервобытной общине как в матрилокальной⁹, так и патрилокальной¹⁰ или уксорилокальной¹¹ и вирилокальной¹² формах.

¹ Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Мн. : Изд. В. М. Скакун, 1998. С. 609.

² История хозяйства и материальной культуры (в первобытном и раннеклассовом обществе) : учебное пособие. М. : Издательство МГУ, 1979. 304 с.

³ Полигиния (от др.-греч. πολύ- «много-» и γυνή «жена»), многоженство – термин, который может означать многоженство (применительно к людям). См. : Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 1969–1978. Т. 20.

⁴ Сороратный брак – это тип брака, при котором муж вступает в брак или сексуальные отношения с сестрой своей жены, обычно после смерти своей жены или если его жена оказалась бесплодной.

⁵ Многомужество или полиандрия (др.-греч. πολύ- «много» + от ἀνήρ родит. п. ἀνδρός «муж») – редкая форма полигамии, при которой женщина состоит в нескольких брачных союзах с разными мужчинами.

⁶ Левиратный брак – это вид брака, при котором брат умершего мужчины обязан жениться на вдове своего брата. Левиратные браки практиковались в обществах с сильной клановой структурой, в которых экзогамные браки (т. е. браки вне клана) запрещены.

⁷ Фертильность (лат. fertilis – «плодородный, плодovitый») – способность половозрелого организма производить жизнеспособное потомство. Противоположно понятиям «бесплодие», «стерильность».

⁸ Кросскузенный брак (англ. marriage, cross-cousin; нем. Kreuz-Vet-tern-Kusinen-Ehe) – брак, заключаемый между детьми брата и сестры, т. е. между двоюродными родственниками, связанными кровнородственной связью через родителей противоположного пола.

⁹ Матрилокальный брак (от латинских mater, родительный падеж matris – мать и locus – место), матрилокальное поселение – распространенная в условиях материнско-родового строя форма брачного поселения, при которой муж переходит на жительство в общину жены. Матрилокальный брак (первая форма совместного проживания брачной пары) ведет к превращению родовой общины в матрилинейную.

¹⁰ Патрилокальный брак (от лат. pater – отец и locus – место) – установившееся в этнографии наименование формы брачного поселения, при которой жена переходит на жительство в общину или в дом мужа. Более точное название такого брака – вирилокальный (от лат. vir – муж). Патрилокальный брак обычно возникал при переходе от материнского рода к отцовскому роду.

¹¹ Уксорилокальность (от лат. uxor – жена и locus – место) – норма брачного поселения супругов, при которой молодые живут там, где до брака постоянно жила невеста. Она противопоставляется вирилокальности. Когда уксорилокальность повторяется из поколения в поколение, то женщины одной матрилинейной родственной группы (см. матрилинейность) оказываются живущими вместе; в этом случае можно говорить о матрилокальности.

¹² Вирилокальность (от лат. vir – муж и locus – место) – норма брачного поселения, при которой молодожены поселяются там, где до брака жил жених. Вирилокальность противопоставляется уксорилокальности. Когда вирилокальность повторяется из поколения в поколение, то мужчины одной патрилинейной группы оказываются живущими вместе, в этом случае можно говорить о патрилокальности.

Патрилокальные общества охотников и собирателей относились к примитивным присваивающим хозяйствам, а более стабильные и стационарные матрилокальные сообщества перешли к новым видам ведения хозяйства. Противоречие состояло в том, что развитие престижной экономики способствовало переходу к патрилокальности. Движущим механизмом в переходном процессе стала распространившаяся авункулокальность¹ – поселение с мужскими родственниками, но не со стороны отца, а со стороны матери. В означенный период между двумя этническими общностями – парной семьей² и родовой общиной усиливалось противостояние; чем более крепкими оставались общинно-родовые связи, тем слабее была семья, а чем более укреплялась семья, тем слабее становилась родовая община [6, с. 238].

Следует обратить внимание на социально-экономические условия существования парной семьи. Ее социальные (в сфере взаимоотношений в самой семье) и хозяйственные функции претерпели существенные изменения: они несколько расширились в силу общественной и биологической эволюции, но по сравнению с общинно-родовой организацией она, как и прежде, играла несоизмеримо меньшую роль. Это проявлялось в имущественных отношениях, а поскольку основным имуществом оставалась земля, то она не была обособлена, отделена от родовой собственности [7, с. 502–588].

Совместно с парными существовали большие материнские семьи или домохозяй-

ства. Их характеризует матрилокальность³ или авункулокальность, нередко также дислокальность⁴ или амбилокальность. Крепкие связи с братьями и, соответственно, с дядьями по матери достигались именно в силу доминирующего положения женщины в большой семье (авункулат)⁵. Такое проживание отмечается не только в ранний период истории древнеримской цивилизации, но и в период империи, особенно существенно при передаче власти [8, с. 89–148]. Авункулат возникает уже в период матриархата, когда главенствующими мужчинами нередко становились не мужья, а братья женщин. Позже следы авункулата часто сохраняются как воспоминание о более тесной связи племянника с дядей по матери, а не по отцу. Как мы видим, главенствующая роль по-прежнему остается за женщиной и, соответственно, властно-управленческие функции, особенно в сфере имущественных отношений, остаются за ней же. Большие материнские семьи продолжили свое существование в период позднеродовой общины, но не как рудимент на теле общины, а как вариант параллельного бытия, нередко доживавший до эпохи классовообразования [9, с. 576]. В них зарождался процесс экономической обособленности от родовой общины, но не так ускоренно, чем в парных семьях. Частнособственнические тенденции неизбежно проникали в коллективистические отношения и вели к их разложению.

Процесс развития моногамного брака был ускорен с возникновением частной

¹ Авункулокальность (от лат. avunculus – дядя) – поселение у дяди (брата матери мужа) или в его группе.

² Парный брак – существовавшая при первобытнообщинном строе форма единобрачия. Отличался от позднейшей моногамии тем, что основанная на нем семья не составляла особой экономической ячейки. Отсюда легкая расторгимость, непрочность парного брака. По наиболее распространенной теории, парный брак пришел на смену групповому браку, почему и широко дополнялся такими его пережитками, как терпимое отношение к добрачным и внебрачным связям, существование наряду с «основными» «дополнительных» жен и мужей. По другой теории, парный брак, сочетавшийся с элементами групповых отношений между полами, был древнейшей формой брака. См.: Першиц А. И. Ранние формы семьи и брака в освещении советской этнографической науки // СЭ. 1967. № 2. С. 157–163.

³ Матрилокальность – этногр., тип семейного уклада, при котором супруги живут в семье жены.

⁴ Дислокальность (в лат. dis- – разделительный префикс) – супруги живут каждый в своем родовом поселении; амбилокальность (от лат. ambi – оба) – молодые по выбору, в зависимости от разных обстоятельств, селятся там, где до брака жил жених, либо там, где жила невеста.

⁵ Авункулат (от лат. avunculus «дядя по матери») – традиция особой близости между человеком и братом его матери, относящаяся в основном к периоду, когда происходил переход от материнского рода к отцовскому.

собственности, породившей собственническую форму моногамии. Ее наиболее характерные признаки: приоритет утилитарных представлений (накопление собственности и передача ее по наследству) над всеми другими (психологическими, нравственными, эстетическими); порабощенность женщин: принудительность супружеской верности.

В повседневном быту эти изменения коснулись статусов и функциональных обязанностей членов семьи – постепенно установились патриархальные порядки с явно выраженным характером гендерного и возрастного неравенства – мужчин и женщин, старших и младших. Возникший издавна обычай левирата¹ обеспечивал порядок, по которому даже после смерти мужа вдова продолжала принадлежать его семье. Что касается мужа, то за ним оставалась прежняя половая свобода – отзвук промискуитета². Состоятельные люди могли позволить себе иметь в своем распоряжении рабынь-наложниц и таким образом более или менее широко практиковалось обычное многоженство. Прочно установилась патриархальная мораль, основывающаяся на мужском эгоизме и своеобразно осознаваемое мужчинами право собственности.

Не лучшим оказывалось и положение младших по возрасту и статусу мужчин, которые постепенно все больше попадали в зависимость от старших и прежде всего от главы семьи. Неподчинение, выказывание непокорности, самостоятельности влекло за собой лишение наследства, изгнание из дома, продажу в рабство или даже смерть³.

Отношения доминирования-подчинения в архаичных семейно-родственных коллективах были весьма рельефно и ярко выражены во всем. Социальная жизнь людей в различных сферах и общественных явлениях: хозяйственно-экономическая деятельность, бытовая и художественная культура, досуг, питание, телесное и межличностное поведение, этикет, конфликты и насилие [10] были подвержены пластичности властно-управленческих отношений, оставаясь в сфере их контроля и подчинения.

Одним из важнейших ресурсов и источников власти, а также средством достижения ее являлось экономическое благополучие, обеспечивавшееся через приобретенные умения, навыки в хозяйственно-экономической сфере. Прирожденный статус властных полномочий через наследование титулов и успешное овладение умениями и навыками (особенно в военном искусстве) позволял человеку в позднеродовой период значительно повысить свой статус в сообществе и был фактором, обеспечивающим пластичность власти.

Родственные отношения, выстраиваемые человеком, также отличавшиеся гибкостью в силу различных причин (от экономических до психологических), оказывали существенное влияние на пластичность властно-управленческих отношений

Еще одним источником власти являлось ритуальное знание, которое способствовало повышению самооценки и престижа индивида в первобытном обществе. Соответственно, приобретенный таким образом ста-

¹ Левират (от лат. *levir* «деверь, брат мужа»), ужичество, амангерство (от каз. *амангерлік, эмегерлік*) – брачный обычай, свойственный многим народам на стадии патриархально-родового строя, по которому вдова была обязана или имела право вступить вторично в брак только с ближайшими родственниками своего умершего мужа, в первую очередь – с его братьями. В представлении отдельных народов левират выступал одним из средств продолжения рода умершего ближайшими родственниками. В различных вариантах левирата усилены или ослаблены элементы обязанности и права на стороне как вдовы, так и ее потенциальных мужей. См. : Советская энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1938. 832 с.

² Промискуитет (от лат. *prōmiscuus* «без разбора», «общий») – беспорядочная, ничем и никем не ограниченная половая связь со многими партнерами. Термин применяется в двух различных значениях: для описания предполагаемой формы половых отношений в первобытном человеческом обществе до образования семей и для описания беспорядочных половых связей индивида. Подробно : Морган Л. Г. Древнее общество. Рипол Классик, 2013. 369 с.

³ Это находит отражение даже в позднее время, к примеру, в царскую эпоху древнего Рима и позже. См. : Гребенюк А. В. Указ. соч. С. 113.

туса человека позволял ему наращивать свой властный ресурс. Приобщение к ритуальному знанию осуществлялось с помощью мимезиса¹.

Очевидно, что с нарастанием частнособственнических тенденций происходят трансформация в структуре родственных отношений и пластичность властно-управленческих и организационно-консолидирующих форм человеческого общежития, наблюдаются видоизменения в сторону жесткого руководства общиной, причем с тенденцией маскулинности – преобладания мужского начала.

Со временем у некоторых народов родоплеменная структура усложняется – появляется новая социальная прослойка, так называемые линиджи (англ. lineage – происхождение, род), получившие большое распространение в сложных негосударственных (а также архаических государственных) обществах формы устройства родственных объединений с присущей таким сообществам либо отцовской, либо материнской филиацией², основанные на генеалогическом принципе.

Линидж решал определенные правовые и организационные проблемы: повседневная жизнь родственников, решение конфликтных ситуаций на основе обычаев. По мнению современного исследователя, родство далеко не всегда развивалось до статуса господствовавшего типа социальных отношений. Для этого требовались особые условия и прежде всего сохранение некоторой преемственности в бытии первобытных людей [11].

Властно-иерархические отношения в линиджах как формах родственных объединений получали свое дальнейшее развитие в рамках родственных связей в качестве подчиненных социальных отношений. Однако вышеописанный путь образования более обширных, чем малая семья, родственных групп был не единственным.

Формирование таких объединений сопровождалось полным распадом классических родов и соответствующим постепенным отмиранием характерных для них коллективистских традиций. В подобных обстоятельствах роль основного социального организма в остаточных родоплеменных сообществах начинала играть малая семья-домохозяйство.

Появление избыточного продукта и личных богатств привели к тому, что институт главенства стал испытывать воздействие также и имущественных факторов. У ряда племен Меланезии, Юго-Восточной Азии, а в менее выраженной форме Северной Америки и Африки появился особый вид лидеров – так называемые большие или значительные люди. В международной научной терминологии за ними закрепилось название бигменов. Это были мужчины, выделявшиеся своим богатством и щедростью, выдвигавшие их на первый план в условиях широкого развития престижной экономики [12, с. 273].

Заключение

Таким образом, можно отметить, что становление новых человеческих общностей и в итоге бюрократических обществ происходило в истории на базе нескольких пограничных форм. Каждой из них соответствовали свои типы исходных элементов: неоклассическая родовая община (отличавшаяся от классической частичной индивидуализацией хозяйствования), линидж и малая семья, а также и типы господствовавших внутри них связей людей: родовой, родственный, соседский.

Каждая из этих форм оказывалась основной в определенный период; внешними условиями этих процессов выступали природно-географическая среда и особенности мест обитания. Для запуска процессов «потестаризации» и бюрократизации внутренне необходимо было лишь одно: возникновение больших и сложных обра-

¹ Мимезис, или мимезис, (др.-греч. μίμησις — подобие, воспроизведение, подражание) – один из основных принципов эстетики, в самом общем смысле – подражание искусства действительности.

² Филиация (от лат. filialis — сыновний, филиал) – термин для обозначения развития чего-нибудь в преемственной связи и в прямой зависимости.

зований. Соответственно, семью и линидж как социальные образования можно считать переходными формами на пути становления и укрепления все более укореняющейся

властной организации преобладания одних членов сообщества над большинством соплеменников и ступенью к утверждению института вождизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. История первобытного общества / Общие вопросы / проблемы антропосоциогенеза / отв. ред. Ю. В. Бромлей ; АН СССР ; Ордена дружбы народов Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : Наука 1983. 431 с.
2. Грачев Н. И. Публичная власть как политико-правовая категория: понятие, основные признаки и формы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. 11/1. С. 8–18.
3. Прохоров А. В. К вопросу о возникновении протогосударственного органа власти – института военного вождя // Государственная служба. 2018. Т. 20. № 6. С. 53–58.
4. Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. М. : Наука, 1989. 448 с.
5. Бутовская М. Л. Эволюция человека и его социальной структуры // Природа. 1998. № 9. С. 87–99.
6. Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М. : Мысль, 1974. 309 с.
7. История первобытного общества: эпоха первобытной родовой общины / В. П. Алексеев, Ю. И. Семенов, Л. А. Файнберг и др. ; отв. ред. Ю. В. Бромлей ; АН СССР, Ин-т этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : Наука, 1986. 572 с.
8. Гребенюк А. В. Рим: путь к империи. От латенов до Христа. М. : Вече, 2019. 352 с.
9. История первобытного общества. Эпоха классообразования / отв. ред. Ю. В. Бромлей. М. : Наука, 1988. 568 с.
10. Тайлор Э. Первобытная культура. М. : «Политиздат», 1989. 576 с.
11. Хоцей А. С. Теория общества. Философская проза: в 3 т. / ред. В. В. Кузьмин. Казань : Издательство «Матбугат йорты», 1999. Т.1 : Методология. Становление общества. 1999. 464 с.
12. Алексеев В. П., Першин А. И. История первобытного общества. 6-е изд. М. : АСТ : Астрель, 2007. 350 с.

REFERENCES

1. History of primitive society / General issues / problems of anthroposociogenesis / ed. Yu. V. Bromley ; USSR Academy of Sciences ; Order of Friendship of Peoples, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography. M. : Nauka 1983. 431 p. (In Russ.)
2. Grachev N. I. Public power as a political and legal category: concept, main features and forms // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. 11/1. P. 8–18. (In Russ.)
3. Prokhorov A. V. On the issue of the emergence of a proto-state authority – the institution of a military leader // Public Service. 2018. Vol. 20. No. 6. P. 53–58. (In Russ.)
4. Alekseev V. P. Historical anthropology and ethnogenesis. M. : Nauka, 1989. 448 p. (In Russ.)
5. Butovskaya M. L. Evolution of Man and His Social Structure // Priroda. 1998. No. 9. P. 87–99. (In Russ.)
6. Semenov Yu. I. The Origin of Marriage and Family. M. : Mysl, 1974. 309 p. (In Russ.)
7. History of Primitive Society: the Era of the Primitive Tribal Community / V. P. Alekseev, Yu. I. Semenov, L. A. Fainberg, et al. ; ed. Yu. V. Bromley ; USSR Academy of Sciences, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography. M. : Nauka, 1986. 572 p. (In Russ.)
8. Grebenyuk A. V. Rome: the Path to Empire. From the La Tènes to Christ. M. : Veche, 2019. 352 p. (In Russ.)
9. History of primitive society. The era of class formation / ed. Yu. V. Bromley. M. : Nauka, 1988. 568 p. (In Russ.)
10. Taylor E. Primitive culture. M. : Politizdat, 1989. 576 p. (In Russ.)
11. Hotsey A. S. Theory of society. Philosophical prose: in 3 volumes / ed. V. V. Kuzmin. Kazan : Matbugat Yorty Publishing House, 1999. Vol. 1: Methodology. Formation of society. 1999. 464 p. (In Russ.)

12. Alekseev V. P., Pershin A. I. History of primitive society. 6th ed. M. : AST : Astrel, 2007. 350 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Кашапов У. А. – кандидат исторических наук;

Сулейманов Т. Ф. – кандидат философских наук, доцент.

Information about the authors:

Kashapov U. A. – Candidate of History;

Suleymanov T. F. – Candidate of Philosophy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 11.10.2024; принята к публикации 28.11.2024.

The article was submitted 10.09.2024; approved after reviewing 11.10.2024; accepted for publication 28.11.2024.

Научная статья
УДК 351.741.08:17.022.1(470)

Файрушина Маргарита Зуфаровна
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, pr_rb@inbox.ru

ИМИДЖ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ВАЖНЕЙШИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Аннотация. В работе исследован имидж сотрудника органов внутренних дел как важнейший аспект формирования общественного мнения. Автор приходит к выводу о том, что имидж сотрудника органов внутренних дел играет значимую роль. Формирование его как положительного явления общественного мнения представляет собой социальный процесс взаимодействия представителей правоохранительных органов с населением, отражение уровня его доверия, оценку эффективности деятельности и положительного к нему отношения.

Ключевые слова: имидж, сотрудник, общественность, формирование, общество, поведение, реакция, деятельность, поведение, эмоции

Для цитирования: Файрушина М. З. Имидж сотрудника органов внутренних дел как важнейший аспект формирования положительного общественного мнения // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 4 (20). С. 111–116.

Original article

Margarita Z. Fairushina
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, pr_rb@inbox.ru

THE IMAGE OF AN EMPLOYEE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES AS THE MOST IMPORTANT ASPECT OF THE FORMATION OF HIS IMAGE

Abstract. The paper examines the image of an employee of the internal affairs bodies as an important aspect of the formation of public opinion. The author comes to the conclusion that the image of an employee of the internal affairs bodies plays an important and significant role, its formation as a positive phenomenon of public opinion is a social process of interaction between representatives of law enforcement agencies with the population, reflecting the level of their trust, evaluating the effectiveness of their activities and positive attitude towards them.

Keywords: image, employee, public, formation, society, behavior, reaction, activity, behavior, emotions

For citation: Fayrushina M. Z. Image of an employee of the internal affairs bodies as the most important aspect of the formation of positive public opinion // Society, law, statehood: retrospective and prospect. 2024. No. 4 (20). P. 111–116. (In Russ.)

Введение

Актуальность темы исследования заключается в том, что имидж сотрудника органов внутренних дел является важным индикатором выполнения его служебных обязанностей. Вербальные и невербальные механизмы взаимодействия сотрудников с

обществом формируют их поведенческие реакции и оценку.

Реформирование органов внутренних дел положило начало формированию нового образа полицейского. Принятие новой законодательной базы, повышение денежного довольствия, обеспечение форменным об-

мундированием изменили социальный статус и восприятие сотрудника ОВД к службе, заложив основу для формирования нового образа полицейского.

Правоохранительная деятельность сотрудника органов внутренних дел характеризуется высокой степенью интенсивности, дисциплинированности, борьбой с нежелательными и асоциальными явлениями в обществе. Часто сотрудник органов внутренних дел, выполняя ту или иную служебную задачу, подвергает себя и свою жизнь опасности и риску, сталкивается с различными ситуациями при взаимодействии с гражданами, порой неприятными, где необходимо применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие. В данных обстоятельствах сотрудник формирует у населения позитивный или негативный образ. Если он заступает за гражданина, защищает его от преступника, вылавливает мошенника или «карманника», то в глазах общественности он представляется героем, борцом, победителем, то он получает положительную характеристику. В случае, если сотрудник по отношению к гражданам применяет физическую силу и огнестрельное оружие при их непослушании, то это вызывает осуждение деятельности сотрудников. Исследования последних лет показывают положительную динамику в формировании имиджа со стороны общественности, что является несомненным показателем успешного ведения деятельности и требует его научного изучения.

Несмотря на исследования в области имиджа, работ как таковых, посвященных вопросу формирования положительного имиджа сотрудника органов внутренних дел, практически не существует. Также отсутствует исследование, посвященное проблеме формирования положительного общественного мнения к имиджу сотрудника органов внутренних дел.

Методы

В ходе проведенного исследования автором были использованы методы анализа и синтеза, исторический, системный и структурно-функциональные методы, общенауч-

ный диалектический метод познания и логический методы исследования.

Общенаучный диалектический метод познания заключается в исследовании имиджа как общезначимого явления, выраженного в рассмотрении данного понятия с различных точек зрения, изучения его дефиниции, подходов.

Логический метод исследования нашел отражение в последовательном изложении материала при соблюдении хронологической последовательности.

Результаты

В условиях обострения экономических и социально-политических конфликтов предъявляются особые требования к деятельности органов правопорядка и правоохранительных организаций. Они находят свое отражение в формировании имиджа как того или иного ведомства или организации в целом, так и отдельных его сотрудников, представляющих ведомства или правоохранительные организации [1]. Исследование имиджа сотрудников имеет особый интерес, так как данное явление носит многосторонний характер.

Органы внутренних дел включают в себя полицию, сотрудники которой наиболее тесно взаимодействуют с гражданами, поэтому к ним предъявляются повышенные требования. В частности, в статье 9 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» общественное мнение о деятельности полиции называется одним из основных критериев оценки их работы. Оно связано с имиджем органов внутренних дел и отражает степень доверия граждан к органам власти [2, с. 16].

Создание положительного имиджа ОВД – одно из приоритетных направлений работы властных правоохранительных структур [3, с. 5].

Сотрудник органов внутренних дел как представитель исполнительной ветви власти находится на службе и выполняет задачи государства, деятельность которого «предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства,

для противодействия преступности, охраны общественного порядка и для обеспечения общественной безопасности»¹, стоит на страже закона, соблюдает законность, честно и добросовестно выполняет свои обязанности, проявляет профессионализм при несении службы, дисциплинирован, борется с коррупцией и коррупционными проявлениями в жизни и обществе, разного рода преступлениями, является примером для своих коллег и общества в целом. Добросовестное, честное исполнение своих обязанностей является примером для общества, формирует общественное мнение и положительное отношение к сотруднику полиции. Исполняя долг перед Отечеством, сотрудник обязан воплощать в себе положительный имидж.

Следует также отметить, что имидж сотрудника занимает особое место в ряду проблем, имеющих непосредственное отношение к правоприменительной деятельности, и является важнейшей составляющей его профессионализма, что напрямую зависит от системы отношений, оценок и мнений, доминирующих среди населения, сформированных по отношению к системе правоохранительных органов [4, с. 188–189].

Для определения понятия «имидж сотрудника органов внутренних» дел необходимо обратиться к его дефиниции и разобрать данный феномен с точки зрения исследования авторов.

Обратимся к дефиниции понятия «имидж». Имидж – представление о чем-нибудь облике, образе². В связи с этим одной из основных задач профессиональной подготовки сотрудников является формирование положительного представления о себе и служебной деятельности. Так, сотрудник полиции должен быть культурным, честным, образованным, стрессоустойчивым, порядочным, иметь правовую, профессиональную подготовку, обладать морально-нравствен-

ными качествами. Имидж – это ежедневная работа. От поведения одного сотрудника зависит образ всей правоохранительной системы в целом. В случае отрицательного поведения, превышения полномочий, коррупционного проявления формируется негативное общественное мнение. «Помощниками» являются средства массовой информации, социальные сети, мессенджеры, различные информационные каналы, которые моментально распространяют сообщения, порочащие честь и достоинство сотрудника и всей правоохранительной системы в целом. Согласно социологическим исследованиям именно СМИ являются основным источником формирования мнения о полиции для граждан (60 %) [5, с. 45].

Перейдем к рассмотрению понятие «имидж» с точки зрения исследователей. А. А. Семик определяет: «Имидж сотрудника органа внутренних дел – это социальные представления об их ролевом поведении по выполнению служебных обязанностей, транслируемые средствами массовой информации и зафиксированные в письменной или обыденной ментальности [6, с. 122].

Поэтому вопросы взаимоотношения органов внутренних дел с обществом, формирования его положительного имиджа с учетом исторического опыта, накопленного в этой области, должны стать важным направлением деятельности МВД России, в том числе и образовательных организаций МВД России [7, с. 44].

Под имиджем органов внутренних дел мы понимаем эмоционально окрашенный образ силового ведомства, формирующийся стихийно и целенаправленно создаваемый, оказывающий психологическое воздействие на различные социальные группы [8, с. 48–50].

Для описания имиджа сотрудника полиции используются результаты изучения

¹ О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М. : ООО «ИТИ Технологии», 2008.

общественного мнения. Согласно исследованиям, проведенным В. И. Майоровым, О. Н. Дунаевым «около половины (45 %) граждан обозначили важность исследования имиджа сотрудника органов внутренних дел» [9]. По мнению Ю. М. Шамурзаева, «для создания нормальных условий жизни для населения необходимо учитывать мнение граждан о деятельности правоохранительных органов. Поэтому деятельность полиции по созданию своего позитивного образа, повышению авторитета, защите репутации является одним из важных направлений» [10, с. 236–237].

Положительный имидж и авторитет ОВД складывается из двух основных компонентов: 1) фактическая работа полиции; 2) медийный образ сотрудников ОВД. В связи с этим актуальной задачей на данный момент является формирование положительного имиджа ОВД в сознании граждан, улучшение общественного мнения о роли правоохранительных органов.

В настоящее время существует несколько причин, в связи с которыми увеличен интерес общественности к имиджу органов внутренних дел. Во-первых, в российском обществе давно назрела необходимость существенной корректировки их образа, так как сложившийся имидж становится преградой для развития структуры. Во-вторых, формирование положительного имиджа госструктур имеет не только узковедомственное, но и широкое общественное значение. Так, именно имидж формирует общественные отношения к тому или иному явлению, субъекту, а в нашем случае – силовой структуре. В системе внутреннего функционирования структуры имидж оказывает информационное и эмоционально-психологическое воздействие на ее элементы, и, следовательно, влияет на качество деятельности и ее результат [11, с. 2].

По мнению граждан, открытость и доступность (самораскрытие) в профессиональной деятельности являются необходимыми психологическими качествами личности сотрудников [12, с. 28–30].

Современный имидж сотрудника органа внутренних дел связывается в первую оче-

редь с высоким профессионализмом, наличием определенного культурного уровня, профессиональной управленческой подготовкой, интеллигентностью, развитыми моральными и нравственными личностными качествами. Сотруднику органа внутренних дел необходимо обладать широким кругозором, свободой и вариативностью мышления, высокими организаторскими качествами, способностью предвидеть и предвосхищать [13, с. 271]. Продолжая список, добавим, что сотрудник должен иметь коммуникационные навыки, развивать общение с различными категориями граждан, быть морально и нравственно устойчивым, аккуратно и опрятно выглядеть, вызывать чувство уважения, вести себя порядочно, честно, добросовестно выполнять свои обязанности.

Заключение.

Из всего вышеуказанного можно сделать следующие выводы. Формирование имиджа сотрудника органов внутренних дел как положительного явления общественного мнения представляет собой социальный процесс взаимодействия представителей правоохранительных органов с населением, отражение уровня его доверия, оценку эффективности деятельности и положительно к нему отношения.

Наиболее точно обозначила задачи взаимодействия полиции и общества Л. В. Карнаушенко: «Работа по формированию положительного имиджа сотрудника полиции должна осуществляться в виде создания доверительных отношений между полицией и обществом, в поиске диалога» [14, с. 15–19].

Исходя из анализа материала, новизна исследования заключается в следующем:

1) имидж сотрудника органов внутренних дел – это процесс формирования общественного мнения через слова, действия, поступки полицейского, отражающий представление различных социальных групп о социальной его ценности и о социальной эффективности их деятельности;

2) существенное знание в формировании положительно имиджа сотрудника органов внутренних дел играет нормативно-правовая база. Так, в статье 9 Федерального закона

от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» говорится о том, что полиция направлена на обеспечение общественного доверия и поддержку граждан. Положительное общественное мнение формируется в результате грамотного взаимодействия сотрудника с гражданами. В случае нарушения сотрудником прав и свобод гражданина в пределах своих полномочий принимает меры по его восстановлению. Извинения и признания ошибок сотрудником в отношении граждан, отсутствие предвзятости и справедливое отношение формируют положительное восприятие у граждан и понимание того, что сотрудник является не представителем карательного органа, а добросовестно исполняющим свои служебные обязанности и несущим правопорядок, общественную безопасность и ответственность перед гражданами представителем исполнительной ветви власти.

3) общественное мнение в деятельности сотрудников органов внутренних дел

формируется, исходя не только из прямого контакта с представителями исполнительной ветви власти при исполнении ими своих служебных обязанностей, но и через информационное пространство. Благодаря официальным сайтам ведомственных учреждений системы МВД России, страницам в социальных сетях, мессенджерам информируется общественность о деятельности полиции, помощи, взаимопомощи, налаживается контакт между правоохранительными органами и населением.

Автором установлено, что негативное восприятие населения происходит из-за неосведомленности деятельности сотрудников, отсутствия знаний и формирования общественного мнения граждан о сотрудниках, деятельности правоохранительной системы в целом. Положительное общественное мнение о сотрудниках органов внутренних дел формируется в ходе выполнения служебных задач, обеспечения общественного порядка и общественной безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мордвинов К. Б., Удавихина У. А. Имидж правоохранительных органов : актуальное состояние и практики его поведения // Теоретическая и практическая юриспруденция. № 3. 2021.
2. Каданцева Н. П. Формирование имиджа сотрудника органов внутренних дел в процессе профессионального образования в вузах МВД России : дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2013.
3. Бондаренко, Т. А. Имидж органов МВД в «милицейских» телесериалах // Социологические исследования: научный и общественно-политический журнал. М. : Наука. 2006. № 9.
4. Жуков Б. А. Повышение престижа службы в органах внутренних дел Российской Федерации. Формирование положительного имиджа сотрудника полиции // Молодой ученый. 2019. № 27 (265). С. 188–189.
5. Нестеров В. Е. Формирование имиджа сотрудника органов внутренних дел средствами массовой информации // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2021. № 1.
6. Семик А. А. Психологическая характеристика имиджа сотрудника органов внутренних дел (90-е годы XX века) : монография. Краснодар : Краснодарский юридический институт МВД России, 2001.
7. Формирование имиджа сотрудника органов внутренних дел в системе подготовки кадров МВД России : монография. СПб. : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. 156 с.
8. Худайкумова М. А. Стереотипы массового сознания и имидж органов внутренних дел // Молодой ученый. 2010. № 12 (23). Т. 2. С. 48–50.
9. Майоров В. И., Дунаева О. Н. Формирование стратегических приоритетов имиджевой политики российской полиции в контексте повышения эффективности ее работы // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 144.
10. Шамурзаева Ю. В. Некоторые особенности формирования и развития коммуникативной компетентности сотрудников органов внутренних дел // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 2. С. 236–237.
11. Бражинская Н. Е., Чернобродов Н. Е. Социально-психологические особенности имиджа современного полицейского в России // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 4.

12. Кораблев С. Е. Как сформировать позитивный имидж сотрудника полиции? // Вестник кадровой политики МВД России. 2011. № 3 (15). С. 28–30.
13. Султанова М. В. Имидж сотрудников ОВД и пути его формирования // Вестник университета. 2014. № 2.
14. Карнаушенко Л. В. Актуальные проблемы правоприменения в представлениях жителей России // Закон и право. 2020. № 1. С. 15–19.

REFERENCES

1. Mordvinov K. B., Udavikhina U. A. Image of law enforcement agencies: current status and practices of its behavior // Theoretical and practical jurisprudence. No. 3. 2021. (In Russ.)
2. Kadantseva N. P. Formation of the image of an employee of the internal affairs bodies in the process of professional education in universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia : diss. ... Cand. Ped. St. Petersburg, 2013. (In Russ.)
3. Bondarenko, T. A. Image of the Ministry of Internal Affairs in «police» television series // Sociological research: scientific and socio-political journal. Moscow : Science. 2006. No. 9. (In Russ.)
4. Zhukov B. A. Increasing the prestige of service in the internal affairs bodies of the Russian Federation. Formation of a positive image of a police officer // Young scientist. 2019. No. 27 (265). P. 188–189. (In Russ.)
5. Nesterov V. E. Formation of the Image of an Employee of the Internal Affairs Bodies by the Mass Media // Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law. 2021. No. 1. (In Russ.)
6. Semik A. A. Psychological Characteristics of the Image of an Employee of the Internal Affairs Bodies (1990s): monograph. Krasnodar: Krasnodar Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. (In Russ.)
7. Formation of the image of an employee of the internal affairs bodies in the system of training of personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia: monograph. SPb.: Publishing house of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 156 p. (In Russ.)
8. Khudaikumova M. A. Stereotypes of mass consciousness and the image of the internal affairs bodies // Young scientist. 2010. No. 12 (23). Vol. 2. P. 48–50. (In Russ.)
9. Mayorov V. I., Dunaeva O. N. Formation of strategic priorities of the image policy of the Russian police in the context of increasing the efficiency of its work // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. 2017. No. 2. P. 144. (In Russ.)
10. Shamurzaeva Yu. V. Some Features of the Formation and Development of Communicative Competence of Employees of Internal Affairs Bodies // Gaps in Russian Legislation. 2019. No. 2. P. 236–237. (In Russ.)
11. Brazhinskaya N. E., Chernobrodov N. E. Social and Psychological Features of the Image of a Modern Police Officer in Russia // The World of Science. Pedagogy and Psychology. 2020. Vol. 8. No. 4. (In Russ.)
12. Korablyov S. E. How to Form a Positive Image of a Police Officer? // Bulletin of the Personnel Policy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 3 (15). P. 28–30. (In Russ.)
13. Sultanova M. V. Image of Internal Affairs Bodies Employees and Ways of Its Formation // University Bulletin. 2014. No. 2. (In Russ.)
14. Karnaushenko L. V. Actual problems of law enforcement in the views of Russian residents // Law and Right. 2020. No. 1. P. 15–19. (In Russ.)

Информация для авторов:

Файрушина М. З. – кандидат политических наук.

Information about the author:

Fayrushina M. Z. – Candidate of Politycy.

Статья поступила в редакцию 11.10.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 28.11.2024.

The article was submitted 11.10.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 28.11.2024.

Научно-теоретическая статья
УДК 101.1:316.324(470)

Павел Александрович Сухоплюев
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, pavel_suh@mail.ru

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ДУХОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению российского государства-цивилизации, нравственных качеств и черт характера русского народа как государствообразующего народа России, духовных основ и ценностей российского общества, благодаря которым наша страна на протяжении столетий остается самостоятельным независимым геополитическим центром силы. Анализируются вызовы, стоящие перед современной Россией, в военной, научной, образовательной и экономической сферах.

Ключевые слова: культура, традиции, религия, ценности, истина, добро, свобода, образование

Для цитирования: Сухоплюев П. А. Социокультурные и духовные детерминанты российского общества и вызовы современной России // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 4 (20). С. 117–124.

Original article

Pavel A. Sukhoplyuev
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, pavel_suh@mail.ru

**SOCIO-CULTURAL AND SPIRITUAL DETERMINANTS
OF RUSSIAN SOCIETY AND CHALLENGES OF MODERN RUSSIA**

Abstract. The article is devoted to the consideration of the Russian state-civilization, the moral qualities and character traits of the Russian people as the state-forming people of Russia, the spiritual foundations and values of Russian society, thanks to which our country has remained an independent, independent geopolitical center of power for centuries. The challenges facing modern Russia in the military, scientific, educational, and economic spheres are analyzed.

Keywords: culture, traditions, religion, values, truth, goodness, freedom, education

For citation: Sukhoplyuev P. A. Socio-cultural and spiritual determinants of Russian society and challenges of modern Russia // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 4 (20). P. 117–124. (In Russ.)

Введение

Россия – особая страна. Она уникальна своей культурой, народами, географическими просторами, отличается от стран Запада и Востока, представляя собой особое государство-цивилизацию. Понятие «государство-цивилизация» появилось в социальных

науках в начале XXI века. Оно определяется как «целостная социальная система, занимающая обширную территорию, имеющая продолжительную историю самостоятельной государственности, объединяющая многочисленные народы на принципах равенства, взаимоуважения религий, нацио-

нальных традиций и имеющая уникальную самобытную многообразную культуру»¹. Идея государства-цивилизации противопоставляется возникшей в Европе Нового времени идее государства-нации. При этом государство-цивилизация имеет сходные черты с государством-империей, но есть и существенные различия, если рассматривать государство-империю в традиционном западном политико-правовом понимании.

Отличительными особенностями российского общества является его многонациональный и многоконфессиональный характер. В дружбе народов, проживающих на территории Российской Федерации, проявляется сила нашей страны. Этот тезис подтверждается и социологическими исследованиями. Так, по данным исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) от 18 июля 2024 года большая часть россиян (60 %) уверены, что многонациональность делает нашу страну только сильнее; четверть опрошенных (25 %) полагают, что этот факт никак не влияет на силу России; только 7 % видят в ней, скорее, источник ослабления². Историческая обусловленность единства и согласия российского общества сложилась во многом благодаря характеру и нравственным качествам русского народа как государствообразующего и его открытости к равноправному общению с другими народами.

При этом дальнейшее развитие российского государства-цивилизации во многом зависит от решения стоящих сегодня перед страной геополитических вызовов в военной и экономической сферах, а также актуальных проблем в таких областях, как образование, наука и развитие новых технологий [1].

¹ Основы российской государственности : учебник / коллектив авторов ; под ред. А. В. Малько. Москва : КНОРУС, 2024. С. 67.

² Также восемь из десяти россиян (79 %) положительно оценивают состояние межнациональных отношений по месту жительства, 81 % опрошенных не испытывают тревоги или страха по отношению к представителям других национальностей и такой же процент опрошенных не испытывают неприязни к людям, приехавшим из других стран // ВЦИОМ Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mezhnacionalnyye-otnosheniya-i-problema-immigracii> (дата обращения: 05.09.2024).

³ Хрестоматия по философии : учебное пособие для высших учебных заведений. Ростов-на-Дону : «Феникс», 1997. С. 470.

Методы

Основу методологии настоящей работы составляют диалектический метод, общенаучные методы исследования, метод единства исторического и логического, а также цивилизационный подход [2; 3].

Результаты

Жить по правде – краеугольный камень русского мирозерцания. «Не в силе Бог, но в правде» – слова эти, сказанные впервые Александром Невским и адресованные войнам княжеской дружины перед выходом из Новгорода на битву со шведами, характерны для России и русского народа. Правда и справедливость всегда выступали и остаются сейчас важнейшими ценностями русского народа, обладающими притягательной силой и для других народов России.

Русский мыслитель первой половины XIX века А. С. Хомяков сформулировал идею соборности и выделил ее как характерную черту русского народа, основанную на предикатах свободы, единства, Божественной благодати и любви. При этом соборность как «единство во множественности» противостоит западным индивидуализму и коллективизму, которые, по мнению философа, нивелируют личность. «Латинянин думает о таком единстве Церкви, при котором не остается следов свободы христианина, а протестант держится такой свободы, при которой совершенно исчезает единство Церкви. Мы же, – пишет А. С. Хомяков, – исповедуем Церковь единую и свободную»³.

Выдающийся русский философ XIX века В. С. Соловьев, говоря о единстве русского народа и общества, отмечает: «Истинное единство народов есть не однородность, а всенародность, т. е. взаимодействие и солидарность всех их для самостоятель-

ной и полной жизни каждого» [4, с. 323]. На этом пути, по мнению отечественного философа Н. О. Лосского, осуществляется идеал человека, который есть «не отвлеченный общий человек марксистов, а конкретный всечеловек в том смысле, что каждый индивидуум в соборном единении с другими индивидуумами участвует во всей полноте и разнообразии жизни человечества» [4, с. 323]. Ф. М. Достоевский в духовном облике русского народа отмечает как наиболее его характерную черту «всемирную отзывчивость», т. е. способность к пониманию любой другой культуры, стремление к объединению человечества.

Основанием культуры и духовной жизни русского народа является православная вера. На это указывали многие выдающиеся русские мыслители [5; 6; 7; 8; 9]. Так, Н. А. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» пишет: «Душа русского народа была сформирована православной церковью, она получила чисто религиозную формацию» [5, с. 8]. Также философ отмечает в душе русского народа сильный природный элемент, связанный с безграничностью русской равнины и необъятностью русской земли, поэтому «в типе русского человека всегда сталкиваются два элемента – первобытное, природное язычество, стихийность бесконечной русской земли и православный, из Византии полученный, аскетизм, устремленность к потустороннему миру» [5, с. 8]. Такая религиозная формация русской души, по мнению Н. А. Бердяева, выработала определенные устойчивые свойства: «догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры, какова бы она ни была, устремленность к трансцендентному, которое относится то к вечности, к иному миру, то к будущему, к этому миру» [5, с. 9].

Н. О. Лосский выделяет такие главные качества в характере русского народа, как религиозность, сила воли, страстность, свободолюбие, доброта, даровитость (талант), способность к высшим формам опыта, мессианизм и повышенный интерес к социальной справедливости. При этом на первое место Н. О. Лосский также ставит религиоз-

ность: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием» [4, с. 240].

О главенствующей роли религии в жизни русского народа говорит также В. В. Розанов: «Во всем другом, – отмечает философ, – человек лишь участвует; под религией же он живет: она обнимает его всего, ко всему его просвещает, от одного удерживает, к другому нудит» [10, с. 212]. При этом христианскую любовь В. В. Розанов называет главной чертой русской культуры.

Философ И. А. Ильин называет духовную любовь, которая есть «голод души по Божественному, в каком бы облики это Божественное ни появилось» [11, с. 122], наиболее глубоким источником духовного опыта. Понятие «родина» выступает прежде всего, как понятие духовное. И хотя она не мыслится без территории, пространства, географической обстановки, климата, привычного быта, хозяйственного уклада, языка, все это есть не более, чем «жилище родины, ее орудие, ее средство, ее материал, но не она сама. <...> ибо родина есть нечто от духа и для духа» [11, с. 227].

Отечественный философ XX века А. В. Гулыга в одной из последних своих работ «Русская идея и ее творцы» (1995) в главе «Формула русской культуры» возвращается и заново переосмысливает знаменитую триаду графа С. С. Уварова «православие, самодержавие, народность», сформулированную им в 1832 году. А. В. Гулыга пишет: «Единство культуры, понимаемой как система ценностей, – вот главный признак нации. <...> Нация – это общность судьбы и надежды, если говорить метафорически» [12, с. 63].

Как справедливо отмечает И. А. Ильин, «всечеловечество есть духовное состояние, которое может быть доступно только духовно и национально самоутвердившемуся человеку. <...> Человек приемлет и дух своей семьи, и дух своего народа, и в них растет и зреет; он не «никто»; он имеет оплодотво-

ряющее и ведущее его духовное русло» [11, с. 262].

Отсюда то неопределимое значение в духовной жизни российского общества, которое имеют семейные ценности. Семья придает жизни человека стабильность и устойчивость, она является опорой индивидуальной человеческой жизни. Семья строится на любви, взаимном уважении, семейных традициях, взаимопомощи всех членов семьи, работе на благо семьи. Семья – это дети и их воспитание. Необходимо решать проблемы и выходить из любой ситуации без конфликтов. Семья является социальным институтом, транслирующим архетипы традиционных ценностей – нравственно-этических и эстетических, светских и религиозных и т. д. Кризис института семьи в современном обществе приводит к демографическим проблемам и вызовам [13].

А. В. Гулыга верно отмечает, что без православия нет русской культуры. «В былые времена, – пишет он, – «русский» и «православный» были синонимами» [12, с. 64]. Самодержавие вытекает из православия, где царь – помазанник Божий, который является носителем не только высшей власти, но и высшей благодати. «Монархия, – по мнению философа, – обладает для нас целым рядом несомненных достоинств. Прежде всего это символ единства страны. Монарх возвышается над партиями и национальностями» [12, с. 77].

Миссию России русские мыслители видели в полном осуществлении христианского идеала в жизни всего человечества, в осуществлении «правды и любви, или свободной солидарности всех положительных сил и элементов Вселенной» [14, с. 235], что является, по мнению В. С. Соловьева, окончательной целью истории.

Н. О. Лосский и И. А. Ильин, философы русского зарубежья первой половины – середины XX века, не могли не думать о России будущего. Метафизически и политически они предчувствовали и предугадывали, что может произойти с нашей страной в будущем. Так, Н. О. Лосский, осуждая украинский сепаратизм, писал: «...Чувствуется как

нравственно предосудительное – предпочтение ими провинциальных обособленных ценностей совместному творчеству всех трех ветвей русского народа, создавшего великую державу с мировой культурой. Сама замена многозначительного имени Малороссия именем Украина (то есть окраина) производит впечатление утраты какой-то великой ценности...» [12, с. 66].

И. А. Ильин, как известно, был не только философом и ученым, но и идеологом белого движения. Проживая с 1922 года в эмиграции, он ясно осознавал отношение стран Запада к России. В работе «О грядущей России» И. А. Ильин пророчески предвидит будущее страны: «Мы должны быть готовы к тому, – пишет он, – что расчленители России попытаются провести свой нелепый и враждебный опыт даже и в после-большевистском хаосе, обманно выдавая его за высшее торжество «свободы», «демократии» и «федерализма» – российским народам и племенам на погибель, авантюристам, жаждущим политической карьеры, на «процветание», врагам России на торжество» [15, с. 177]. Мы должны быть к этому готовы, по мнению философа, в том числе, «потому что мировая закулиса, решившая расчленить Россию, отступит от своего решения только тогда, когда ее планы потерпят полное крушение» [15, с. 177]. При этом, утверждает И. А. Ильин, «Россия не погибнет от расчленения, но начнет воспроизведение всего хода своей истории заново» [15, с. 180].

Идеи любви и добра всегда играли важную роль в системе духовных ценностей русского народа и российского общества в целом. Не случайно русские философы и писатели всегда уделяли большое внимание проблемам нравственного развития, воспитания и образования человека. Так, И. В. Киреевский, живший в первой половине XIX века, отмечал, что отечественная образованность заложила «особенный склад русского ума, стремящегося ко внутренней цельности мышления» и создала «особенный характер коренных русских нравов, проникнутых постоянною памятью об отношении всего временного к вечному и человеческого к

божественному»¹. Просвещение, полагает И. В. Киреевский, должно носить не частный характер – логический или чувственно-опытный, а быть духовным: «Просвещение духовное <...> есть знание живое: оно приобретается по мере внутреннего стремления к нравственной высоте и цельности и исчезает вместе с этим стремлением, оставляя в уме одну наружность своей формы»².

Для воспитания морали необходимо представление об идеалах, с которыми человек обязан соотносить направление своей душевной деятельности и свое поведение. Согласно В. В. Розанову, такими идеалами являются истина, добро и свобода. Вне этих идеалов, по мнению философа, никакая жизнь души невозможна, ибо «нет для нее деятельности, как только прекратится в ней различие истинного от ложного, доброго от злого, рабства от свободы» [10, с. 200]. В стремлении к этим идеалам, в их осуществлении и состоит, по словам В. В. Розанова, назначение человека, содержание и цель его жизни.

Сохранение российского государства-цивилизации, российского народа, культуры, ценностей в настоящее время зависит от решения глобальных геополитических, военных и экономических вызовов, которые стоят перед нашим государством. Эти вызовы возникли не сегодня и не вчера, но формировались и усиливались в течение нескольких последних десятилетий.

Политика встраивания России в мировую глобальную экономику, которая проводится с начала 90-х г. XX века, имеет ряд аспектов. С одной стороны, этот процесс выглядит как естественный и закономерный, поскольку мировая экономика уже давно тесно связана с международным разделением труда. В современном мире автаркия (устройство общества, которое само обеспечивает себя всем необходимым) в чистом виде невозможна. Экономика любого государства более эффективна и производитель-

на, если она включена в процесс международного разделения труда, – это своего рода «прописная» истина, аксиома экономической науки. Но главная тонкость вопроса заключается здесь в том, какое место занимает и какую роль играет экономика Российской Федерации в глобальной экономике, а также кто и в чьих интересах управляет глобализационными процессами?

Как устроена современная глобальная экономика и кто являются ее главными бенефициарами (выгодоприобретателями)? В том виде, как мы ее сейчас наблюдаем, она окончательно сложилась после распада СССР и образования так называемого «однополярного» мира, в котором ведущую роль стали играть США и страны западной Европы. В рамках принципов и правил такой глобализации национальные интересы всех других стран жестко подавляются. В международном разделении труда им приписываются роли источника либо дешевой рабочей силы, либо дешевых источников сырья и, соответственно, определенная модель поведения, например, ресурсная экономика (Россия, страны Африки, Латинской Америки), экономика сборки (Китай). Этим странам дали рабочие места, их включили в глобальную экономику, дали возможность немного заработать, но их ресурсы фактически уходят за бесценок, никакого развития не происходит (существующая модель глобализации мира этого и не предполагает). Тем самым фактически сложилась система мирового неокOLONиализма, в котором господство над подчиненными государствами осуществляется не с помощью армий и военной силы, а через контроль денежных расчетов, финансовой системы и рынка распределения рабочей силы.

В мире, который глобализируется подобным способом, наибольшую власть получают транснациональные корпорации, для которых национальные государства становятся лишь средствами реализации своих

¹ Хрестоматия по философии : учебное пособие для высших учебных заведений. Ростов-на-Дону : «Феникс», 1997. С. 462.

² Там же. С. 463.

бизнес-проектов. Экономика нашей страны носила ярко выраженный рентный характер, основанный на экспорте сырья и природных ресурсов, отечественные инновационные технологии во многих важнейших отраслях экономики не развивались. Однако рентная экономика ведет по сути к отказу страны от суверенитета. Как бы мало ни защищала Россия в 90-е годы XX в. свои национальные интересы, странам Запада и этого было мало. Несколько этапов расширения военного блока НАТО, появление его инфраструктуры на границах Российской Федерации, отказ от диалога по вопросам европейской и мировой безопасности, абсолютная уверенность в эффективности экономических рычагов давления на Россию, безответственность и недоговороспособность действующей политической элиты Запада (например, невыполнение Минских соглашений) фактически вынудили Россию начать специальную военную операцию.

Ориентированные на личное обогащение и фактически продвижение интересов стран коллективного Запада отечественные бизнес-элиты выступили в роли, если использовать марксистскую терминологию, так называемой «компрадорской буржуазии»¹. Однако бизнесу для увеличения прибыли и снижения издержек нужна дешевая рабочая сила, в качестве которой выступают мигранты.

В вопросах, связанных с миграционной политикой государства, важно не совершать ошибку, которая в логике называется «поспешное обобщение». Решающее значение имеет качество прибывающих в страну мигрантов. Они должны быть грамотными и образованными специалистами, уважающими культуру и традиции народов Российской Федерации, соблюдающими законодательство страны. Только при этом условии они могут принести пользу нашему обществу.

Вспомним, например, таких архитекторов и скульпторов, как Бартоломео Растрелли, Доминико Трезини и Жан-Батиста Леблонна, выдающегося ученого, математика и механика Леонарда Эйлера, а также и то, что первым петербургским генерал-полицмейстером Петром I был назначен родившийся в Португалии Антон Мануилович Девиер.

Надо сказать, что для обеспечения суверенитета и независимости государства не обязательно производить все, но критически важно развивать и обладать, как справедливо отмечает член президиума Совета по внешней и оборонной политике А. В. Лосев², собственными технологиями в ключевых сферах производства – авиа- и машиностроении, станкостроении, электронике, медицине, необходимо развивать предприятия оборонно-промышленного комплекса и обеспечивать продовольственную и энергетическую безопасность страны.

Заключение

Огромное значение для нашей страны имеет непрерывное развитие науки, знания, образования, социальной сферы общественной жизни. Это важно, потому что как только прерывается связь, преемственность, традиция, эти достижения утрачиваются, причем утрачиваются навсегда. В этом случае мы получаем ситуацию, в которой, говоря словами шекспировского Гамлета, распадается связь времен («порвалась дней связующая нить»³), происходит общественный перелом, катаклизм, обрываются традиции в области интеллектуальных достижений, морали, нравственности, социального поведения, культуры в целом, что ведет к деградации общества.

Для того, чтобы создавать собственные технологии, нужны люди – грамотные и образованные специалисты; система образования, воспитания и обучения, направленная на формирование у обучающихся фундамен-

¹ Компрадорская буржуазия // Большая советская энциклопедия. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/97561> (дата обращения: 05.09.2024).

² Итоги недели // ОТР. URL: <https://otr-online.ru/programmy/segodnya-v-rossii/itogi-nedeli-78026.html> (дата обращения: 07.06.2024).

³ Шекспир У. Гамлет, принц датский / пер. Б. Пастернак. URL: https://www.100bestpoems.ru/files/Shakespeare_Hamlet.pdf (дата обращения: 30.10.2024).

тальных знаний, нацеленная на воспитание всесторонне развитой личности, формирование интеллектуально и нравственно раз-

витого человека, гражданина своей страны, мыслящего, знающего историю, культуру, традиции своей Родины.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Традиционные духовно-нравственные ценности в современной России: история и вызовы времени : сборник научных статей 2-й Всероссийской научно-практической конференции, организуемой в рамках X Юбилейных международных научно-образовательных Знаменских чтений «Православно-христианские основы стратегии развития российской цивилизации». Курск : ЗАО «Университетская книга», 2024. 140 с.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 672 с.
3. Гумилев Л. Н. От Руси к России. Москва : Эксмо, 2022. 384 с.
4. Лосский Н. О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра : Основы этики ; Характер русского народа. Москва : «Политиздат», 1991. 368 с.
5. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. Москва : «Наука», 1990. 224 с.
6. Бердяев Н. А. О назначении человека. Москва : Терра – Книжный клуб ; Республика, 1998. 382с.
7. Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва : Республика, 1994. 415с.
8. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. Москва : Республика, 1994. 432с.
9. Франк С. Л. Духовные основы общества. Москва : Республика, 1992. 511с.
10. Розанов В. В. Цель человеческой жизни // Смысл жизни в русской философии. Конец XIX – начало XX века / отв. ред. А. Ф. Замалеев. Санкт-Петербург : «Наука», 1995. 384 с.
11. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Религиозный смысл философии. Москва : Издательство «АСТ», 2003. 694 с.
12. Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. Москва : «Эксмо», 2003. 448 с.
13. Петрова Н. Г. Современные демографические вызовы в России // Демография и глобальные вызовы : сборник статей III Международного демографического форума. Воронеж : ООО «Цифровая полиграфия», 2024. С. 780–785.
14. Соловьев В. С. Идолы и идеалы // Смысл жизни в русской философии. Конец XIX – начало XX века / отв. ред. А. Ф. Замалеев. Санкт-Петербург : «Наука», 1995. 384 с.
15. Ильин И. А. О грядущей России. Москва : издание Св.-Троицкого монастыря, 1991. 367 с.

REFERENCES

1. Traditional spiritual and moral values in modern Russia: history and challenges of the time: a collection of scientific articles of the 2nd All-Russian scientific and practical conference organized within the framework of the 10th Anniversary international scientific and educational Znamensky readings «Orthodox-Christian foundations of the development strategy of Russian civilization». Kursk : ZAO «Universitetskaya kniga», 2024. 140 p.
2. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. St. Petersburg : Azbuka, Azbuka-Atticus, 2020. 672 p.
3. Gumilyov L. N. From Rus' to Russia. Moscow : Eksmo, 2022. 384 p.
4. Lossky N. O. The character of the Russian people // Conditions of absolute good: Fundamentals of ethics; The character of the Russian people. Moscow : «Politizdat», 1991. 368 p.
5. Berdyaev N. A. Origins and meaning of Russian communism. Reprint reproduction of the YMCA-PRESS publication, 1955. Moscow : «Nauka», 1990. 224 p.
6. Berdyaev N. A. About the purpose of a person. Moscow : Terra – Book Club; Republic, 1998. 382 p.
7. Bulgakov S. N. Non-evening light: Contemplations and speculations. Moscow : Republic, 1994. 415 p.
8. Trubetskoy E. N. The meaning of life. Moscow: Republic, 1994. 432 p.
9. Frank S. L. Spiritual foundations of society. Moscow: Republic, 1992. 511 p.
10. Rozanov V.V. The purpose of human life // The meaning of life in Russian philosophy. Late 19th – early 20th century / ed. A. F. Zamaleev. St. Petersburg : Nauka, 1995. 384 p.

11. Ilyin I. A. The Path of Spiritual Renewal // The Religious Meaning of Philosophy. Moscow : AST Publishing House, 2003. 694 p.
12. Gulyga A. V. The Russian Idea and Its Creators. Moscow: Eksmo, 2003. 448 p.
13. Petrova N. G. Modern Demographic Challenges in Russia // Demography and Global Challenges : collection of Articles from the 3rd International Demographic Forum. Voronezh: OOO Digital Printing, 2024. P. 780–785.
14. Soloviev V. S. Idols and Ideals // The Meaning of Life in Russian Philosophy. Late 19th – early 20th century / ed. A. F. Zamaleev. St. Petersburg : «Science», 1995. 384 p.
15. Ilyin I. A. About the coming Russia. Moscow: publication of the Holy Trinity Monastery, 1991. 367 p.

Информация об авторе:

Сухоплюев П. А. – кандидат философских наук.

Information about the author:

Sukhoplyuev P. A. – Candidate of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 05.11.2024; принята к публикации 28.11.2024.

The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 05.11.2024; accepted for publication 28.11.2024.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»

К опубликованию принимаются рукописи научных статей, соответствующие тематике журнала, по своему содержанию отражающие результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, посвященных актуальным проблемам развития юридических, экономических, социологических и философских наук, которые ранее не направлялись в другие издания и не публиковались по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки).

Статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Требования к оформлению печатного текста

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника «ORCID» (при наличии), контактные телефоны). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность) под заголовком «Информация об авторе» приводятся в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Структура статьи должна состоять из разделов, которые обозначаются в тексте статьи соответствующими словами:

- Введение;
- Методы;
- Результаты;
- Обсуждение (при наличии);
- Заключение.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, содержащий не менее 15 научных источников и оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“References”). На все источники в библиографическом списке должны быть ссылки в тексте статьи. Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Не допускается включение в библиографический список анонимных источников и нормативных документов (постановлений, законов, инструкций и т. д.) в связи с тем, что они не могут быть про-

индексированы в базах данных цитирования. Не допускается использование в библиографическом списке труднодоступных, неопубликованных, малотиражных, а также локальных, популярных и образовательных источников: газет, неопубликованных отчетов, учебных пособий и учебников, справочников и словарей. Ссылки на вышеуказанные источники оформляются как постраничные сноски с соблюдением соответствующих правил оформления.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 см каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы предоставляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть не менее 7 страниц.

Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %.

На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя, заверенный печатью организации.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

Рецензирование статей является закрытым (односторонним / двусторонним слепым).

Датой поступления статьи в редакцию считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка на опубликование научной статьи.

Предоставление материала в редакцию

Материалы предоставляются в редакцию через официальный сайт журнала «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива». Для подачи материала автору необходимо пройти регистрацию.

После регистрации в личном кабинете нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Создать» → «Журнальная статья».

Ввести название статьи. Откроется окно создания статьи. Заполнить информацию в разделах «Метаданные» и «Авторы». Загрузить в разделе «Файлы» (нажать на кнопку «Загрузить»):

- статью в формате .docx;
- статью с подписями авторов на последнем листе в формате .pdf ;
- иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и др.) в формате .jpg (при наличии);
- отзыв научного руководителя в формате .pdf (при наличии);
- заявку на опубликование научной статьи в формате .pdf.

Разделы «Текст», «Список литературы» и «Тематики» заполнять не нужно.

Нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Заявка на публикацию». В списке изданий выбрать «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива», в списке рубрик выбрать актуальную рубрику из предложенного списка и нажать «Отправить заявку».

При поступлении статьи в редакцию она проходит первичную проверку на соответствие формальным требованиям.

При необходимости доработки статьи все изменения вносятся в текстовый документ. Первоначальный вариант статьи удаляется, а исправленный – загружается в раздел «Файлы» на странице заявки.

<p>Заявка на опубликование научной статьи электронном в научном журнале «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива»</p> <p>Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ _____ (название статьи) в рубрике _____</p> <p>Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет, электронных научных библиотеках.</p> <p>Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций.</p> <p>Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.</p> <p>Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.</p> <p style="text-align: center;">О себе сообщаю следующую информацию:</p> <p>ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____</p> <p>Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.</p>

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ:
РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»**